ЛОРА БЕКИТТ

ПРОЩЕНИЯ НЕ ЖДУТ

Прощения не ждут
Лора Бекитт

Аннотация
Лора Бекитт. Прощения не ждут
Пролог
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая

Глава двадцатая
Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Эпилог

Аннотация

В 1880 году два ковбоя Арни и Кларенс нанимаются на работу на маленькое ранчо, затерянное в горах американского штата Вайоминг. Хозяин соседних богатых владений слывет суровым человеком. В его усадьбе живут две девушки, которых молодые люди сперва принимают за сестер. Они не предполагают, что знакомство с Надин и Эвиан угрожает их давней дружбе и положит начало долгой истории любви и ненависти, предательства и прощения…

Лора Бекитт
Прощения не ждут

Пролог

В поздний вечерний час некий человек перевел железнодорожную стрелку так, чтобы состав, следовавший из Шайенна в Гранд-Джанкшен[1], перешел на другой путь. А потом другой человек приставил к голове телеграфиста маленькой станции револьвер, и приближавшийся поезд получил сигнал остановиться.

Когда состав дернулся, никто ничего не заподозрил. Обычная остановка в пути. Пока пассажиры спокойно сидели на своих местах, неизвестные вытащили из кабины паровоза машиниста и кочегара. Потом взломали последний, почтовый вагон, обшарили сейф и содержимое мешков. А после пошли вперед по составу.

Опасаясь проявлений неожиданного героизма со стороны пассажиров, грабители не снимали пальцев с взведенных курков. Внимательно оглядывая мужчин, женщин и детей, они молча забирали протянутые ценности и деньги.

Иногда главарь делал своим людям знак оста-

---

[1] Примечания: 1

Шайенн — столица американского штата Вайоминг, Гранд-Джанкшен — город в штате Колорадо.

новиться — если замечал богатого, на его взгляд, человека, и тогда несчастного бесцеремонно обыскивали и копались в его вещах. Бандиты не трогали дам, и самые сообразительные и смелые из них успевали припрятать в лифах украшения и купюры.

В вагон, где сидела семья Янсонов и их спутница, молодая вдова Эвиан Иверс с сыном Дунканом, вбежал перепуганный кондуктор.

— Сюда идут грабители! Это они остановили поезд!

Многие пассажиры вскочили с мест. Оружия почти ни у кого не было, зато у многих имелись дорогие часы и туго набитые кошельки.

— А если попытаться бежать в лес? — выкрикнул кто-то.

— Не вздумайте! Они предупредили, что в этом случае будут стрелять.

Надин Янсон в испуге прижала к себе детей. Ее муж Арни озирался вокруг, не зная, что предпринять. У него не было оружия. Он давно не имел нужды постоянно носить с собой винтовку или кольт.

— Говорят, они не обыскивают женщин! — добавил кондуктор, и, услышав это, Эвиан сунула деньги в ботинок.

Она с содроганием подумала о том, что пусть ее лучше пристрелят, но она ни за что не потерпит, чтобы к ней прикасались чужие руки.

Вокруг были искаженные страхом, растерянностью и беспомощностью лица. Кто-то из женщин запричитал и заплакал, а следом разревелся ребенок.

Однако когда бандиты вошли в вагон, все умолкли, как по команде, и тотчас раздался громкий голос:

— Все остаются на местах! Это ограбление. С теми, кто добровольно отдаст деньги, ценные вещи и оружие, ничего не случится.

Мужчины считали долгом заслонить своих спутниц, которые буквально вжались в стенки вагона. Многие джентльмены изо всех сил старались сохранить решительное выражение лица, но это удавалось далеко не всем.

Большинство пассажиров безропотно протягивали грабителям их добычу. В основном здесь собрались мирные люди, редко, а то и никогда не пользовавшиеся оружием.

Когда Арнольд Янсон вынимал бумажник, его руки слегка дрожали, но не от страха. Он ощущал себя попавшим в крайне унизительное положение. Ему не было жалко денег, но он знал, что

будет со стыдом вспоминать тот день, когда женщины стали свидетелями его смирения перед преступниками, падения его духа. Конечно, он был уверен, что ни его жена Надин, ни Эвиан не осудят его, даже наоборот, но ведь здесь находился и его сын Эрик!

Ближайший бандит ткнул его револьвером в грудь, давая понять, чтобы он поторапливался. Арни нестерпимо хотелось ударить его бумажником по лицу. Возможно, он так бы и сделал, но тут их взгляды встретились, и оба замерли, не в силах поверить своим глазам.

Рука Арни с зажатым в ней бумажником и рука Кларенса Хейвуда, его бывшего друга, с которым он не виделся восемь лет, замерли на полпути. Прошло не меньше минуты, и все это время они были похожи на людей, ведущих молчаливый разговор о чем-то, известном лишь им двоим.

— Эй, побыстрее! — бросил главарь, обходя их и продвигаясь дальше.

— Сейчас, — сказал Кларенс.

— Возьми. — Арни протянул ему деньги.

— Боюсь, этого будет мало. Думаю, тебе не расплатиться всем золотом мира!

— Тогда выставь свой счет.

— Непременно. Только для этого тебе придется

пройти со мной.

Арни кивнул и надел шляпу.

От него не укрылось, с каким презрением бывший приятель смотрит на его черный шерстяной костюм, столь отличавшийся от былой ковбойской одежды. Арни казалось, что сам Кларенс не слишком сильно изменился. Все те же чуть раскосые темные глаза (только теперь их взгляд был много жестче и тяжелее), четкие, хотя и ставшие более резкими черты лица, стройное, но сильное тело.

И вместе с тем в нем было что-то страшно незнакомое, чужое: Арни с трудом верилось, что он провел детство и большую часть юности бок о бок с этим человеком. Сейчас чувствовалось, что Кларенс способен выстрелить без слов, а если все же вступит в разговор, это будет подобно игре кошки с мышью.

И все же, вопреки всему, Арни испытал огромное облегчение, словно то, чего он так долго ждал, наконец свершилось. Он услышал металлический щелчок взведенного курка, и в следующий миг ствол уперся ему в ребра.

— Арни! — в ужасе вскричала Надин.

— Твоя жена? — кивнул Кларенс.

— Да.

До сего момента он не обращал внимания на спутниц Арни, зато они пристально смотрели на него.

Внезапно одна из них встала и сделала шаг вперед.

— Кларенс…

Увидев ее, он весь подобрался и опустил оружие. Он смотрел на нее странным, пристыженным и одновременно вызывающим взглядом.

— Эвиан…

— Оставь в покое Арни, Кларенс. Нам надо поговорить, — сказала Эвиан и повернулась к своим спутникам: — Подождите здесь.

За минуту до этого она велела Дункану, что бы ни случилось, сидеть тихо, и теперь он не двигался, вцепившись в руку Эрика, и лишь провожал свою мать встревоженным взглядом. А еще Эвиан успела снять с пальца кольцо, надетое ее женихом Джастином, на встречу с которым она ехала, и сунуть его в ладонь Надин.

Когда она пошла по проходу, Надин заломила руки. Арни стиснул зубы. Он тоже не знал, что предпринять.

— Я пойду за ними!

— Нет! Он тебя убьет! — в отчаянии произнесла Надин.

В конце вагона Эвиан повернулась, посылая им предупреждающий жест, и они не решились тронуться с места.

Подобрав юбки, молодая женщина спрыгнула в высокую траву. Возле состава царила суета. Бандиты волокли какие-то мешки; из соседнего вагона вывели мужчину в цилиндре и дорогом пальто — в сумерках его лицо казалось белым, как кость.

Вдали чернела стена леса, а вблизи виднелось одноэтажное деревянное здание станции.

— Мы можем войти туда? Там кто-нибудь есть? — спросила Эвиан и, не дожидаясь ответа, поднялась на крыльцо и открыла дверь.

В одной из двух комнат, привалившись к стене, сидели связанные телеграфист и смотритель станции. Второй — с раной на лбу, очевидно, нанесенной рукояткой револьвера.

Другая комната была пуста, и Эвиан прошла в нее. Кларенс шагнул следом.

Мутное окно, деревянный стол, какие-то инструменты, полки с пыльными папками. С улицы доносились крики, ржание лошадей, один раз раздался гудок паровоза, но эти двое, мужчина и женщина, словно попали в другой мир.

Оба, казалось перестали дышать. Они стояли в

двух шагах друг от друга, но их разделяло нечто намного большее, чем это крохотное пространство.

Он заметил, что на ее лбу прорезалась морщинка. Она — что на его лице, от глаза к уху, змеится белая молния шрама.

Кларенс Хейвуд молчал. Он не мог сказать Эвиан, что его жизнь на поверку не оправдала никаких ожиданий. Что его судьба давно лежит в осколках, которые он не чает собрать. И он отчаянно старался, чтобы Эвиан не прочла по его глазам, что ему стыдно перед ней за то, что ей довелось увидеть, кем он стал, чтобы она не разглядела его опустошенность и досаду.

Эвиан сняла шляпку, положила ее на стол и провела ладонью по лбу. Потом сказала:

— Иверс мертв. Я свободна.

— Давно?

— Чуть больше года.

— Он умер?

— Его убили. Это сделал человек, которого ты считаешь своим врагом.

Угольно-черные глаза Кларенса расширились.

— Как это произошло?

— Из-за моего сына.

— У тебя есть сын?

— Да.

Губы Кларенса тронула чуть заметная улыбка. Он поискал в выражении лица Эвиан некое признание, но не нашел.

— Сколько ему?

— Семь. — И прежде, чем Кларенс смог что-то произнести, добавила: — Прошу, не трогай Арни и его семью. Оставь обиды в прошлом. Я все объясню. — И, переведя дыхание, продолжила: — В тот раз, когда ты пришел в гостиницу, Иверс притаился в соседней комнате. Он угрожал моему новорожденному сыну. Потому я и сказала тебе то, что сказала.

Его лицо перекосила боль, и он невольно сжал рукоятку револьвера.

— Стало быть, тогда я ушел, оставив тебя и… ребенка в лапах Иверса?!

— Есть вещи, которые мы не в силах изменить. В тот вечер все козыри были в его руках.

Кларенс смотрел на нее, и ему чудилось, что он ощущает возродившуюся трепетную любовь, юношеское возбуждение, трогательное волнение, но все это словно покрывала твердая корка ставшей привычной жестокости и равнодушия, давней скорби и горького разочарования.

Видя, что Эвиан опасается его намерений, он

произнес:

— Я не стану никого трогать.

— Разве ты можешь действовать по собственной воле? Ведь ты среди тех, кто отбирал деньги у пассажиров…

— Одно твое слово, и я не поеду с ними, а останусь с тобой!

Он произнес это с тем же решительным видом, с каким когда-то обещал увезти ее из «Райской страны».

— Да, — сказала она, — я этого хочу.

Кларенс потянулся к ней, но Эвиан отстранилась.

— Подожди. Надо оказать помощь тем, кто в соседней комнате.

— Хорошо, — согласился Кларенс, но она остановила его:

— Я сама. Эти люди и так напуганы.

Молодая женщина прошла туда, где находились смотритель и телеграфист. Достав свой носовой платок, она осторожно вытерла кровь со лба первого, после чего тихо, но решительно произнесла, обращаясь к телеграфисту:

— Прошу вас, когда я и тот человек выйдем отсюда, сообщите полиции о том, что произошло ограбление поезда. Не медлите! А потом сядьте

так, как сидели.

Достав маленький ножичек, она перерезала веревки, связывавшие руки мужчин.

— Один из них ранен, — вернувшись, сказала она, — но, кажется, легко.

— Скоро их освободят. Там почти закончили, — Кларенс кивнул в сторону поезда.

— Пока они не уехали, нам, наверное, надо где-то спрятаться?

— Да. Идем!

Они выскользнули из здания, прокрались вдоль стены и остановились за кустами. Эвиан видела, как бандиты садятся в седла. Если они и не досчитались одного из товарищей, то не стали его искать.

У Кларенса было странное выражение лица. Казалось, он не очень хорошо представляет, как вернуться обратно через границу, которую он переступил восемь лет назад.

— Зайдем на станцию, — сказала Эвиан, надеясь, что телеграфисту хватило времени отправить сообщение. — Я забыла там шляпу.

Кларенс кивнул: он был рад небольшой передышке.

Они вновь прошли через комнату. Телеграфист (и он, и смотритель, как и прежде, сидели, при-

слонившись к стене) незаметно кивнул Эвиан.

Кларенс прикрыл дверь. Заметив, что его спутница смотрит на оружие, положил кольт на стол, рядом с ее шляпкой, кокетливым сооружением с перьями и лентами. Потом осторожно взял Эвиан за плечи и повернул к себе.

Она была готова к тому, что робость и нежность каждого мужчины могут в любую минуту обернуться неистовым, неумолимым и жадным напором самца. Но Кларенс ничего не делал, он просто смотрел на нее так, как смотрел бы на внезапно посетившее его видение прошлого, не веря в то, что оно способно воплотиться в реальность.

Чтобы выиграть время, Эвиан должна была заставить его поверить.

Ее грудь вздымалась от волнения. Под платьем было красивое дорогое белье, надетое ею для Джастина. Думая о своем женихе, Эвиан хорошо представляла, как они станут вместе гулять, читать, заниматься практическими делами, но только не как они будут засыпать в объятиях друг друга. И все же она купила отделанный кружевом атласный корсет, муслиновые нижние юбки, панталоны с ажурной вышивкой и несколько сорочек из тонкого, как паутина, полотна, очевидно, надеясь, что эти вещи помогут ей стать

той женщиной, какой она должна была стать.

Эвиан первой обняла Кларенса, первой нашла его губы. Разумеется, он ответил на ее порыв; в тот миг, когда любовь и желание вдруг перестали быть злой мукой, он словно утратил и зрение, и слух, и разум.

Сейчас рядом с ней был не пылкий влюбленный юноша, а порядком огрубевший мужчина, грабитель, бандит: Эвиан казалось, что она ощущает это всей своей кожей. И все же когда в дверь ворвалась полиция, она на мгновение увидела в нем того Кларенса, которого некогда настигли люди Иверса: он смотрел такими же глазами, глазами человека, чьи надежды были постыдно обмануты.

— Стоять! Отпусти женщину! Подними руки!

Взгляд Кларенса метнулся к столу, на котором лежало оружие, но он не успел схватить револьвер.

Пока на него надевали наручники, один из полицейских обратился к Эвиан:

— Вы не пострадали, мэм?

— Нет, — ответила Эвиан, поправляя одежду и волосы. — Можно я пойду? В вагоне остался мой сын.

— Конечно, мэм. Но потом вам придется дать

показания. Как ваше имя?

— Эвиан. Миссис Иверс. Я вдова.

Когда, надев шляпку, она шагнула к выходу, Кларенс подал голос:

— Ты считаешь, я это заслужил?

— Прости, но мне не надо второго Джозефа Иверса, — твердо произнесла женщина и вышла за дверь.

Тучи на небе разорвались, обнажив красновато-синюю полосу, напоминающую полузажившую рану. Запах поездной гари смешивался с ароматом мокрой вечерней травы. Неожиданно пошел холодный осенний дождь — его струи сильно, резко и больно хлестали по лицу.

Со стороны состава к Эвиан бежал Дункан.

— Мама!

— Сынок!

Вопреки обыкновению, она заключила его в крепкие объятия.

Арни стоял возле вагона. Подойдя к нему вместе с Дунканом, Эвиан рассказала, как было дело.

— Я думал, полиция прибыла сама, — заметил он, и она уловила в его голосе тень сожаления.

— Это было необходимо, Арни. Я видела его лицо, когда он шел по вагону, а потом — когда он разговаривал с тобой. Он убил бы тебя. Если

не сейчас, так потом. Он грабитель, бандит, нападающий на поезда, в которых едут мирные люди. Женщины и дети. Передо мной был второй Джозеф Иверс.

Арни покачал головой.

— Не думаю, что Кларенс хотя бы немного похож на Иверса.

Переговорив с полицейскими, он выяснил, что преступника отправят в Шайенн, а состав отгонят обратно и пустят по нужной ветке. Добыча грабителей составила не менее двух тысяч долларов. За бандой снарядили погоню из полицейских и добровольцев.

Эвиан задали несколько вопросов, а потом отпустили.

Когда женщина повторила свой рассказ Надин, та принялась горячо заверять, что она поступила правильно, а видя, что муж осуждающе молчит, запальчиво произнесла:

— Неужели ты считаешь иначе? Эвиан спасла всех нас! А особенно тебя — от мести Кларенса.

— Просто я думаю о причине его ненависти, — устало ответил Арни.

— Ты вспоминаешь об этом вот уже восемь лет. Пора бы и перестать!

— Не могу, — сказал он, мысленно возвращаясь

в прошлое.

Глава первая

Кларенс Хейвуд и Арни Янсон с детства были, как говорят, не разлей вода. Без опаски поверяли друг другу нехитрые секреты и охотно делились последним, хотя делиться удавалось нечасто: оба происходили из семей, где было много детей, но мало достатка.

Заводилой в их дуэте был Кларенс, он придумывал игры, выбирал, чем заняться, и вспыхивал, словно порох, от всякой новой затеи. Арни казался гораздо рассудительнее и спокойнее. Возможно, они так хорошо себя чувствовали в компании друг друга именно потому, что Арни никогда не оспаривал первенства приятеля и всегда подчинялся его решениям.

Во взрослой жизни их отношения остались прежними: один верховодил, второй с легкостью шел на поводу.

Семейство Хейвудов владело крохотным ранчо, едва позволявшим сводить концы с концами, а Арни, когда его мать вторично вышла замуж, был вынужден переселиться в поселок углекопов.

Ни тому, ни другому не улыбалось трудиться на

какую-нибудь железнодорожную или угольную компанию, как правило, плативщую работягам гроши. Потому, когда однажды приятель сказал, что на одном горном пастбище есть занятие для двух не ленивых и смекалистых парней, Арни без лишних слов стал собираться в дорогу.

Стоило ему сообщить об этом матери, как ее лицо изменилось. Хотя солнце по-прежнему золотило ее белокурые волосы, взор словно скрыла тень. После того, как ее второй муж без всяких объяснений ушел из семьи, она осталась одна с кучей младших детей. Она рассчитывала на помощь Арни и надеялась, что он найдет работу в поселке, а не отправится на далекое пастбище.

Отец Кларенса тоже не обрадовался решению сына, потому как знал, что погоня за риском далеко не всегда есть погоня за счастьем. Однако он молча подошел к стене и снял с него старое ковбойское седло.

Это был воистину царский подарок, о каком Кларенс не смел даже мечтать. Он был уверен, что седло получит один из старших братьев. Однако он первым осмелился покинуть родительский дом и не прогадал.

— Если есть седло, рано или поздно появится и лошадь! Надо же с чего-то начинать, — заявил он

восхищенному приятелю.

Теперь он упорно тащил тяжеленное седло на себе, и когда Арни предложил помочь с поклажей, коротко и твердо отказался.

Пеший путь до ранчо в Скалистых горах оказался нелегким. Холодный ветер рвал хвою с огромных сосен, и ее острые иглы впивались в лицо. Иногда путь преграждали быстрые реки с бурлящими клочьями пены. И все-таки Арни нравилась суровая красота этого края.

Кругом было пустынно. В 1880 году Вайоминг считался, пожалуй, одним из самых малонаселенных штатов Америки.

На горизонте виднелся сплошной горный хребет, одетый в слепящее серебро снегов, над которым таяли прозрачные облака. Ниже простирались ковры зелени, поражавшей богатством оттенков. Высокое небо казалось неправдоподобно синим.

Зимой вдоль восточных склонов Скалистых гор дули теплые и сухие ветры, чинуки, что на языке индейцев сиу означало «пожиратели снега». Они смягчали суровые зимы; снежный покров после этих ветров становился более тонким, и скот мог добывать под ним корм.

Было сложно не влюбиться в этот край, в то,

что было доступно взору, слуху и сердцу каждого человека.

Влюбляться в женщину Арни еще не доводилось. Он подозревал, что Кларенсу — тоже. Хотя в этом смысле друг любил напустить на себя туману, едва ли у него был какой-то опыт общения с противоположным полом. Оба с детства привыкли к тяжелой работе от зари до темна и полному отсутствию развлечений. Да и женщины в округе были наперечет.

Иногда Арни мечтал, как они с Кларенсом женятся на двух сестрах и поселятся на соседних ранчо — словом, никогда не расстанутся. Ему не хотелось думать о том, что они разные люди и у каждого из них — свой жизненный путь.

Мечта о собственных владениях была вполне понятной, но — увы! — неосуществимой. То же касалось женитьбы: какой безумец отдаст своих дочерей за двух нищих парней?!

Когда решили сделать привал, Кларенс бережно опустил седло на землю и принялся разводить огонь. Они купили в городе полфунта кофе, а еще Арни достал из мешка данный матерью в дорогу фасолевый пирог.

От пирога шел такой густой, ароматный домашний дух, что Арни захотелось плакать. Он любил

свою мать; несмотря на внешнюю кротость, она обладала силой духа и всегда защищала своих детей.

Их было шестеро. Двое — от первого мужа, погибшего много лет назад при перегоне скота из Вайоминга в Небраску, четверо — от отчима Арни.

Едва ли мать думала, что старший сын выберет долю скитальца. Но на прощание она не промолвила ни слова осуждения, что лишь усиливало как его благодарность, так и чувство вины.

— Думаю, завтра к полудню будем на месте, — сказал Кларенс, прихлебывая обжигающий кофе.

— Скоро стемнеет. Заночуем здесь?

— Пройдем еще немного.

Арни кивнул: слово Кларенса всегда оставалось последним.

— Мы не заблудимся?

— Надеюсь, тропа выведет нас куда надо. Думаю, тот ковбой в салуне знал, что говорил.

Приехав в город, они первым делом зашли в салун. Не для того, чтобы выпить — на это у них не было денег, а чтобы узнать дорогу.

Салун был полон незнакомых мужчин. К счастью, первый же человек, к которому они обратились с вопросом, немолодой ковбой с об-

ветренным, коричневым от загара лицом, повел себя довольно приветливо.

— Зачем вам ранчо «Синяя гора»? — спросил он, быстро оглядев их с головы до ног.

— Его хозяин нанял нас на работу.

— Вон оно что! Тогда вам надо идти по старой индейской тропе: она приведет вас к ранчо.

— А как нам найти эту тропу?

— Я покажу.

Они вышли на улицу. Даже здесь, в городе, теплый воздух был напоен сосновым запахом. Густая мелкая пыль, поднятая колесами повозок и копытами коней, напоминала мучное облако. Пастбища на склонах гор были похожи на лоскутное одеяло всех оттенков зеленого.

— Меня зовут Саймон, — сказал мужчина. — Я хорошо знаю Уиллиса. Он честный парень и вас не обманет. По соседству с «Синей горой» есть еще одно ранчо, его хозяин, Джозеф Иверс, суровый человек. Если нарушите границы пастбищ, перепутаете скот или в чем-то перейдете ему дорогу, не ждите добра, тем более его люди хорошо вооружены.

Парни удивленно переглянулись, но ничего не сказали. Между тем Саймон задал вопрос:

— А у вас есть оружие?

Кларенс угрюмо молчал, а Арни отрицательно помотал головой.

Хотя взгляд собеседника ясно говорил «да вы совсем нищие, ребята!», вслух мужчина сказал другое:

— Что ж, если Уиллис согласился вас взять, он что-нибудь придумает. Совсем без оружия на ранчо нельзя. А сколько вам лет?

Арни не хотелось ни говорить правду, ни лгать, потому на сей раз промолчал он, а Кларенс ответил:

— Нам по двадцать три.

Их спутник добродушно усмехнулся.

— Ну-ну!

Показав, откуда начинается тропа, Саймон произнес на прощание несколько ободряющих слов. Арни очень хотелось подробнее расспросить его об Уиллисе, «Синей горе» и грозном Джозефе Иверсе, но он постеснялся.

Когда Саймон скрылся из виду, Арни обратился к приятелю:

— Ты знаешь, сколько лет этому Уиллису и что он за человек?

— Нет. Я видел только ковбоя, через которого договорился о работе. Тот уверял, что все будет в порядке: он сам работал у Уиллиса несколько

лет, но теперь ушел, потому что женился, а у родственников жены есть свое ранчо.

— А почему он взял нас?

Поняв смысл вопроса, Кларенс пожал плечами.

— Может, никого больше не подвернулось? Не каждый согласится отправиться на зиму в горы!

Хотя у Арни оставалось много вопросов, он не возвращался к этой теме. Пусть этот Уиллис сам объясняет им, что к чему. В конце концов, пока все складывалось не так уж плохо: они отправились в первое «взрослое», самостоятельное путешествие, их ждали неведомые приключения, борьба с трудностями под стать настоящим мужчинам.

Покончив с ужином и нагрузившись вещами, приятели пошли дальше. Арни поражался удивительной смене красок окружающей природы. По вершинам гор пробегали неуловимые, быстро меняющиеся оттенки розовых, сиреневых, лиловых тонов, казавшихся волшебными, особенно в сочетании с серым камнем, бурыми кустарниками и темной зеленью сосен.

Глядя на зияющие провалы, узкие петли реки, нити водопадов и далекие леса, приятели ощущали набранную высоту. Каждый поворот

обещал захватывающую панораму, любой обрыв восхищал и пугал. В этом удивительном краю все дышало новизной и щедростью первозданной природы.

Чем выше они поднимались, тем больше чудес открывалось их глазам. На фоне оранжевого неба красовался, подобно гордой статуе, великолепный олень. Он стоял как хозяин, как властелин этих мест, не обращая внимания на незваных пришельцев. Над горами, раскинув огромные крылья, парили хищные птицы.

Картины менялись со сказочной быстротой, так, как не сдвигались даже декорации на сцене балагана, постановку которого Кларенс и Арни видели в Шайенне.

Приятели остановились на ночлег, лишь когда совсем стемнело. Свет высыпавших на небо звезд казался удивительно холодным и острым. Из глубины леса долетал тихий шелест листвы, а огромная белая луна словно покоилась на гребне горы.

— Жаль, что у нас нет ни теплых одеял, ни… вообще ничего, — вздохнул Арни.

— Может, хозяин даст? — не слишком уверенно отозвался Кларенс, и Арни впервые подумал о том, что они, как в сказке, идут туда, сами не зная

куда, и ищут неведомо что.

Утро обожгло холодом и светом. Воздух был прозрачным, лишь вершины гор тонули в облаках.

Не сговариваясь, приятели решили не варить кофе, а поскорее тронуться в путь. Им казалось, будто они различают на дальних склонах коровьи тропы, и, стало быть, цель близка.

Но только к полудню, когда солнце начало припекать, а ноги нестерпимо болели, они разглядели среди иссиня-черной сосновой хвои светло-зеленые озера — обширные горные пастбища. Именно к ним и вела тропа.

Арни невольно остановился и глубоко вздохнул. Безлюдье, тишина. Океан новых красок, запахов, звуков. Мир, который можно вобрать в себя одним вдохом и который без остатка забирает тебя. Арни вдруг почувствовал себя свободным от всего, и от прошлого, и от будущего. Ему почудилось, что он сможет отыскать здесь свое счастье.

— Как думаешь, многие из этих пастбищ принадлежат Уиллису? — спросил Кларенс, возвращая его к реальности.

— Не знаю. Если да, едва ли он нанял бы только нас двоих.

Индейская тропа потерялась. Теперь здесь бы-

ло столько троп, сколько вздумалось протоптать скоту. Кое-где на скальном грунте не осталось ни травинки — все было выбито копытами.

— И куда теперь идти?

Спросить было явно не у кого. Арни оглядывал ближайшее пастбище, где золотилась на солнце и перекатывалась под ветром трава бутелоуа, когда Кларенс прошептал:

— Смотри!

Навстречу ехала открытая повозка, запряженная двумя мулами. Впереди, на козлах, сидел мужчина, сзади, на сиденье — две женщины.

— Доброго дня, сэр! — произнес Кларенс, приподнимая шляпу. — Не подскажете, где тут ранчо «Синяя гора»?

Окинув его внимательным взглядом, мужчина сжал губы и промолчал. Не ожидавший такой реакции, Кларенс стоял, растерянно опустив руки. Они с Арни проводили повозку глазами, а потом посмотрели друг на друга.

— И что ты об этом скажешь? — медленно произнес Кларенс.

Арни успел разглядеть пассажирок. Это были две девушки, почти одного возраста, но разительно отличавшиеся внешне. Одна черноволосая и темноглазая, другая — русая, с голубыми гла-

зами.

В их позах было что-то странное: обе сидели как куклы, не двигаясь, не глядя по сторонам, не проявляя никаких чувств. Одна прислонилась к правому борту повозки, другая — к левому. Середина оставалась пустой.

— Не знаю. Они хотя бы… живые?

— Брось! Призраки и мертвецы не появляются днем, — сказал Кларенс.

И тут Арни осенило.

— Бьюсь об заклад, что это тот самый Джозеф Иверс!

Кларенс облегченно хлопнул себя по колену.

— Точно! А девушки, наверное, его дочки.

— Они такие разные…

— Я тоже заметил. Тебе какая больше понравилась?

Арни приглянулась черноволосая: она была гораздо красивее второй, хотя ее глаза пугали непонятной глубиной, а лицо было отмечено печатью то ли ожесточенности, то ли отчаяния. Вместе с тем светлая чем-то напоминала его мать. Ему казалось, будто она обладает такой же тихой стойкостью.

Арни покосился на Кларенса. Хлопчатобумажные штаны плотно облегали его длинные ноги

и узкие бедра. Взгляд чуть раскосых темных глаз обжигал и притягивал, как магнит. Он никогда не казался неуклюжим или неловким, даже когда терялся, не зная, как себя вести.

— Мне больше понравилась темноволосая, — не дождавшись ответа, произнес Кларенс. — Настоящая красавица! Та, что с русыми волосами, выглядит гораздо проще.

У Арни упало сердце, хотя в данном случае этот «выбор» был просто игрой. Многие ковбои мечтают о хозяйских дочерях, но эти образы и грезы почти всегда оказываются обманом.

Через час они отыскали ранчо Уиллиса. Оно было небольшим, а сам хозяин оказался гораздо старше, чем они думали.

Подробно расспросив Кларенса и Арни о том, что они умеют делать и откуда прибыли, он накормил их тушеной говядиной с овощами и пресными лепешками, а потом показал им ранчо.

— На зиму я спускаюсь в долину, — объяснил мистер Уиллис, — но за владениями все же нужен присмотр. Часть скота остается здесь — корма должно хватить. Вы правильно сделали, что пришли по тропе, этот путь намного короче. Но когда отправитесь в город верхом, следуйте по

дороге: я покажу, где она начинается. Я давно бы мог отказаться от ранчо, — мой сын управляет банком в Шайенне, — но меня не отпускают эти края. Впрочем, у меня пошаливает здоровье: может, весной я и продам «Синюю гору».

Он показал новым работникам маленький домик, в котором им предстояло провести зиму. Здесь была крохотная кухонька с печью и кое-какой утварью, кладовая с продуктами и комната с кроватями под лоскутными одеялами и прочей, довольно грубо сколоченной мебелью.

В жилище Уиллиса, как в домах многих других мужчин, пахло керосином, потом, навозом и табаком. На некрашеном полу валялась седельная сумка, несколько пар сапог, а на бревенчатых стенах были прилеплены выцветшие календари с изображением лошадей, старые афиши и пожелтевшие вырезки из газет о собраниях Ассоциации скотоводов Вайоминга. На гвоздях висел фонарь, рваная куртка, замызганное полотенце и маленькое зеркало. Умывальник был во дворе, у внешней стены дома. Позади жилого строения располагалось несколько сараев, загонов для скота и конюшня.

— Если понадобится подковать лошадь, обратитесь к соседу, Джозефу Иверсу, — я с ним

договорюсь. У него есть и кузница, и хороший кузнец. Главное, объезжайте границы ранчо и вовремя чините ограду, чтобы скот как можно меньше смешивался. Иверс рачительный хозяин и не терпит беспорядка. Оружие у вас имеется?

Приятели вздохнули.

— Нет.

— Что ж, держите. У меня есть только один, так что не обессудьте, — промолвил хозяин, протягивая кольт.

Кларенс схватил оружие и с восторгом взвесил его на ладони, забыв поблагодарить хозяина. А Арни почувствовал себя так, будто его обделили рождественским подарком.

Позднее Кларенс, видимо, что-то почувствовав, сказал:

— Будем пользоваться им по очереди.

И все-таки этот миг маленького триумфа принадлежал именно ему.

— Если продержитесь зиму и не принесете мне убытков, получите по пятнадцать долларов, — пообещал хозяин. — Ну и, само собой, оставлю вам деньги на продукты. При известной экономии вам вполне хватит.

Приятели просияли: в зимнее время многие ковбои и вовсе работали за еду и крышу над

головой.

— И вот что еще, — добавил Уиллис, — если найду на ранчо хоть одну бутылку из-под виски или пива, пеняйте на себя.

— Мы вовсе не… — начал было Кларенс, но хозяин остановил его решительным жестом.

— Кажется, мы видели мистера Иверса, — сам не зная зачем, произнес Арни. — С ним были две девушки. Темноволосая и русая.

Уиллис кивнул.

— Эвиан и Надин.

Кларенс и Арни переглянулись — вот это имена: не какие-нибудь там Мери или Сара! — а хозяин добавил:

— Вот что, парни, не вздумайте не только заговаривать с ними, а даже смотреть в их сторону.

— А почему? — полюбопытствовал Кларенс и получил ответ:

— Целее будете.

Остаток дня Уиллис объяснял, что к чему, а потом заявил, что рано утром покинет ранчо.

Располагаясь на ночлег, Арни размышлял о том, что, пожалуй, им с Кларенсом придется не так легко, как они ожидали. А на уме у приятеля, как выяснилось, было совсем другое.

— Мне кажется, Надин — темноволосая, — про-

бормотал он, укрываясь одеялом.

— Почему?

— Ей больше подходит это имя.

Арни хотел сказать, что едва ли есть смысл рассуждать об этих странных девушках, поскольку мистер Иверс с его винчестером наверняка стережет своих дочерей, как скупой — золото. Но решив, что ничто не мешает им болтать о них ради развлечения, промолчал.

Уиллис поднял их, когда восток только начал розоветь, и Арни сразу вспомнил поговорку: «Ковбой первым встречает солнце».

Горы были отрезаны от неба черной чертой, а пастбища напоминали мятый холст. Пока Арни и Кларенс обходили загоны, выслушивая последние наставления, кто-то неведомый медленно поднимал над миром гигантскую лампу.

Сперва свет разбудил жаворонков, потом залил деревья, сделав листья прозрачными, а последней позолотил овечью шерсть.

Итак, они остались на ранчо «Синяя гора». Два ковбоя. Коровы и овцы. Две лошади и четыре собаки.

Работа была нелегкой, но им она нравилась. Нравилось смотреть, как блеющие овцы бегут, подобно пенящейся реке, в которую то и дело

вливаются новые ручейки, нравился заливистый лай овчарок, разносившийся эхом по склонам, нравилось скакать на лошади с кнутом в руке.

По вечерам, если не сразу валила усталость, они разговаривали о чем придется. Вспоминали детство, родителей и дом, куда реже рассуждали о будущем. Иногда речь заходила о девушках, а поскольку поблизости не было других женщин, кроме сестер Иверс, они говорили именно о них.

Изредка им доводилось встречать парней, работавших на соседнем ранчо, но те вели себя мирно; большинство даже здоровалось коротким кивком.

А потом Кларенсу и Арни понадобилось подковать одну из лошадей.

Ни один из них не хотел ехать к Иверсу, и они кинули жребий. Арни ничуть не удивился, когда сомнительная честь посетить соседские владения выпала именно ему.

— Надеюсь, этот Иверс не пристрелит меня и не затравит собаками! — угрюмо произнес он, вставляя ногу в стремя.

— Давай я поеду! — предложил Кларенс.

— Нет. Жребий есть жребий.

Облака медленно плыли в неизвестность. Поздние цветы горели на солнце, а трава блестела,

как лакированная, но Арни ехал, не видя дороги. Он размышлял, что сказать и как быть. А если его проведут прямо к хозяину? А если он тут же его прогонит?

Арни редко встречал по-настоящему злых людей, еще реже — людей непонятных. Он привык к тому, что человеческие поступки всегда можно объяснить.

Выстроенный из пиленого леса дом Джозефа Иверса имел широкую веранду и был окружен высокими соснами, защищавшими строение от ветра и солнца. Поодаль располагались длинные низкие бараки, в которых, как позже узнал Арни, жили ковбои. На ранчо была и сыроварня, и маслобойня, и конюшня, и хранилище для корнеплодов.

Появление Арни не вызвало удивления. Один из работников спросил, что ему надобно, а после без лишних слов провел на конюшню. Когда лошадь подковали, Арни, пробормотав слова благодарности, поспешил к воротам.

А потом, внезапно оглянувшись, увидел девушку, которую, как он теперь думал, звали Эвиан. Она стояла на крыльце, одетая, как обычно одеваются женщины в этих краях — в наглухо застегнутую блузку с высоким воротом и узкую

юбку с кожаным поясом. Ее собранные в скромную прическу русые волосы отливали шелком, светлые глаза блестели, как осколки стекла, а трепещущие ресницы напоминали крылышки мотылька.

Юноше почудилось, будто поза девушки выражает тревожное ожидание, и он с трудом удержался, чтобы не помахать ей рукой. А потом вспомнил не столько о Джозефе Иверсе, сколько о том, что он, Арни Янсон, — один из многих неуклюжих, плохо одетых, неотесанных ковбоев, которых она привыкла видеть на ранчо.

На самом деле он выделялся правильными чертами лица и природной осанкой. У него были густые светлые волосы и ясные голубые глаза. Арни Янсон получил все это от северных родичей, тогда как Кларенс был обязан своей привлекательностью капельке крови индейцев сиу.

Вернувшись обратно, он не стал говорить приятелю о девушке. Что толку, если рядом с сестрами вечно маячит тень их отца? Арни лишь сказал, что все сошло благополучно, он не видел хозяина, однако лошадь подковали, а также подробно описал размеры и расположение ранчо.

— Знаешь, как оно называется? — со смехом произнес он. — «Райская страна»!

Кларенс прикусил губу, и на мгновение его глаза стали совсем черными.

— Такие названия не даются просто так. Что-то тут нечисто.

— Ты имеешь в виду — в плохом смысле?

— Конечно. Нам не нужно там появляться. Это вовсе не «Райская страна», а что-то совсем другое.

Хотя Арни был далек от подобных суеверий, он согласился с мнением Кларенса. Следующую неделю они проработали, не вспоминая о Джозефе Иверсе.

А потом Кларенс встретил в лесу вторую девушку.

Глава вторая

Воздух был прохладным и слегка сладковатым на вкус. Хвоя растущих у подножия горы корабельных сосен имела чистейший малахитовый оттенок. В это пасмурное утро скалистые вершины приобрели цвет индиго, что объясняло название ранчо — «Синяя гора».

Рассветную тишь прорезало протяжное мычание коров и нестройное блеяние овец. Ветер пригибал траву, и приятели чувствовали, что холода уже близко. Так всегда бывает: в природе появляется нечто неуловимое; и свет, и запах воздуха становятся иными — чуточку резче и… печальнее.

Вечером они не досчитались телки, и сейчас Кларенс отправился ее искать. Он бродил по окрестному лесу, выглядывая следы копыт, пока, сам того не заметив, не заплутал, а потом наткнулся на ручей, которого они с Арни еще не видели. Небольшой поток словно струился из недр горы, и его пронзительно-холодная вода была удивительно прозрачной и вкусной.

Напившись, Кларенс пошел вдоль ручья, на-

деясь куда-нибудь выйти. Он жалел, что не взял с собой одну из собак, и досадовал, что впустую тратит время.

Конечно, им с Арни недоставало опыта. Иной раз они ломали голову над тем, как вылечить внезапно заболевшее животное, в другой — как одновременно выполнить с десяток необходимых работ. Часто у них не хватало времени приготовить ужин, случалось, они засыпали, сидя верхом на лошади. Но они никогда не жаловались друг другу и, как могли, старались уверить себя, что им нравится такая тяжелая примитивная жизнь.

Кларенс быстро понял, что попал на оленью тропу и что олени прошли здесь совсем недавно: четкие следы имели острые края. Кора на деревьях во многих местах была ободрана; стволы пестрели белыми отметинами.

Он не сразу обратил внимание на движение в кустах по другую сторону ручья. Встрепенувшись, он протянул руку к оружию, а потом застыл как вкопанный. Это было не животное, а… девушка, одна из двух дочерей мистера Иверса, та самая красавица с черными, как ночь, волосами.

Она смотрела на него нерешительным, вопрошающим взглядом, будто хотела узнать, как он здесь очутился и что ему нужно. Вблизи она по-

казалась Кларенсу еще красивее, но он был готов побиться об заклад, что эта девушка родилась и выросла не на ранчо. По каким-то неуловимым признакам он угадал в ней горожанку, и это было странно, потому что ее сестра выглядела типичной сельской жительницей.

Она была напугана: то ли неожиданной встречей с ним, то ли чем-то еще. Это было заметно по напряженному выражению ее лица, бледным щекам и расширенным зрачкам.

Когда девушка бросилась бежать, он, не раздумывая, пересек ручей и помчался за ней, перепрыгивая через камни и ломая кусты.

— Мисс Иверс! Не бойтесь! Я вас не обижу!

Девушка остановилась. Тяжело дыша, явно готовая вновь сорваться с места, она ждала, что он скажет, и Кларенс быстро произнес:

— Мы с приятелем работаем на мистера Уиллиса, хозяина соседнего ранчо. Я видел вас, правда, всего лишь однажды, и знаю, кто вы. Сейчас я искал телку, но неожиданно заплутал. А вы тоже заблудились?

Она внимательно смотрела на него своими темными глазами. Кларенс представил, что видит девушка — его неумело подстриженные волосы, поношенную куртку с продранными локтями,

грязные штаны, рубаху, на которой не хватало пуговиц, мозолистые руки, — и ему впервые в жизни стало стыдно за это.

Пауза затянулась. Вспомнив о том, каким истуканом сидела она рядом с сестрой, Кларенс был готов усомниться в том, что эта странная особа умеет говорить, потому вздрогнул, услышав ее негромкий голос:

— Нет, я не заблудилась. Прошу, не ходите за мной!

— Как скажете, мисс Надин! — ответил он, решив проявить немного дерзости.

В ее лице появилась неприкрытая неприязнь.

— С чего вы взяли, что меня зовут Надин?

Кларенс понял свою промашку.

— Так вы — мисс Эвиан! Простите, я…

— Не говорите о том, что видели меня здесь, — перебила она.

— Мистеру Иверсу? Вашему отцу?

Глаза Эвиан блеснули, отражая свет, и в них вдруг появилась некая пугающая глубина. Глядя в них, Кларенс словно стоял над пропастью, неумолимо манившей его вниз.

«Это не «Райская страна», это… это… ад!» — продолжил он недавнюю мысль.

Во рту у Кларенса пересохло, в ушах зазвенело.

В это мгновение он вдруг перестал осознавать, где находится.

Он снова сказал что-то не то, допустил непростительную ошибку; он видел, каких сил ей стоило взять себя в руки, но она справилась.

— Вообще никому.

— Я не скажу.

— Вы правда не хотите, чтобы я вас проводил? — спросил он, заранее зная ответ.

Эвиан покачала головой.

Кларенс, как и собирался, пошел вдоль ручья, и всю дорогу думал о ее бледной коже, о нежных губах, о тонкой шее, плотно обхваченной воротничком скромной блузки. К тому времени, как он вышел к «Синей горе», ему было ясно, что отныне он не изведает ни минуты покоя.

Когда он встретился с Арни, тот радостно сообщил, что нашел телку на соседнем пастбище, но Кларенсу было не до животных. Он бы сказал, вообще ни до чего, ибо перед его глазами до сих пор стояла Эвиан. В те мгновения, в лесу, в его душу и сердце вошло то, что навсегда меняет человека.

Прежде Кларенс не мечтал о любви, он вообще не верил в то, что она может настичь внезапно, ни с того ни с сего. Все, что до сей поры его окружало, имело чисто практическое значение. Он

знал, что мужчина сходится с женщиной, чтобы получить частичку уюта, подмогу в работе и, быть может, толику удовольствия. А еще — потому что так принято. Из тех же соображений люди обзаводятся детьми. Кларенсу и в голову не приходило, что когда-нибудь он захочет проникнуть в святая святых другого человека — в его душу, память и чувства, особенно если этот человек — женщина.

Он не знал, как рассказать об этом Арни и говорить ли вообще, тем более ему было трудно подобрать подходящие слова, но, заметив нечто непривычное, приятель сам спросил:

— Что стряслось?

Обычно они начинали собираться домой, когда солнце окрашивало верхушки гор в оранжевый цвет, а возвращались, когда на землю опускалась тьма, но сегодня Арни обнаружил, что Кларенс приехал на ранчо значительно раньше.

Мечтавший о воистину упоительном глотке крепкого и сладкого чая, Арни обнаружил, что чайник согрет, бекон поджарен, а нарезанный толстыми ломтями хлеб лежит на большой деревянной тарелке.

Обойдя дом, он нашел обнаженного Кларенса с ковшом и мочалкой в руках возле бочки с водой

— тот словно пытался содрать с себя кожу.

— Ты что это делаешь?

— Пытаюсь смыть с себя овечий запах.

Арни покачал головой.

— Пошли есть.

— Ты умеешь зашивать дыры? — спросил Кларенс, беспомощно разглядывая рубаху, когда они очутились в доме.

— Я могу попробовать.

— Как думаешь, если кто-то из нас поедет в город за продуктами, нельзя ли потратить часть денег на новую одежду?

— Почему нет? — спросил Арни, опустив глаза на свои рваные сапоги.

— Тогда так и сделаем, — решил Кларенс и продолжил: — Мне-то, конечно, все равно, в чем ходить, но, полагаю, женщине небезразлично, как одет мужчина.

— Женщине? — удивился Арни и именно тогда произнес: — Что стряслось?

— Между прочим, я ошибся, — сказал Кларенс, не отвечая на вопрос. — Это «твою» девушку зовут Надин, а «мою» — Эвиан.

И рассказал приятелю о сегодняшней встрече.

— Она куда-то спешила. Скажи, куда можно бежать… в лесу?

— Быть может, она что-то искала?

— Нет, у нее была определенная цель пути: я сразу это понял. — Кларенс подпер щеку рукой; на его лицо падал отсвет огня, придавая коже медный оттенок и делая глаза похожими на тлеющие угли. — Знаешь, я бы хотел снова встретиться с ней.

— Ты же говорил, нам не надо… — опешил Арни. — Я думал, разговоры об этих девушках… просто шутка!

— Мне тоже так казалось, но сегодня я увидел, вернее, почувствовал, что с мисс Эвиан что-то неладно. Она будто от кого-то прячется или что-то скрывает. Может, ей нужна помощь?

— Чем же ты ей поможешь? И она не одинока. У нее есть папаша и сестра.

— А если они не ладят с сестрой? Помнишь, какими мы их увидели в первый раз!

— Не думаю, что вторая девушка могла ее чем-то обидеть, — сказал Арни, невольно обижаясь за «свою» Надин.

— Мы ничего о них не знаем, — заметил Кларенс, на что приятель рассудительно произнес:

— Мне кажется, нам не стоит лезть в их жизнь. К тому же, возможно, все это тебе только показалось. Мы здесь едва появились, а Иверсы живут

давным-давно. Мы и представить себе не можем, куда они ходят и какие у них дела.

В этом он, как выяснилось позднее, оказался прав.

Прошло несколько дней, и ветер сменился. Полил наводящий уныние дождь. Повисшие над горами тучи напоминали огромные черные блюдца, мокрые темные сосны раскинули свои ветви, как зловещие крылья.

Кларенс и Арни возвращались домой промокшие и продрогшие, буквально шатаясь в седле. Одежда и обувь с трудом просыхали до утра. Теперь им казалось, будто все вокруг пропахло мокрой овцой и псиной.

Работы прибавилось; надо было успевать чинить поваленные ветром ограды, между тем становилось все труднее поднять себя с постели холодным и хмурым утром.

Однажды парень с соседнего ранчо, встретив Арни, поинтересовался:

— Как справляетесь, ребята?

— Ничего, — ответил Арни, на минутку придерживая коня.

— Не собираетесь за продуктами? Запасите как можно больше до холодов.

— Надо бы…

— Завтра мы отправляемся в город с повозкой. Можем захватить одного из вас.

— А хозяин не рассердится?

— Нет. Мистер Уиллис говорил с ним об этом.

— Ладно, а когда подъехать?

Договорившись, они расстались. Нового знакомого звали Билл, и он показался Арни добродушным и бесхитростным парнем. А еще у Арни мелькнуло желание в угоду Кларенсу спросить Билла про Эвиан, но он быстро передумал. Кто знает, вдруг этот ковбой — доверенное лицо Джозефа Иверса! В таких делах следует соблюдать осторожность.

На сей раз обошлось без жеребьевки. Поскольку с Биллом разговаривал Арни, именно он и поехал в город. Накануне они с Кларенсом составили список вещей и продуктов.

— А пиво и виски? — спросил напоследок Кларенс.

— Так ведь мистер Уиллис говорил…

— Ладно, — вздохнул Кларенс, — забудем. Может, он поручил этим чертовым парням из «Райской страны» проследить, что мы будем покупать!

Утро выдалось на удивление теплым и ясным. Арни ехал по лугу, остро ощущая и веселую суету

ближнего мира, и тяжелое молчание далеких гор. В такие минуты он воспринимал жизнь как данность, которую невозможно изменить, хотя от этого она отнюдь не становится хуже, а окружающий мир — незамысловатым, простым и вместе с тем удивительно многообразным.

Потрепав лошадь по гриве, он быстро спешился, сорвал цветок и уже в седле, обрывая лепестки, загадал: пусть сегодня произойдет нечто необычное, то, что определит его дальнейшую жизнь. Таким образом он на свой лад обратился к Богу.

Когда Арни подъехал к «Райской стране», его настроение испортилось. Ковбойское снаряжение людей Иверса было новеньким, оружие — дорогим. На их фоне Арни Янсон выглядел оборванцем, к тому же кольт Уиллиса ему пришлось оставить Кларенсу.

Из дома вышел Джозеф Иверс. На нем была городская одежда — рубаха с целлулоидным воротничком, брюки, жилет, пиджак и котелок. Арни впервые разглядел его довольно неприятное, хищное и жесткое лицо.

Арни робко поздоровался с хозяином, и тот вновь не удостоил его даже взглядом. Отдав своим людям несколько отрывистых приказаний, он сел в повозку. Найдя среди ковбоев Билла, Арни

подъехал к нему и в этот миг увидел, как из ворот выскользнула девушка, «его» Надин. Подобрав юбки, она забралась в повозку и устроилась рядом с отцом.

Сердце Арни подпрыгнуло. На сей раз на девушке были шляпка, перчатки и вязаная шаль с кистями — то, что необходимо каждой порядочной женщине для выхода в общество.

Арни ожидал, что вот-вот появится ее сестра, но этого не произошло: повозка тронулась, а следом потекла толпа ковбоев. Они ехали в два ряда, стройно, широким шагом, как в армии, без разговоров, прикрывая лица от пыли и солнца шляпами и шейными платками.

К счастью, никто не глазел на Арни, не тыкал в него пальцем: «Эй ты, оборванец!». Эти люди знали, что судьба сильнее человека и над ней не стоит смеяться. Каждый живет, как может или как велел Бог.

И все же на всякий случай Арни пристроился в хвосте: подальше от глаз мистера Иверса.

Как и говорил Уиллис, эта дорога оказалась длиннее индейской тропы, зато по ней можно было проехать на лошадях.

На ночлег расположились на берегу речки. Расседлав и напоив коней, разбив палатку для

мисс Иверс, ковбои развели костер и устроились вокруг него. Кто-то принялся готовить ужин, кто-то вынул губную гармошку.

Надин скрылась в палатке и не показывалась. Ее отца тоже не было видно. Что-что, а дистанцию он соблюдал отменно.

Это и нравилось, и не нравилось Арни. С одной стороны, он уважал тех, кто умеет ставить других на место, с другой — его всегда привлекали простые незаносчивые люди. И еще… почему мисс Надин поехала в город, а мисс Эвиан — нет? Куда она спешила, когда неожиданно встретила Кларенса? Неужели сестры и впрямь не ладят? Кстати, а где миссис Иверс?

— Иди сюда, — сказал Билл, видя, что Арии не решается присоединиться к остальным, — тут хватит и места, и еды.

Опустошив миску тушеной баранины с густой острой подливкой и получив глоток виски, он запретил себе думать о всякой ерунде. Его взяли с собой и даже накормили. Остальное его не касалось.

Угли раскалились докрасна, внутри костра образовался толстый слой белого пепла. Рассевшиеся вокруг огня ковбои, очевидно, с разрешения хозяина, передавали друг другу бутылку с виски.

Когда она попадала в руки Арни, он тоже делал глоток. Хотя он не принимал участия в беседе, его охватило непередаваемое, почти блаженное чувство товарищества.

А затем он вспомнил о Кларенсе, которому пришлось в одиночку управляться со стадом, а потом возвращаться в холодный дом, и ему стало стыдно, как будто он получил нечто незаслуженное.

Когда Арни проснулся утром, в котле уже булькала овсянка, а на вертеле жарились сосиски.

Арни желал принять хоть какое-то участие в работе, хотя, казалось, никто не ждал от него помощи. Его просто взяли с собой, не рассчитывая на его услуги.

Тем не менее, он повел лошадей к реке, думая о том, что неплохо бы сполоснуться и самому.

Река была мелкой, но бурной; пенный поток с ревом катился по камням, волоча за собой бурую листву и сучья деревьев. Местами берег был каменистым и скользким, хотя, по-видимому, это не пугало присевшую на корточки девушку.

Склонившись над речкой, Надин Иверс опускала руки в прыгающие струи и, словно забавляясь, плескала воду себе в лицо. Сейчас на ней не было ни шляпки, ни шали. Ее волосы были небрежно сколоты на затылке, так, что из узла выбилось

несколько светлых прядей.

Арни поразился гибкости ее талии и изяществу движений. Он замер, не смея ее тревожить, и стоял так до тех пор, пока одна из лошадей не заржала.

Надин обернулась, и он увидел ее глаза, похожие на капли утренней росы, мягкий изгиб губ и… округлости грудей, туго обтянутых блузкой.

Он и сам не знал, отчего кровь бросилась ему в голову, так, будто Надин была первой девушкой, представшей его взору, почему его охватило предвкушение чего-то неиспытанного, необычного?

Ему хотелось с ней заговорить, но он будто бы растерял все слова: голова казалась совершенно пустой, и только сердце билось неровными толчками.

— Простите, я… я помешал вам, мисс, — пробормотал он.

— Вовсе нет. Поите своих коней, — ответила девушка без малейшей неловкости и испуга.

У нее был приятный голос, и она явно не страдала косноязычием. Арни видел, как она быстро оглядела его, и ему показалось, будто в ее глазах вспыхнула искорка любопытства. Он мучительно покраснел, а она пошла прочь от реки, на ходу поправляя прическу и бессознательно по-

качивая бедрами. Когда край ее юбки зацепился за ветку, взору Арни на мгновение открылись шнурованные сапожки и низ заправленных в них хлопковых бриджей. Последнее говорило о том, что она умеет ездить в мужском седле, что невольно вызывало уважение.

Конечно, он не мог спросить, что она собирается делать в городе, почему ее сестра осталась дома и где их мать. Он лишь радовался тому, что снова увидит ее на обратном пути.

Глава третья

Хотя жители Вайоминга и гордились своей столицей, в те времена Шайенн напоминал большую деревню. Смотреть тут было особо не на что.

Двухэтажные дома с навесами от солнца по обеим сторонам дороги, спокойно переходящие улицу коровы, флагшток с линялым флагом перед зданием муниципалитета и шикарная по местным меркам гостиница под названием «Метрополь».

Иверс сказал, что у них три часа времени, и ковбои разбрелись кто куда. Иные отправились выполнять хозяйские поручения, у других появилась возможность развлечься.

Арни нащупал за поясом потертый кисет из коровьей кожи, в котором хранились деньги, оставленные мистером Уиллисом. В Шайенне были престижные мужские клубы, куда ковбоям не было ходу, и множество дешевых заведений с набором сомнительных, зато доступных удовольствий.

Для начала Арни отправился в лавку за продуктами и одеждой. На тротуаре стояла вереница

привязанных к железным перекладинам лошадей и мулов. Ковбои толпились у лавки и в лавке, громко разговаривая, жуя табак и сплевывая прямо себе под ноги.

Войдя внутрь, Арни принялся прикидывать, что он сможет купить. Одежду, пусть новую, но без сомнения дешевую и грубую, и самые необходимые продукты: муку, сахар, кофе, фасоль и бекон.

Пол в лавке был покрыт опилками, окошки давным-давно никто не мыл. Товар или хранился на полках, или был сложен в большие лари.

Провозившись с покупками дольше, чем хотелось, Арни почувствовал, что проголодался. Он решил войти в один из салунов и спросить какое-нибудь простое блюдо, вроде похлебки с требухой.

Он шел по улице с конем в поводу и мешком за спиной, и солнце согревало его лицо. Откуда-то доносились стук молотка, визг пилы, скрип колес, собачий лай. Дорога тянулась вдаль натянутой струной, по тротуарам спешили незнакомые люди.

Внезапно Арни вспомнил мать, ее взгляд, проворные движения рук, когда она заворачивала ему пирог, и его посетило жгучее чувство утраты.

С чем он явится к ней и когда?

Она оберегала и успокаивала его, когда он был маленьким. Пыталась защитить от нападок отчима. Сможет он когда-нибудь вернуть ей этот долг?

Когда он входил в уже знакомый салун, его окликнул какой-то человек:

— Эй, парень, это не ты с приятелем спрашивали дорогу к ранчо «Синяя гора»?

Обернувшись, Арни узнал Саймона.

— Да, это были мы.

— И как ваши дела?

— Хорошо. Мистер Уиллис принял нас на работу.

— А здесь ты зачем?

— Приехал за продуктами и одеждой. Мой друг остался дома, — ответил Арни и, подумав, добавил: — Мистер Иверс взял меня с собой.

— Вот как? Значит, вы с ним поладили?

Арни пожал плечами.

— Ни да, ни нет. Обо всем договаривался хозяин. А мистер Иверс еще не сказал нам ни слова.

— Да, он сложный человек.

— Вы его хорошо знаете?

Во взгляде Саймона не было ничего необычного, но его голос звучал настороженно:

— Не то чтобы очень, но знаю.

— Раньше он жил в Шайенне?

— Пойдем внутрь, — сказал Саймон. — Ты же собирался в салун?

Они вошли в насквозь прокуренное помещение, где сидело с десяток мужчин. Кивнув завсегдатаям, Саймон занял столик в углу. Сбросив на пол мешок, его молодой спутник отряхнул одежду, взметнув клубы пыли, но в заведении, где слыхом не слыхивали ни о скатертях, ни о салфетках, это не вызвало никаких замечаний.

Видя, что Арни заказывает только похлебку, Саймон сказал:

— Парню, живущему по соседству с Иверсом, не помешает выпить пива. — А заметив, что Арни замешкался, добавил: — Я тебя угощу.

— Я не… — начал было юноша, но Саймон перебил:

— Все в порядке. — После чего спросил: — Так что ты хочешь узнать о Железном Джо?

— Как вы сказали? — изумился Арни.

— Так его называли до того, как он сделался богатым ранчеро. Железный Джо из Вайоминга. У него и впрямь все было стальным — и мускулы, и здоровье, и хватка, да и сердце тоже. Было да, полагаю, и осталось.

Принесли пиво, и Саймон пододвинул Арни стакан.

— Пей.

— И чем он занимался? — спросил молодой человек, пригубив напиток и уже догадываясь о том, что услышит.

— Грабил и убивал. Многие хорошо помнят его шайку. Потом он неожиданно исчез; ходили слухи, что его подстрелили, но после он вдруг объявился уже в качестве богатого землевладельца. Вскоре он женился на дочери крупного скотовода и приумножил свое состояние.

— И его не схватили и не посадили в тюрьму?

— Да ты что, парень! Кто же тронет человека с такими деньгами? Он подкупил кого только можно! И, говорят, подарил много денег городу. За что губернатор обещал ему защиту и прощение прежних грехов.

— Мистер Уиллис ни о чем таком нам не рассказывал, — пробормотал Арни.

— Об этом не принято вспоминать. Как говорится, былое поросло быльем, — кивнул Саймон.

— Мне показалось, они чуть ли не приятели.

— Не думаю. Просто Иверс не такой дурак, чтобы ссориться с отцом управляющего местным банком.

Значит, Эвиан и Надин — дочери бывшего бандита. Ну и ну! Уиллис был сто раз прав, велев им держаться подальше от этих девушек!

— Одна из дочерей мистера Иверса приехала с нами в Шайенн, — невпопад произнес Арни.

— Одна из?.. — Саймон склонил голову на бок. — Вообще-то у Железного Джо только одна дочь.

— Мисс Надин?

— Да.

— А кто тогда мисс Эвиан? — спросил Арни с нарастающей тревогой.

— Догадайся.

— Племянница?

— Нет.

— Я не понимаю.

Саймон откинулся на спинку стула.

— Пораскинь мозгами, парень!

Арни замер, а после в его мозгу будто вспыхнула молния, и он ощутил почти физическую боль от прорезавшей его мысли.

— Неужели… жена?!

— Жена. Вторая.

— А где первая?

— Известно где. Умерла.

— Но мисс Эвиан годится ему в дочери!

— Ну и что? Разве это когда-то являлось препят-

ствием для брака?

Перед Арни остывала похлебка. Почему-то у него пропал весь аппетит.

— Мой приятель случайно встретил ее в лесу. Она… она показалась ему растерянной и несчастной, — признался он.

— Неудивительно. Не очень красивая вышла история.

Арни посмотрел на него с горечью и одновременно с надеждой.

— Вы знаете, что случилось?

— Знаю.

Молодой человек затаил дыхание.

— Расскажете?

Допив пиво, Саймон закурил.

— Если хочешь. Я вижу, тебе это небезразлично. Скажи, почему?

Решив, что нет смысла таиться, Арни признался:

— Мисс Эвиан приглянулась моему приятелю.

— Ясно. Тогда предупреди его, чтобы он выкинул эти мысли из головы, иначе Иверс прострелит ему голову. Да и тебе заодно.

Арни кивнул. Разумеется, Саймон был прав. Однако он не знал Кларенса, который всегда и во всем шел до конца, не задумываясь о последстви-

ях. Арни мог планировать будущее, но Кларенс никогда этого не умел. Он просто делал то, что хотел. Удивительно, что при этом именно его слово всегда оказывалось главным! Вероятно, это происходило потому, что он не слишком долго взвешивал свои решения и не боялся их принимать.

— Так что это за история?

— Ты ешь, — Саймон кивнул на миску с похлебкой, — подогревать никто не будет, и другой не подадут. — А потом начал рассказывать: — Мисс Эвиан жила здесь, в Шайенне, вместе со своей матерью, вдовой. Ходили слухи, в свое время Железный Джо подкатывал еще к мамаше, но получил отставку. А после смерти своей первой жены пожелал дочку этой женщины. Конечно, ему отказали. И вскоре произошел странный случай. На мисс Эвиан напали, когда она возвращалась домой. Двое мужчин, их лица были завязаны платками. Девушку нашли плачущей, в разорванной одежде: таким образом ее репутация была погублена, хотя мисс Эвиан утверждала, что эти парни всего лишь порвали на ней платье. Не нашлось никого, кто спас бы ее честь, женившись на ней. С матерью мисс Эвиан случился удар, и она умерла. Решать судьбу девушки пришлось

каким-то дальним родственникам, и поскольку она была бедна, они не пожелали взять ее к себе. Стало быть, ее ждал бордель. Именно тогда на горизонте появился Джозеф Иверс, вдовец и богатый ранчеро. Он сделал родне мисс Эвиан предложение, от которого они не могли отказаться.

— А сама мисс Эвиан?

— Ее никто не спрашивал. Можно сказать, ее выдали замуж против воли. Накануне венчания ее сняли с поезда — она собиралась уехать из города. Говорят, она пыталась сбежать и из «Райской страны», но ее всякий раз ловили и возвращали обратно.

— А те парни, что на нее напали? Их нашли?

— Их искали, но они как в воду канули. Наверняка сели в поезд и укатили неведомо куда. Должно быть, им хорошо заплатили.

— А если все это устроил…

— Такая мысль приходила в голову не только тебе, — перебил Саймон, — только не стоит говорить об этом вслух.

— Какие у нее отношения с мисс Надин? Нам показалось, они не ладят.

— Не думаю, что дочь Иверса пришла в восторг от молодой мачехи.

— Мой друг встретил мисс Эвиан в лесу. Она куда-то спешила. Неужели снова пыталась сбежать?

— Не думаю. Может, она шла к Зане?

— Кто такая Зана?

— Индианка. Она живет в лесной хижине недалеко от «Синей горы».

— Одна?

— Да. Другие индейцы давно ушли, а она осталась. Вроде так ей написано на роду.

— Как же она живет?

— Кажется, у нее есть оружие, и она охотится. А еще говорят, она знахарка, разбирается в индейских талисманах и может предсказывать будущее.

Арни удивленно покосился на Саймона, не понимая, шутит он или нет, но ничего не сказал. Сегодня ему без того пришлось услышать слишком много неожиданного.

— Только ты не болтай обо всем этом, парень, — добавил мужчина. — Я просто хотел тебя предостеречь.

Поблагодарив Саймона и забрав свой мешок, Арни вышел на улицу, слегка пошатываясь, но не от пива, а потому, что его буквально подкосило услышанное. Как рассказать об этом Кларенсу?

Как смотреть в глаза мисс Надин и этому Железному Джо!

Он решил замешаться в толпе ковбоев и держаться подальше от Иверса и его дочери. Но судьба распорядилась иначе.

Поскольку повозка оказалась нагруженной доверху, в обратный путь Надин и ее отец пустились верхом.

Арни с невольным удовольствием наблюдал за непринужденной посадкой девушки. Знала ли она историю своей юной мачехи, и было ли ей известно о прошлом отца?

Лиственный лес полыхал оранжево-желтым пожаром. Арни нравилось думать, что это море, безбрежное спокойное море, озаренное золотым солнцем. Исчезавший вдали Шайенн выглядел ненастоящим: темные дома казались вырезанными из бумаги и наклеенными на прозрачную ткань воздуха.

Они ехали уже около часа, когда из кустов можжевельника внезапно выбежал олень. Мысль о сочном жарком мгновенно взбудоражила мужчин, и они, не сговариваясь, бросились в погоню, на ходу доставая винтовки из седельных сумок.

Арни не собирался преследовать оленя, тем более у него не было оружия. Однако он с удив-

лением заметил, что Надин тоже пустила коня вскачь. Или она просто не справилась с ним?

На этом участке дороги почва была каменистой и скользкой, а чуть дальше буквально уходила из-под ног, резко обрываясь вниз, в небольшое узкое ущелье.

Полный нехороших предчувствий, Арни хлестнул своего скакуна. Лошадь Надин мчалась вдоль обрыва, и молодой человек на свой страх и риск направил своего коня так, чтобы отсечь девушку от опасной черты.

Позднее он думал о том, почему орава ковбоев, что мчались, стреляя, вопя, пригибаясь к шеям коней, не бросилась спасать хозяйскую дочь?!

Потому что им не приказывали. Потому что им было запрещено приближаться к ней, заговаривать, даже смотреть. Потому что им было на нее наплевать.

Арни и сам не знал, как ему удалось остановить и удержать лошадь, как он успел подхватить легкое тело Надин, а потом опустил девушку на землю целой и невредимой.

Ее лицо было белым, как заснеженные вершины, а глаза — пустыми, как небеса над головой.

Спрыгнув на землю, Иверс подошел к дочери и резко вздернул ее голову за подбородок. В его

взгляде сквозили злость, которой она боялась, и холод, перед которым она была беззащитна.

— Это что еще за выходки! — начал он, и в этот миг какая-то сила бросила Арни вперед.

— Мне кажется, мисс не виновата, сэр. Лошадь испугалась внезапного движения вокруг и понесла.

Иверс повернулся к нему, и Арни увидел мелкие морщины на еще не старом лице и немигающие сумрачные глаза.

Железный Джо посмотрел на него так, будто какая-то букашка под его ногами неожиданно посмела заговорить, но потом вдруг сказал:

— Мне кажется, я не слишком почтителен к человеку, который ни много ни мало спас жизнь моей дочери. Как твое имя, ковбой?

— Арнольд Янсон.

Джозеф Иверс усмехнулся.

— Вижу, ты храбрый парень и быстро принимаешь решения.

Прежде Арни принимал быстрые решения только тогда, когда идея исходила от Кларенса. Однако пристальный взгляд Иверса заставил его кивнуть.

— Послезавтра приезжай ко мне на ранчо. Пообедаешь с нами, а заодно потолкуем.

Тон Иверса не допускал возражений, и Арни снова кивнул. Наверное, он выглядел растерянным и покорным, потому что хозяин «Райской страны» тут же потерял к нему интерес. Он сделал знак дочери, и она пошла за ним. Арни надеялся, что Надин оглянется, но она не оглянулась.

Вскоре Арни заметил, что ковбои держатся с ним иначе, чем на пути в Шайенн. Уважительно, но с настороженностью, словно он перестал быть одним из них. Им не удалось подстрелить оленя, и вместе с тем невинное развлечение едва не обернулось настоящей трагедией. Впрочем, Арни не слышал, чтобы Иверс распекал свою свиту. Возможно, он собирался сделать это, когда они вернутся на ранчо?

Арни не ощущал себя героем. Он чувствовал, что влип во что-то такое, от чего следовало бы держаться подальше.

Кларенс был жив и здоров, и овцы в порядке. Пока Арни вынимал покупки, он бросился варить кофе.

— У меня прямо слюнки текут! — заявил Кларенс, когда приятель положил на стол кусок сала с тонкой полоской розовой ветчины и большой хлеб.

Еще больше он оживился, когда Арни достал из

мешка небольшую бутылку виски.

— А как же Уиллис?!

— Наплевать на Уиллиса. Он не узнает. В дороге ковбои угостили меня выпивкой, потому, если б я не купил тебе виски, это было бы нечестно.

— Ты настоящий друг! А как прошла поездка?

— Нормально. Я потратил даже меньше, чем думал.

— Иверс не зверствовал?

— Он не обращает внимания на таких, как мы с тобой.

Солнце скрылось за горой, оставив после себя веер из прозрачных, легких, как перья, оранжевых лучей. Из леса выползли тени, и вскоре сумерки поглотили остатки дневного света.

В эту ночь они долго не ложились. В печке пылал огонь, потрескивали дрова, дом был полон запаха горячей смолы. На стенах плясали черные тени. Неподвижные глаза Кларенса ярко блестели в свете огня.

— Я надеялся, что здешняя жизнь окажется очень простой, что нам придется думать только о коровах и овцах, — неловко произнес Арни, завершив рассказ об обитателях «Райской страны».

— И как нам теперь быть?

— Есть вещи, которых не изменить, что ты с

ними ни делай. Если Эвиан — жена Иверса, то это так и останется. Тебе просто не повезло.

— Мне? Я думаю не о себе, а о ней.

— Она тебе чужая, — напомнил Арни. — Чужая женщина, чужая жена. Ты видел ее всего два раза, и ты ее не знаешь.

— Скажи, тебе вправду понравилась дочь Иверса?

Арни пожал плечами.

— Я уже говорил: мне казалось, мы просто шутим. Говорим о них, потому что больше не о ком говорить.

— Ты поедешь в «Райскую страну»? — спросил Кларенс, допивая свою порцию виски.

— Полагаю, не стоит. Иверс наверняка уже забыл обо мне. Просто тогда вокруг были ковбои, вот он и сделал широкий жест.

— Ты говорил, ему наплевать на мнение других.

— Не знаю. Он непонятный и опасный человек, от которого надо держаться подальше.

— Ты должен пойти к нему, — заявил Кларенс. — Надо поглядеть, что там у них творится!

— Зачем совать руку в осиное гнездо? — возразил Арни. — Пусть живут своей жизнью.

— Нет! — тряхнул головой Кларенс. — Нельзя

упускать такую возможность.

Арни был намерен всерьез поспорить, но у него ничего не вышло: приятель упорно твердил свое.

— А что ты скажешь об этой Зане?

— Надо о ней разузнать. Если мисс Эвиан в самом деле ходит к индианке, тогда я наверняка сумею встретить ее еще раз.

Арни едва не застонал от досады, однако он знал, что возражать бесполезно. Кларенс все равно поступит по-своему. Он был похож на туго сжатую пружину, в нем жило жгучее, опасное, пожирающее душу нетерпение.

Несмотря на выпитое накануне виски, Арни поднялся до света, успел растопить печь и поджарить бекон, а также накормить лошадей и собак и подоить коров.

Около полудня он вернулся домой, надел новую чистую одежду, побрился и причесался. Взяв лучшую лошадь, отправился в «Райскую страну» с сознанием того, что едет с поручением. Можно сказать, на разведку.

По дороге Арни думал о Кларенсе, о страсти приятеля играть с опасностью, хвататься за безрассудные идеи, о том, почему его собственное здравомыслие никогда не могло победить горяч-

ность друга.

Вопреки сомнениям, Джозеф Иверс не удивился появлению Арни, хотя было трудно сказать, ждал он его или все-таки думал, что тот не приедет.

Хотя обстановка дома была простой, как в любом сельском жилище, выросшему в беспросветной бедности Арни она показалась почти роскошной. На него произвели впечатление и большой камин, и массивный стол, и стеклянные абажуры на лампах.

Опускаясь на казавшийся хрупким стул, Арни ощущал себя поразительно неуклюжим. Он не знал, куда девать ноги и руки, следует ли смотреть в глаза хозяина дома или лучше на собственные сапоги.

Казалось, Иверс не замечает его неловкости. Он сказал, что обед подадут через четверть часа, а пока они немного побеседуют.

Хозяин «Райской страны» поинтересовался, откуда Арни родом, кто его родители, как их зовут, через кого он нашел работу на ранчо Уиллиса. Молодой человек покорно отвечал на все вопросы; при этом его не покидало чувство, будто его, как несмышленого мальчишку, от скуки расспрашивает взрослый.

Когда Арни объяснил, что хотя сам он родился в

Америке, его предки прибыли откуда-то с севера, Иверс пошутил:

— Наверное, это были викинги.

Арни смущенно улыбнулся, и в это время часы на стене пробили два.

— Идем, — поднявшись, сказал хозяин дома. — Все готово.

Они вошли в столовую через широкую дверь, а с другой стороны, как по команде, появилась Надин. На ней было голубое платье с белыми кружевными манжетами и воротничком, застегнутое тяжеловатой камеей. Арни отметил красиво причесанные волосы, похожие на капли серьги в ушах и небольшие, но явно знавшие работу руки.

Надин скромно поздоровалась, после чего они сели за стол, на котором стояло четыре прибора. Одно место пустовало. Арни не составило труда догадаться, чье оно.

Когда пожилая женщина, наверное, кухарка, внесла большую суповую миску, а потом тарелку с сыром, ветчиной и хлебом, Джозеф Иверс негромко сказал:

— Зайди к Эвиан. Напомни, где она должна быть. Скажи, если не явится, я сам за ней приду.

Арни не очень надеялся, что ему повезет уви-

деть молодую жену Иверса, но она пришла. Она в самом деле была гораздо красивее Надин, и Арни лишний раз убедился в том, что Кларенс всегда выбирает лучшее.

Эвиан была похожа на цветок, насильно воткнутый в чужеродную почву. Не желая ни есть, ни говорить, она со скорбным упорством сжала рот. Ее черные миндалевидные глаза были яркими и печальными, а неподвижное лицо дышало страстной силой. Она была из тех, кто переносит унижение не просто с достоинством, а с вызовом.

Эвиан была в темном, и Арни невольно подумал, что ей подошло бы красное платье с юбкой, напоминавшей чашечку гигантского цветка, вздувавшейся колоколом, когда она закружится в танце. Однако едва ли этой молодой женщине хотелось веселиться и танцевать.

Хозяин дома представил ее как свою жену, а гостя — как нового соседа. Привстав, Арни поздоровался с ней, но Эвиан не ответила: приглашенный в дом Джозефом Иверсом, он находился по другую сторону границы.

Арни сразу заметил, что девушки не просто не ладят между собой, они ненавидят друг друга. Обе многое отдали бы за то, чтобы не сидеть за одним

столом. Это проявлялось и в разом возникшем напряжении, и в том, что они подчеркнуто не глядели друг на друга. Арни поразился, как им с Кларенсом вообще пришло в голову принять их за сестер!

Казалось, Джозеф Иверс ничего не замечает. Открыв бутылку вина, он разлил его по бокалам: девушкам — по чуть-чуть, себе и гостю — побольше. Надин пригубила вино, а Эвиан даже не дотронулась до бокала.

Арни сосредоточился на похлебке, стараясь есть аккуратно и неспешно. В его тарелке было вдоволь и говядины, и жира, и лука, и картошки, и перца.

Иверс говорил об обычных, совершенно неинтересных большинству людей вещах. О том, что каждый ярд земли должен приносить пользу, о том, как часто надо скашивать траву на лугах и овец какой породы лучше заводить в этой местности. Такие разговоры были знакомы и понятны Арни, они успокаивали его и, можно сказать, отчасти уравнивали с Иверсом, потому что он мог не только поддакивать, а иной раз даже сказать что-то по делу.

Девушки продолжали молчать. Впрочем, в те времена не было принято, чтобы женщины

болтали за столом. Разговоры были привилегией мужчин, потому Иверс вел себя так, будто рядом не было ни жены, ни дочери: ни разу не обратился ни к одной из них и даже не смотрел в их сторону. Арни поневоле вынужден был вести себя точно так же.

— Ты устроился к Уиллису до весны? — спросил Иверс, запросто обращаясь к гостю на «ты».

— Да, — ответил Арни и, подумав, признался: — Мне здесь очень нравится.

— Здешнюю жизнь нельзя назвать легкой.

— К этому я привык.

— Когда закончишь работать у Уиллиса, я могу взять тебя к себе, — заметил Иверс. — Мне нужны надежные люди.

Арни вежливо кивнул.

— Спасибо, сэр. Но я не один, у меня есть друг, и мы бы хотели работать вместе.

— Возьму и друга, если он чего-то стоит. Или у вас есть другие планы?

Арни решил сказать правду:

— Никаких планов, сэр.

Иверс откинулся на спинку стула.

— В размышлениях о грядущем дне не всегда есть польза. Что толку в бесполезном отчаянии или напрасных надеждах?

Арни казалось странным, что Иверс не упоминает о вчерашнем происшествии, собственно, и послужившем поводом для приглашения. Однако когда обед подошел к концу, хозяин сказал:

— Если желаете, мистер Янсон, можете выйти с Надин. Погуляйте по ранчо, поговорите. Только не заходите слишком далеко.

Последняя фраза прозвучала двусмысленно. Арни покраснел и что-то пробормотал, а Надин поднялась с места с неожиданной готовностью, и в ее взгляде промелькнуло непонятное торжество.

Если б Арни лучше знал женщин и вообще людей, он бы догадался, в чем дело. В жизни Эвиан не было места ни прогулкам с молодыми людьми, ни невинным ухаживаниям, ни робости первого чувства, ни наивным мечтам. Судьба лишила ее будущего, а Надин — пока нет.

Глава четвертая

Надин Иверс не помнила иной жизни, кроме жизни на ранчо. Она увидела Скалистые горы, ощутила веяние ветра и услышала шум листвы гораздо раньше, чем узнала, что на свете существуют время и смерть, потому все это и поныне казалось ей олицетворением вечности. Она любила леса Вайоминга, печальные и мрачные даже при солнечном свете, его необъятные пастбища и величественные вершины.

Пока Надин не вышла из детского возраста, она ощущала себя защищенной от любых бед. Если даже кругом было полно несправедливости и зла, мать ограждала ее от этого. По вечерам она рассказывала дочери сказки и учила ее молитвам, мастерила ей кукол и постоянно напоминала, что Надин должна делать все, как велит отец, потому что он не привык повторять что-либо дважды. Однако у девочки не было поводов для ослушания, к тому же она слишком редко видела Джозефа Иверса, да и тогда он не стремился разговаривать с ней, а всего лишь смотрел на нее с непонятной досадой.

Днем, пока Кортни Иверс хлопотала по дому, Надин могла находиться где угодно: на конюшне, на кухне, в хлеву — ей везде улыбались, трепали ее по волосам; работавшие у отца ковбои, случалось, поднимали ее на плечи и катали по двору или в шутку подсаживали на лошадь. Сама не заметив как, она научилась ездить верхом, доить коров и, не стесняясь, общаться с людьми.

Когда она стала старше, все изменилось. Надин узнала, что большой и важный мужской мир и тесный женский мирок очень разные вещи: с одной стороны, второй является частью первого, с другой — не должен с ним соприкасаться. На разговоры с ковбоями, как и на «неженские» занятия, был наложен строгий запрет. Одновременно Надин наконец почувствовала и поняла, что из себя представляет ее отец.

Джозеф Иверс воровал материнский смех, высасывал из ее тела молодость и вызывал у нее слезы, которые Кортни смахивала тайком, чтобы не увидела дочь. Когда отец появлялся на горизонте, Надин приходилось превращаться в куклу, в существо, всецело покорное его воле.

Лучше всего было не попадаться ему на глаза, но со смертью Кортни это стало невозможным, и тогда Надин осознала, что ранчо, прежде ка-

завшееся ей обителью свободы, на самом деле — тюрьма. Что она никогда не сможет убежать от будущего, уготованного отцом.

Он определял время, когда она должна вставать, выходить к обеду, ложиться спать, и решал, чем ей заниматься днем. Наверное, так же жила ее мать, просто прежде Надин не догадывалась об этом. Кортни не смогла выполнить главной миссии — родить мужу наследника, и за это он обращался с ней, как с мебелью. Когда матери не стало, Надин не могла отделаться от мысли, что отец рад ее смерти.

Она сидела у постели умирающей, но его не было. Джозеф Иверс появился, лишь когда пришла пора отдать распоряжение о похоронах.

Кортни похоронили на семейном кладбище, рядом с четырьмя ее детьми, которые умерли, не дожив до года. Джозеф Иверс никогда сюда не приходил. Похоже, в его глазах память о покойных ничего не стоила.

Отец всегда оценивал людей и животных с точки зрения их пользы. В его взгляде в любой момент могла появиться холодная ярость, а в словах — рассчитанная, бьющая наотмашь издевка.

Надин навсегда запомнила день, когда Джозеф привел в дом Эвиан. Нет, он не вошел с ней под

ручку, он втащил ее, тяжело дыша и бранясь, и по пути прикрикнул на застывшую в изумлении дочь.

Она никогда не видела, чтобы чей-то гнев вырывался наружу с такой безумной силой. Незнакомая девушка извивалась, Пиналась, царапалась и кусалась.

Надин не сомневалась в том, что отец совершает преступление. Она решила бы, что Джозеф Иверс сошел с ума и похитил чужую женщину, если б не знала, насколько он властен над собой и расчетлив в поступках.

Его руки были сильнее девичьих, и ему не составило труда уволочь незнакомку в спальню.

Надин не спала всю ночь, то прислушиваясь в надежде уловить какие-то звуки, то напротив — зажимая уши руками.

Утром Надин увидела на щеке отца две длинные тонкие царапины. За завтраком он сказал:

— Девушка, которую ты видела вчера, — моя жена. Я сочетался с ней браком в Шайенне. Ее зовут Эвиан. Некоторое время она не будет выходить к столу.

Надин застыла, словно пораженная ударом молнии.

Кухарка носила пленнице еду. Иногда та коло-

тила в дверь и выкрикивала какие-то фразы, но чаще сидела молча. Каждую ночь Джозеф Иверс запирался с ней в спальне, и Надин не хотелось думать о том, что там происходит.

А потом Эвиан появилась в гостиной. Холодная, неподвижная, уязвленная, но не сломленная.

Улучив момент, Надин задала девушке вопрос, который не давал ей покоя:

— Как ты сюда попала?

— Не по своей воле, — отчеканила Эвиан, глядя прямо перед собой.

— Кто ты и откуда?

— А ты?

— Я живу здесь с рождения. Я — дочь Джозефа Иверса, хозяина этого ранчо, — твердо произнесла Надин.

— Я ненавижу твоего отца, тебя и ваше ранчо, — сказала Эвиан.

Надин опешила, но не осталась в долгу:

— Это я должна ненавидеть тебя. Ты не имеешь никакого права занимать место моей матери!

Эвиан скривила губы.

— Твою мать я тоже ненавижу. Зачем она умерла? Пусть бы мучилась вместо меня!

За эти слова Надин была готова ее убить.

С тех пор они не разговаривали, но их вза-

имная ненависть росла с каждым днем. Надин пришлось распоряжаться хозяйством, тогда как Эвиан ничего не делала.

Когда девушка попыталась пожаловаться отцу, он небрежно произнес:

— Я привез ее сюда не для того, чтобы она топила печь и доила коров.

«Почему именно я должна выполнять грязную работу? Чем она лучше меня?!» — хотела воскликнуть Надин, но ей пришлось молча проглотить обиду.

Чуть позже Джозеф поделился с дочерью своими планами:

— Надеюсь, Эвиан родит мне наследника, а для тебя я подыщу в Шайенне состоятельного жениха.

Услышав такое, Надин едва не задохнулась от возмущения. Значит, эта девица станет хозяйкой ранчо, а ее отец сбудет с рук, выдав замуж за какого-нибудь немолодого банкира!

Когда Эвиан убежала из «Райской страны» (как только и могла сбежать горожанка — в туфлях и легком платье, без запасов еды), Надин искренне надеялась, что она сгинет в лесу, но ее поймали и вернули назад.

Надин слышала, как отец сказал ей:

— Если еще раз сбежишь, я упрячу тебя в бордель. Для меня это будет проще простого. Там тебя быстро сломают, и тебе придется спать не с одним, а со многими. И не удивляйся, если я стану твоим постоянным клиентом.

Эвиан ничего не ответила, но задрожала как осиновый лист. Увидев это, Надин подумала, что, пожалуй, белоручке приходится куда хуже, чем ей самой, однако не почувствовала жалости.

С тех пор Эвиан не предпринимала попыток сбежать, зато принялась тайком наведываться к Зане. Надин не понимала, что общего может быть у шайеннской девицы с обитательницей лесной хижины, и поневоле испытывала ревность.

Она слышала о Зане, хотя никогда ее не видела. Когда заболела Кортни, один из работников посоветовал Джозефу позвать старуху, но та не пришла. Создавалось впечатление, что она никогда не покидает границы леса.

Надин вышла во двор с молодым ковбоем, думая, что этот человек не знает о том, что он — первый мужчина, с которым ей позволено прогуляться и поболтать с тех пор, как она вышла из детского возраста. Он был симпатичный, хотя застенчивый и неловкий, как все эти парни, и Надин решила взять инициативу в свои руки.

— Я еще не поблагодарила вас за то, что вы остановили коня. Сама бы я ни за что не справилась.

— Я просто вовремя заметил, что лошадь понесла. Ведь так и было?

— Да, — ответила Надин после небольшой паузы.

На самом деле что-то заставило ее хлестнуть коня, направив его за толпой ковбоев. Наверное, то было внезапно вспыхнувшее желание выразить неповиновение отцу, вырваться на свободу, хотя на самом деле она бы сумела избавиться от его власти, только разбившись о камни.

— Я рада, что вам здесь нравится, — сказала она. — Я родилась и выросла в этих краях.

— Вы часто ездите по ранчо верхом?

— Вообще не езжу. У меня много работы по дому.

— Тогда вам, наверное, понравилась поездка в Шайенн?

До этого Надин шла, глядя себе под ноги, чтобы случайно не наступить на коровью лепешку, но сейчас она остановилась и посмотрела на него.

Ей совсем не понравилась эта поездка, несмотря на то, что отец обещал заказать ей новые платья. Он ездил договариваться о браке, браке, в котором Надин должна была потерять все свои

радости, мечты и надежды. Ее женихом стал представитель железнодорожной компании «Юнион Пэсифик», сорокапятилетний мужчина с собственным домом и большим счетом в банке. Он совершенно не приглянулся Надин, и теперь она думала, что ее участь мало чем отличается от участи Эвиан.

— Возможно, скоро я перееду в город, — сухо произнесла она.

Ее спутник удивился.

— Вот как?

— Да. После того, как отец выдаст меня замуж.

Надин не знала, зачем говорит это незнакомому человеку, хотя, в сущности, ей было совершенно не с кем поделиться своей бедой. Девушка не знала, как объяснить, что, с одной стороны, она желает навсегда остаться в «Райской стране», а с другой — что порой ей хочется бежать отсюда куда глаза глядят.

— Вы не согласны с решением мистера Иверса?

— Нет. Но отец не допустит отказа. Это мужчины вольны выбирать, как им жить, а женщины — никогда.

— Мне редко приходилось выбирать, — сказал он. — Я вырос в бедной семье, и у нас всегда было

мало возможностей.

— И все-таки вы смогли уехать из дому, найти работу. И наверняка женитесь по своему выбору.

Парень смущенно пожал плечами, а Надин испугалась. Разве она хорошо знает этого человека? Не ему ли отец предлагал работу и обещал покровительство? А если он выдаст ее с головой?!

— Прошу, не передавайте мои слова мистеру Иверсу! — вырвалось у нее.

— Что вы, конечно, нет!

Надин прочитала в его глазах сочувствие и неподдельный интерес к ее скромной персоне.

— Будучи в Шайенне, я кое-что узнал о вашем отце, — нерешительно произнес он.

— Только не говорите, что когда-то он был другим, — с горечью промолвила Надин.

Он сделал паузу, словно не решаясь в чем-то признаться, а после сказал:

— Нет, я имел в виду вовсе не это. — А потом вдруг спросил: — Почему «Райская страна»? Обычно ранчо так не называют.

— Это насмешка. Отец всегда говорил: «Ковбои такие тупые — не могут связать двух слов, но при этом щеголяют вычурными названиями. Что ж, я придумаю такое, что переплюну их всех!» — ответила Надин и, внезапно охнув, закрыла

рот рукой.

Молодой человек засмеялся, и тогда она тоже улыбнулась.

— В чем-то он, без сомнения, прав!

— А он никогда и не сомневается в своей правоте.

— Я мало ходил в школу, хотя умею читать и писать. Мне рано пришлось взяться за работу.

— А меня учила мама. По книгам, которые она привезла из города.

Надин заметила, что ноги несут ее на кладбище. Что ж, это может послужить оправданием, если отец скажет, что она задержалась с незнакомцем дольше положенного. Почему бы во время прогулки им не навестить могилу Кортни Иверс?

— Ваша мать жива? — спросила она своего спутника.

— Да, — отозвался он с оттенком вины.

— Как ее зовут?

— Ирма.

— Красивое имя. И необычное.

— А мне нравится ваше.

Надин вновь посмотрела на него своими серо-голубыми глазами. В ее взгляде были простота, искренность и надежность — совсем как во взоре матери Арни, и юноша ощутил, как в нем растет

симпатия к этой девушке.

Кладбище казалось совершенно заброшенным, оно заросло сорными травами и мхом. Неприметная тропинка вела к простому камню, под которым покоилась Кортни Иверс.

Надин стояла молча, опустив руки. Казалось, она смотрит на сверкающую паутину, сплетенную крохотными паучками и покрывавшую камень, будто тончайшее кружево, как на еще одно доказательство хрупкости мира и жизни.

Арни слушал тишину. В лесу, который начинался совсем рядом, стояло безветрие. Листва на деревьях поредела, с кустов осыпались ягоды. Стаи улетавших в теплые края дроздов пересекали небо огромными стаями, похожими на темные реки.

Арни чувствовал, что в его встрече с Надин осталось много неясности и недосказанности. К тому же он не выполнил поручения Кларенса: не расспросил девушку ни об Эвиан, ни о Зане. Впрочем, он не представлял, как к этому подступиться.

— Мы сможем увидеться еще раз?

Услышав этот вопрос, Надин вздрогнула. Много лет на нее давил страх, давил не хуже могильного камня. Когда, возвращаясь из Шайенна, она

пустила лошадь вскачь, надеясь то ли хоть на мгновение вырваться из плена, то ли разбиться о скалы и положить конец тому, что еще и не начиналось, ее остановил именно этот человек. Не являлось ли это знаком судьбы?

— Вряд ли. Отец не позволит. А встречаться тайком просто негде.

— А здесь? — спросил ее спутник.

Губы Надин приоткрылись, а потом на них появилась улыбка.

— Да! Обычно я посещаю кладбище раз в неделю, но могу и чаще. Отец об этом знает, и он ни за что не последует за мной. Он сюда не ходит. А вы можете появиться со стороны леса. Вас никто не заметит.

Она не думала о том, плохо это или нет. Джозеф Иверс никогда не раскаивался в свих поступках, и Надин знала, что, ослушавшись его, испытает если не удовольствие, то, по крайней мере, чувство мести.

— А зачем вам это? — запоздало спросила она.

— Мне кажется, нам есть о чем поговорить.

Надин кивнула.

— Хорошо, мистер Янсон. А сейчас нам лучше вернуться.

Он поморщился, словно от зубной боли.

— Прошу, не называйте меня так! Это тоже звучит, как насмешка. Меня зовут Арни.

Она засмеялась.

— Ладно.

Глядя на нее, он улыбался, и Надин поймала себя на мысли, что находит его обаятельным и красивым. Чего стоит мистер Фостер с его брюшком, суетливыми движениями, плотоядным взглядом и кислой улыбочкой против этого высокого, хорошо сложенного парня!

Надин едва не расхохоталась, представив, как Арни дает мистеру Фостеру пинка под зад! Ничего, что у этого юноши нет даже десяти долларов, чтобы купить самую плохонькую лошадь. Зато у него есть молодость и особая независимость, свойственная только ковбоям.

В последнем Надин убеждалась не раз. Пусть, работая на ранчо, большинство из них ни разу не переступало порога хозяйского дома, они точно так же не желали, чтобы кто-то вмешивался в их жизнь. Если ковбою что-то было не по нутру, он мог в одночасье собраться и уехать, что называется, вслед за закатом.

Надин хорошо помнила, как однажды в ответ на оскорбление отца ковбой плюнул ему под ноги, а потом отбыл с ранчо, даже не стребовав

положенной платы. И пусть через несколько суток его нашли на дороге с пулей в голове, он все равно поступил так, как хотел.

— Вы знакомы с мистером Уиллисом? — спросил Арни, когда они шли обратно.

— Да, он бывал у нас. У них с отцом хорошие отношения, — ответила Надин, подумав о том, что, по мнению Джозефа Иверса, «хорошие отношения» всегда подразумевают взаимную выгоду.

Задержавшись возле крыльца, Арни негромко произнес:

— Когда?

Надин опасливо оглянулась.

— В эту пятницу, в пять часов пополудни.

Он кивнул.

— Хорошо.

Выбор места показался Надин тем более удачным, что она надеялась на покровительство матери, которая наверняка наблюдала за ней с Небес.

Джозеф Иверс простился с Арни со словами:

— Что ж, мистер Янсон, надеюсь увидеть вас здесь весной.

Когда дочь вошла в дом, он насмешливо произнес:

— Ну как, твой пропахший навозом кавалер

сумел связать хотя бы два слова?

— Да, — сдержанно ответила Надин.

Видя, что дочь хмурится, Джозеф Иверс расхохотался.

— Я пошутил. Это же настоящий викинг! Вот что значит северная порода.

До конца дня Надин не покидало хорошее настроение, и, даже ложась спать, она продолжала думать об Арни, не зная, что тот вернулся обратно в растрепанных чувствах.

Молодой человек понимал, что нельзя влезать в то, во что ни в коем случае не надо влезать. Он был не таким, как Кларенс. Еще в детстве он слышал, как люди говорили: «Кларенс Хейвуд бежит впереди с факелом в руках, а за ним мчится Арни Янсон с ведром воды».

Так оно и было. Вот только Арни никогда не успевал догнать приятеля.

Он смог поговорить с Кларенсом только поздним вечером, когда оба приехали домой с пастбищ.

— Совсем забыл: смотри, что я нашел, пока ты ездил в Шайенн! — сказал Кларенс и показал Арни два тулупа из бизоньей шкуры. — Тяжелые, но теплые. В них холода не страшны.

— Если еще придется зимовать, — мрачно за-

метил Арни, накладывая в миску бобы. — Может быть, раньше Иверс сделает из меня хороший бифштекс за то, что я втайне встречаюсь с его дочкой!

Кларенс прищурил темные глаза.

— Ты что же, боишься его?

— Не боялся бы, если б оказался с ним один на один. Так ведь у него уйма народа и у всех винтовки!

— Каким он тебе показался?

— Если б я ничего о нем не слышал, то решил бы, что он — обыкновенный богатый ранчеро.

— Ты что-то узнал о мисс Эвиан?

— Я ее видел. Она не произнесла ни слова в моем присутствии, но все было ясно и так.

Со звонким хрустом сломав сухую ветку, Кларенс бросил ее в огонь.

— А о Зане?

— Я не знал, как спросить о ней у мисс Надин. Да и вряд ли она что-то знает об этой женщине. Она сказала, что у нее полно работы в доме и потому ей редко доводится покидать пределы усадьбы.

— Выходит, ты зря побывал в «Райской стране», — в тоне Кларенса слышался упрек.

— Я познакомился с мисс Надин, — заметил Арни.

— И что дальше? Она дочка Иверса!

— Она хорошая девушка.

— Ты думаешь так, потому что выбрал ее с самого начала.

— Знаешь, — с горечью промолвил Арни, — я ничего не выбирал. Выбрал ты. А я… тогда я думал, что это обыкновенная болтовня. Но теперь, — твердо добавил он, — я хочу помочь мисс Надин, так же как ты — ее мачехе.

— Чем же ты ей поможешь? Женишься на ней? — с усмешкой произнес Кларенс.

Арни невольно представил клочок плохонькой земли, покрытую досками и дерном хижину и женщину, которая со временем возненавидит и нищету, в какой ей придется жить, и его самого.

— Разве Иверс выдаст ее за меня? Странствующий ковбой — самая худшая партия для дочери богатого ранчеро. Он уже подыскал для мисс Надин подходящего жениха — какого-то толстосума из Шайенна.

— Тогда какой в этом смысл?

Арни посмотрел ему в глаза. Иногда Кларенс видел чужую правду, но в упор не замечал своей.

— А какой смысл в твоих разговорах о мисс Эвиан?

— А это уж мое дело, — несколько угрожающе

произнес Кларенс.

— Я понимаю, она очень красива, красивее, чем дочка Иверса, но она принадлежит ему, даже если он и взял ее не по праву, обманом или силой!

— Слушай, заткнись, а?

Арни подумал о том, что значит мечтать о девушке, которую постоянно видишь в своих снах. Равно как и о девушке, которая подходит тебе своим образом мыслей, простотой желаний и жизненными целями. Да, чисто внешне ему больше понравилась Эвиан, но после сегодняшней прогулки он понял, что едва ли сможет забыть Надин.

Прошло много времени, прежде чем он промолвил:

— Давай не будем ссориться.

— Хорошо, — ровно произнес Кларенс. — Но я хочу найти Зану.

Опустив «зачем тебе это», Арни сказал:

— Возможно, все это выдумки. Разве может женщина жить в лесу?

— Мне известно, что это правда.

Арни знал, что упрямство Кларенса значит больше, чем любые доводы рассудка, потому промолчал. Но в его душе осталась обида.

Глава пятая

Эвиан Тарбелл была так же близка со своей матерью, как и Надин Иверс — со своей. Они жили вполне прилично, хотя ничего не имели за душой. Миссис Тарбелл работала в лавке известной шайеннской портнихи мадам Кристель, и ее дохода вполне хватало на скромное существование.

Разумеется, у них не было никаких надежд на будущее. Имелась вероятность, что какой-нибудь богатый кавалер прельстится красотой Эвиан, но эта возможность была довольно ничтожна. Пока же девушка училась шить, а также иногда разносила покупательницам заказы.

Эвиан не помнила своего отца, но Фиона часто рассказывала, что они поженились по любви. Оба происходили из семей переселенцев, приехавших в Вайоминг в крытых фургонах еще до окончания строительства Трансконтинентальной железной дороги[2], только родителям Лиланда повезло больше, чем родным Фионы.

---

[2] Примечания: 2

Строительство Трансконтинентальной, или Тихоокеанской, железной дороги завершилось в 1869 году.

Отец и мать молодого человека были против его женитьбы на бедной девушке, но Лиланд поступил по-своему, пусть ему и пришлось поссориться с семьей.

Они были счастливы совсем недолго: через два года после свадьбы Лиланд Тарбелл был убит шальной пулей во время драки в салуне. После Фиона так и не устроила свою личную жизнь, посвятив ее дочери. Однажды она призналась Эвиан, что больше не вышла замуж потому, что не верила, что то, что было у нее с Лиландом, может повториться с кем-то другим.

Все шло более-менее хорошо, пока однажды Фиона не вернулась домой полумертвая от страха с остановившимся взглядом, дрожащими руками и каплями пота над верхней губой и, рухнув на стул, обреченно произнесла:

— Я встретила его.

— Кого?! — спросила Эвиан.

С трудом взяв себя в руки, Фиона рассказала дочери о Джозефе Иверсе, Железном Джо.

— Он увидел меня на празднике осеннего забоя скота и обещал мне золотые горы, но все знали, что он бандит, к тому же я была помолвлена с Лиландом. Железный Джо был взбешен моим отказом и пообещал исковеркать мою судьбу. Я

уверена, что выстрел в салуне, унесший жизнь твоего отца, не был случайным, потому что в тот день Иверса видели там. Когда он пришел ко мне с очередным предложением, я плюнула ему в лицо, а потом обратилась за помощью к шерифу. Не знаю, что сыграло роль, но только после Железный Джо исчез на много лет. Я не знала, жив ли он, и постепенно перестала об этом думать. А сегодня столкнулась с ним, когда выходила из лавки. Если б я его не знала, то могла бы сказать, что он выглядит как богатый господин, добропорядочный человек. Может, он не узнал бы меня, если б я не посмотрела на него с таким ужасом. Он резко остановился, будто врезавшись в стену, а потом спокойно произнес: «Не могу сказать, что годы не властны над тобой, Фиона, однако ты все еще хороша. Я слышал, твоего мужа убили? Нашла ли ты нового спутника жизни? Если нет, то у меня большое ранчо, и я недавно овдовел». Я не могла промолвить ни слова, а он, казалось, наслаждался моим испугом. В конце концов он все-таки позволил мне пройти и с усмешкой бросил вслед: «Не беспокойся, теперь ты слишком стара для меня!».

— Если он так сказал, тогда ты можешь не бояться, — нерешительно промолвила Эвиан.

Фиона покачала головой.

— Не знаю. У меня плохие предчувствия.

— А что ему было нужно в лавке мадам Кристель?

— Наверное, собирался что-то купить для одной из своих любовниц. Он всегда посещал бордели. Недаром его жена раньше времени сошла в могилу.

Эвиан не ожидала, что эта встреча столь сильно подействует на ее мать, но Фиона слегла. Как уже иногда бывало, девушка взялась подменить ее в лавке.

Она сбивалась с ног, разрываясь между дамами, требовавшими альбомы выкроек, покупательницами, явившимися забрать заказы, и клиентками в примерочной, когда в помещение вошел мужчина.

В этом не было ничего необычного. Отцы семейств часто забирали наряды, заказанные женами и дочерьми, оставшимися на ранчо. Время было горячее: близились празднества в честь весеннего клеймения скота.

Господин попросил Эвиан вынести платье, сшитое в мастерской мадам Кристель, а потом, окинув ее взглядом, неожиданно сказал:

— Прошу прощения, юная леди, вы не согла-

ситесь его примерить? Я заказал его для дочери, а она такого же возраста и… телосложения, как вы.

Хотя к Эвиан еще не обращались с подобной просьбой, она не смутилась. Когда, надев платье, девушка вышла к клиенту, тот с восхищением отступил назад.

— Оно сидит на вас просто великолепно! Можно, я подарю его вам, а для дочери закажу другое?

— Благодарю, но я не принимаю подарки от незнакомых джентльменов.

Услышав это, мужчина благосклонно улыбнулся.

— Весьма похвально. Мне нравятся хорошо воспитанные молодые леди. Тогда сложите платье в коробку. Я его забираю.

Он расплатился и, как делали многие клиенты, добавил чаевые. Пересчитав деньги, Эвиан ахнула. Решив, что мужчина ошибся, она обратилась к мадам Кристель:

— Джентльмен, купивший голубое платье, — кто он?

— Это мистер Иверс, богатый землевладелец и скотовод, — ответила хозяйка, и перед глазами Эвиан померк мир.

Она возвращалась домой, не видя дороги, сомневаясь, надо ли говорить матери правду. Потом все-таки рассказала и не напрасно: через несколько дней Джозеф Иверс явился в их дом.

Услышав о том, что ему надобно, перепуганная Фиона вскричала:

— Я обращусь к шерифу!

Иверс развел руками.

— А что я сделал? Совершил преступление? Я всего лишь попросил руки твоей дочери. К тому же нынешний шериф — мой хороший приятель. Когда я приезжаю в Шайенн, мы вместе посещаем мужской клуб.

— Ты был бандитом! — прошептала Фиона.

— А жена председателя Ассоциации скотоводов Вайоминга в молодости торговала своим телом. Во всяком случае, так говорят, — сказал Иверс и поклонился Эвиан. — Прошу прощения у юной леди. Мы должны быть разумными людьми и не впадать в крайности. Время обращает грехи в пепел — такова наша жизнь.

— Не все грехи, — голос Эвиан дрожал. — Я никогда не выйду замуж за человека, убившего моего отца!

— Кто сказал вам такое? Ваша матушка? Я искренне огорчен, потому что это неправда. Мистер

Тарбелл погиб от случайного выстрела. Пуля могла быть выпущена из любого оружия. То, что в тот момент среди многих других мужчин в салуне находился я, ничего не доказывает. Что ж, дамы, я даю вам время подумать. Трех дней будет достаточно? Дело в том, что в конце недели я должен вернуться на ранчо.

С этими словами он откланялся и ушел.

Под маской стального спокойствия таилось грубое вожделение и властная наглость. Фиона ясно видела подлинную душу Джозефа Иверса, надежно спрятанную под грузом лет, кучей уловок, нагромождением лжи. Он нисколько не изменился. Ему были неведомы душевные добродетели, он жил только своими желаниями. В его крови бушевал порок.

Женщина в панике заявила дочери:

— Нам надо уехать!

— Куда?

— Мои родные умерли, но у Лиланда оставались родственники. Я им напишу. Быть может, они меня вспомнят. Они были против нашей свадьбы с твоим отцом, и мы не общались много лет, но в тебе течет кровь Лиланда. Они обязаны нам помочь. А пока тебе не надо выходить из дому.

— Почему? Мы не должны показывать, что

боимся.

Они ждали появления Джозефа Иверса через три дня, но он не пришел. Эвиан надеялась, что он все понял с первого раза и уехал на свое ранчо.

Она возвращалась домой из лавки мадам Кристель, когда он остановил ее в переулке. В тот день Эвиан впервые увидела в его глазах угрожающую настойчивость. Ей стало по-настоящему страшно, и она с трудом заставила себя выслушать его слова:

— Одни и те же вещи могут быть совершенно разными — в зависимости от того, как на них смотреть. Вы полагаете, брак со мной обернется пленом, но на самом деле он способен принести вам освобождение. Что вас ждет? Тяжкий быт без будущего и прошлого, с настоящим, которым нельзя наслаждаться, а можно только терпеть. Выходите за меня, и вы станете первой красавицей не только Шайенна, а всего Вайоминга и будете блистать на балах Ассоциации. Если вы не хотите жить на ранчо, мы переедем в город. Я обеспечу вашу мать. Из родных у меня есть только дочь, кроткая послушная девушка. Она нам не помешает и даже может стать вам подругой. В свое время я женился по расчету. Но у меня еще остались годы, когда я могу насладиться чем-то

другим.

В эти минуты Джозеф Иверс предстал перед Эвиан дьяволом, решившим похитить ее молодость и красоту. Однако она по наивности считала, что у нее хватит твердости удержать его на расстоянии, и была свято уверена в том, что невинность надежно охраняет женщину от мужских посягательств.

— Нет и еще раз нет, — ответила она, стараясь не обращать внимания на неприятное стеснение в груди. — Вы можете сколько угодно останавливать меня, но не услышите ничего другого.

Следующим вечером Эвиан возвращалась от заказчицы, которой относила готовое платье. За ней шли два парня, но она не обратила на них внимание. Парни были как парни, ковбои, каких полно на каждой улице и в любом салуне: в мешковатых штанах, расстегнутых жилетах и фетровых шляпах. Такие могли неловко пошутить с приглянувшейся девушкой, но и только.

Когда они схватили ее в пустынном переулке, она так растерялась и испугалась, что не сумела вовремя закричать. Один из парней завязал ей рот платком и держал руки, а второй занимался ее одеждой. Он исполосовал ткань ножом, превратив подол юбки в лохмотья, разодрал лиф до

пояса, а напоследок стащил с Эвиан панталоны и бросил их в грязь.

Когда она вернулась домой растрепанная, рыдающая, полуголая, с панталонами в руках, Фиона едва не упала в обморок.

— Кто это был? Что они с тобой сделали?!

— Какие-то парни, — с трудом проговорила Эвиан, падая на стул и закрывая лицо руками. — Они напали на меня и порвали одежду!

Фиона схватила дочь в объятия.

— Они тебя обесчестили?!

Девушка покачала головой, но женщина знала, что это ничего не меняет. Даже если Эвиан видел хотя бы один человек, завтра же по Шайенну поползут слухи. А ее, без сомнения, видели.

Решив предупредить события, наутро Фиона отправилась к шерифу и рассказала о нападении. Он пообещал женщине сделать все возможное и попросил ее дочь описать приметы преступников, но Эвиан почти ничего не запомнила.

Парней не нашли. Собственно, не было даже подозреваемых. Фиона догадывалась, кто заказчик, но она понимала, что ее не станут слушать. Многие сочувствовали и ей, и ее дочери, но это опять-таки ничего не меняло. Даже если физически Эвиан осталась девственницей, в моральном

отношении ее честь все равно пострадала. Все знали, что ее ждет: судьба проститутки или приживалки. Благородные мужчины, желающие взять ее в жены, нашлись бы, если б у Тарбеллов были деньги, а так…

«Красота не всегда приносит счастье», — шептались одни.

«Не бывает дыма без огня», — замечали другие.

«Нечего ходить по улицам одной, без сопровождения», — рассуждали третьи.

Фиона наслушалась этого и в лавке мадам Кристель, и на улице, и в коридорах дома, где они с дочерью снимали комнату.

Эвиан не выходила на улицу. Она не могла смириться с тем, что ее выставили порочной. Не понимала, почему должна чувствовать себя виноватой, и вместе с тем не имела сил смотреть людям в глаза. Участь обитательницы борделя маячила перед ней развернутым адом. Заметив этих жалких созданий, нередко появлявшихся на балконах «заведений» в одном белье и зазывавших мужчин, она всегда с содроганием опускала глаза. Под напускным бесстыдством скрывались боль души и трагедия жизни.

Фиона Тарбелл сдалась первой. Она слегла, а вскоре скоропостижно скончалась. Эвиан зна-

ла, что мать была раздавлена, она умерла от разбитого сердца, погасла, как свеча от порыва немилосердного ветра.

Приехали родственники Лиланда, люди, которых она прежде не видела, и помогли оцепеневшей от горя Эвиан организовать похороны матери. А потом занялись устройством судьбы девушки.

— Твоей руки просит уважаемый и состоятельный человек, — осторожно сообщили ей через несколько дней.

Догадавшись, кто это, Эвиан бросилась к мадам Кристель.

— Прошу, возьмите меня на работу! Я умею шить и готова работать за самое скромное жалованье!

Мадам (Эвиан так и не узнала о том, что незадолго до этого хозяйка выставила ее мать на улицу, потому что ей надоели перешептывания дам в мастерской) выпроводила ее со словами:

— Дитя мое, вы слишком молоды, чтобы жить одной. И я не готова отвечать за вас, у меня слишком много дел. Я слышала, у вас есть уважаемый и богатый поклонник. Почему бы вам не согласиться на его предложение?

В отчаянии Эвиан обратилась к шерифу, и тот

сказал:

— Я сочувствую вам и вашим потерям. Однако я знаю, что мистер Иверс весьма благородно согласился принять участие в вашей судьбе.

Когда Эвиан вскричала: «Он убийца!», шериф рассудительно заявил:

— Большинству известных людей штата приписывают самые невероятные преступления. Почему-то многие считают, что любое богатство замешано на порочности. К сожалению, такова наша мораль. Поверьте, добродетельной бывает не только бедность. Мистер Иверс много сделал для нашей округи, это достойный уважения человек.

Но Эвиан не верила. Иверс был безжалостным хищником, он устроил все это, чтобы заставить ее сдаться.

Мир был полон людей, но ни один из них не мог ей помочь. У нее никого не осталось, и она не знала средства вернуться назад, к радости, теплу и покою.

В конце концов родственники (которым, вероятно, немало заплатили) потеряли терпение. Они ясно дали понять, что если Эвиан откажется от брака с мистером Иверсом, то окажется там, где ее навестит в том числе и он.

Предвидя, что девушка может попытаться бежать из города, родственники не спускали с нее глаз. Тем не менее, она попыталась уехать. Ее задержали. Посовещавшись, обманом напоили настойкой опия, и Эвиан впала в состояние полнейшего безразличия.

Она очнулась, только когда Джозеф Иверс привез ее в «Райскую страну». Именно тогда девушка окончательно поняла, что ей предстоит пережить.

Она защищалась, дралась, но он оказался сильнее. Она пыталась умолять, но он не желал слушать.

Все исчезло. Были только его руки, разорвавшие ее одежду, его губы, осквернившие ее тело, и еще что-то, заклеймившее ее нутро раскаленным железом. Эвиан слышала, как иные женщины говорили: «Пусть он взял мое тело, но душу я не отдам». Теперь она бы могла сказать, что в первую очередь страдает именно душа. Джозеф Иверс при жизни вогнал ее в ад.

Эвиан знала: дальше в ее жизни может случиться что угодно, но память об этом неискоренима. Получив свое, он ушел, а она дрожала в темноте, оплакивая то, что у нее отняли — честь, свободу, будущее, — и ощущая под ногами леденящую без-

дну. Потому что отныне она принадлежала ему.

Эвиан моментально возненавидела его дочь, потому что все, происходящее от Джозефа Иверса, было порождением дьявола. Эта деревенская корова преспокойно жила на кровавые деньги своего отца! С отвращением вспомнив о том, как она примеряла платье Надин, Эвиан наговорила девушке гадостей и с удовлетворением почувствовала ответную ненависть.

Ее запирали в спальне и никуда не пускали, и со временем Эвиан поняла: чтобы добыть какое-нибудь оружие или сбежать, ей надо вести себя хитрее.

Она перестала сопротивляться. Покорно лежала, пока Джозеф Иверс удовлетворялся ею, и отстраненно молчала, когда он говорил, что она должна родить ему наследника.

И он наконец выпустил ее из комнаты.

Сперва Эвиан хотела украсть если не револьвер или нож, то хотя бы что-нибудь острое, чтобы ранить или даже убить мужа в темноте спальни, но Иверс предугадал это и пристально следил за ней.

Тогда она решила сбежать. Сперва спокойно гуляла по ранчо, усыпляя бдительность окружающих, а однажды, заметив, что вокруг никого

нет, перелезла через ограду и устремилась в лес.

Леса Вайоминга были гибельны, но это ее не пугало. Она боялась человека, а не неизведанных троп или диких зверей. Да и едва ли с ней могло случиться что-то худшее, чем уже случилось!

Эвиан понимала: никому не пришло в голову, что она может сбежать, не зная дороги, не имея подходящей одежды, не взяв с собой еды.

Она шла, не задаваясь вопросом, куда идет, пока не набрела на ручей и не увидела… оленя. Огромный самец вышел из кустов легкой грациозной поступью, остановился, чтобы напиться, а после стоял, глядя в пространство и словно о чем-то думая.

Присев на корточки, чтобы не спугнуть животное, девушка любовалась им. Она завидовала оленю, его свободе, независимости и силе.

Эвиан не боялась оленя, а вот неожиданно раздавшийся за спиной голос едва не лишил ее дыхания.

— Ты хочешь превратиться в олениху, стать его самкой?

Быстро оглянувшись, девушка увидела старуху со сморщенным, как чернослив, лицом и длинными прядями седых волос, выбивавшихся из-под пестрого платка. Ее мокасины из оленьей кожи,

доходившие до половины икр, были расшиты цветными бусинками.

Эвиан не знала, что ответить, но старуха, казалось, и не ждала этого. Подождав, пока потревоженное животное скроется в кустах, она продолжила:

— Только прежде ты попадешь в лапы хищника. Кто знает, может, после твой дух и вселится в тело оленя?

— Мне все равно, — прошептала Эвиан.

— Потому что ты еще не смотрела в лицо смерти.

— Я видела кое-что похуже. Я уже в лапах зверя.

Старуха смерила девушку взглядом.

— Идем.

Ни о чем не спрашивая, Эвиан пошла за ней.

Впереди был пологий спуск, за которым начинался густой хвойный лес. Он казался однообразным и угрюмым. Высокие лиственницы и густые пихты закрывали небо, какие-то цепкие растения опутывали ноги.

Старуха привела девушку к хижине, на крыше которой были укреплены большие оленьи рога, от времени покрытые мхом и лишайником. Кое-где к веткам ближайших деревьев были при-

вязаны веревочки и выцветшие кусочки ткани. Рядом с хижиной тлел огонь, возле ее стены стояла винтовка.

Хозяйка не пригласила Эвиан внутрь, а, сев на кусок бревна, достала из-за пояса трубку, взяла тонкий прутик, зажгла его от углей, прикурила, затянулась и выпустила белый дым с таким видом, словно собралась рассказывать долгую историю. При этом ее неподвижные темные глаза казались совершенно равнодушными.

— Меня выдали замуж, когда мне было тринадцать зим. Я вообще не понимала, что происходит. А потом моему мужу понравилось ружье одного белого, и он обменял меня на него. Прошло несколько лет, прежде чем я догадалась, что надо бежать. Индеец будет преследовать добычу, пока не пристрелит, тогда как белый махнет рукой и уйдет. Но ты попала не к тому белому. Тебе не повезло. Потому ты не должна убегать. Лучше просто ждать.

— Чего? — устало промолвила Эвиан. Она и сама не знала, откуда у нее взялась надежда на то, что старуха ей поможет.

— Мужчину. Ты встретишь его на оленьей тропе, как того самца. — Эвиан вздрогнула, и, заметив это, индианка добавила: — Он захочет

тебя спасти. А сейчас возвращайся к Джо.

— Вы его знаете?!

Эвиан отшатнулась от старухи, продолжавшей безмятежно дымить трубкой.

— Много зим назад (я уже жила здесь) ко мне принесли мужчину с дырой в голове. С такими ранами не живут, но я его вылечила: это было угодно духам. Потом я сказала, что за ним долг. Тогда тут творились нехорошие вещи: пришли люди со своими коровами, начали вырубать лес, разрушать построенные бобрами плотины. Джо обладал достаточными силами, чтобы воспрепятствовать этому. Я сказала, что он прожил половину жизни в ином мире, а другую проживет здесь. Послушавшись меня, он сделался хозяином этих мест: разогнал незваных пришельцев, навел в округе порядок и никогда не нарушал установленных мной границ.

— Вам было все равно, что он за человек?

— Меня волновало, может ли он принести пользу моему лесу. Остальное не имело значения. Большинство людей думают лишь о себе, тогда как я забочусь только о месте.

Эвиан с тоской огляделась. В отличие от Заны она ненавидела эти края.

— Неужели я никогда не вырвусь отсюда?

— Боюсь, ты останешься здесь навсегда.

Хуже этого ничего нельзя был придумать, и Эвиан воскликнула:

— Он что, никогда не умрет?!

— Кто, Джо? Конечно, умрет. Все люди смертны. Когда однажды он пришел ко мне с новой винтовкой, я сказала ему, что он держит в руках то самое оружие, из которого будет убит.

— И что он ответил?

— Он засмеялся и сказал: «Тогда, старуха, я подарю эту винтовку тебе».

К удивлению девушки, индианка показала на прислоненный к стене хижины винчестер.

Эвиан вскочила на ноги.

— Отдай ее мне!

— Оставь, девушка, — строго сказала Зана, — такая ноша слишком тяжела для тебя. Лучше я дам тебе кое-что другое.

Индианка встала, сходила в хижину, вернулась с мешочком и протянула его Эвиан со словами:

— Здесь травы. Чтобы унять боль, чтобы спокойно спать и — чтобы не рожать детей, если ты этого не хочешь. Я расскажу, как ими пользоваться. Закончатся, приходи еще. Береги свои силы, не растрачивай понапрасну. Вижу, тобой владеет бесслезная печаль, а она — самая жестокая штука

на свете. Обещаю, когда-нибудь ты вновь сможешь плакать. Именно тогда твоя судьба сделает желанный поворот.

Хотя это было далеко не лучшее утешение, Эвиан немного воспрянула духом.

— Я вам что-то должна? — с тревогой спросила она старуху, забирая мешочек.

Девушка подумала о том, что, наверное, могла бы стащить у Джозефа табак, но с деньгами, порохом и продуктами было сложнее.

— Я всегда беру у человека только то, что он может дать. Ты ничего мне не должна.

Так Эвиан познакомилась с Заной и с тех пор часто ее навещала. Индианка научила девушку находить дорогу к хижине по зарубкам на деревьях.

Хотя на словах Джозеф Иверс был против этих встреч, на деле он, казалось, не знал, как этому помешать. А потом Зана подсказала Эвиан выход, велев солгать мужу, будто та приходит в хижину за средствами против бесплодия. И когда девушка скрепя сердце сделала это, обуреваемый жаждой заиметь наследника Иверс согласился ее отпускать. К тому же она смогла открыто заваривать данные индианкой травы.

Эвиан удивлялась, как старухе удается выжи-

вать в лесу, пока та не показала ей ряды глиняных горшков с заготовленной на зиму олениной, а также шкуры, которые она собиралась обменять на продукты и необходимые вещи.

Зана никогда не пыталась успокоить Эвиан, но после посещения лесной хижины той всегда становилось лучше. Все, что говорила старуха, было похоже на сказку, и вместе с тем ее словам хотелось верить.

Девушка редко вспоминала слова индианки насчет таинственного спасителя, потому что меньше всего мечтала о мужчине, пусть даже это будет другой мужчина. Однако, в очередной раз встретив на оленьей тропе Кларенса Хейвуда, она не могла не думать о предсказании.

Глава шестая

Несколько дней стояла полная луна, оранжевая, ясная и при этом удивительно холодная. Потом погода сразу изменилась: траву покрыла белая изморозь, ее стебли сперва стали твердыми и хрупкими, как стекло, а после — безжизненно-вялыми. От мрачных гор веяло ледяным дыханием, и по вечерам Арни и Кларенсу чудилось, будто они находятся на дне огромной черной бездны.

В эти дни недолгая радость посещала их только тогда, когда Арни клал на землю охапку хвороста для костра, а Кларенс укреплял чайник на двух рогульках и палке. И пусть дым заставлял кашлять и вызывал слезы, тепло огня нельзя было сравнить ни с чем. Кружки обжигали руки, но глоток чая возвращал замерзшее тело к жизни.

— Завтра пойду проверять капканы, — заметил Кларенс, когда они отдыхали после очередного нелегкого дня.

Арни хотел сказать приятелю, что тот делает это чаще, чем нужно, но, разумеется, промолчал. Он понимал, что Кларенс жаждет встретить вовсе не зверя. И мог ли он возражать, если сам виделся

с Надин Иверс раз, а то и два в неделю?

Как и было условлено, они встречались на кладбище, и им всегда было о чем поговорить. Природа, погода, животные, воспоминания о детстве, повседневные заботы и маленькие радости. Они болтали о чем угодно, только не об Эвиан, но Кларенс, казалось, забыл о своей просьбе.

Арни все больше и больше нравилась Надин, хотя он не питал никаких надежд относительно их общего будущего. С виду она была обыкновенной девушкой, и его привлекала именно эта незатейливость и простота. С ней он не боялся показаться косноязычным или неловким.

Впереди была зима, а весной, как сказала Надин, отец выдаст ее замуж: все уже решено. Она обмолвилась об этом только однажды, во время их первой прогулки, но Арни догадывался, что она часто размышляет о своей судьбе, как и о том, нельзя ли ее изменить. Надин не жаловалась на отца, но юноша понимал, что ей приходится несладко.

Сам он воспринимал жизнь, как нечто такое, с чем очень трудно бороться. Судьба — как течение реки, против которого невозможно плыть. Так ему внушали с детства, да и сама действительность не давала повода думать иначе. Но иногда,

рассуждая подобным образом, Арни ощущал себя ничтожным и жалким.

Долгое время они с Кларенсом сидели молча, слушая ветер. Он дул с северо-запада и шумел в вершинах деревьев.

— Наверное, завтра выпадет снег, — наконец сказал Кларенс.

— Да, уже пора.

— А я так и не поговорил с Эвиан.

— Еще успеешь, — осторожно отозвался Арни, уловив в замечании друга скрытый смысл, а потом, внезапно решившись, произнес: — Я давно хотел спросить: у тебя были… отношения с женщинами?

— С женщинами? — повторил Кларенс так, будто не понял, о чем идет речь. Шевельнул веткой угли в костре, а потом ответил: — Если ты имеешь в виду, спал ли я с кем-то, то… да, правда, всего однажды.

Арни опешил.

— А почему ты мне не говорил?

— Отец велел молчать об этом; может, чтобы мать не узнала? Ведь женщинам не нравится, когда мужчины посещают такие места. Тебе я сперва хотел сказать, но после подумал: к чему хвастать? Обычное приключение; к тому же я

знал, что у тебя-то никого не было.

— Расскажи, — попросил Арни, стараясь скрыть досаду и зависть.

— Отец сделал мне такой подарок на прошлое Рождество. Мы ездили в Шайенн за покупками, и он впервые позволил мне зайти в салун, а потом отвел в бордель. Я ни о чем не просил, он сам решил, что так надо. Женщину я не выбирал: просто одна из них взяла меня за руку и повела за собой. Каюсь, мне было немного не по себе, но… Ничего не скажешь, приятная штука! С тех пор, когда наш священник на проповеди намекал, что это грех, мне всегда хотелось улыбнуться.

Арни с завистью подумал об отце Кларенса, который сначала подарил сыну ночь с женщиной, а потом отдал седло. Его собственный отец давно погиб, а от отчима можно было дождаться только ругани и оплеух.

— Ты прав: я — еще никогда и ни с кем, — упавшим голосом произнес он.

— Это дело поправимое. Если дотянем до весны и Уиллис заплатит нам деньги, ты будешь вправе потратить их так, как посчитаешь нужным.

Вспомнив о матери и братьях с сестрами, Арни неожиданно разозлился.

— Пойти в бордель и заказать шлюху?

Кларенс пожал плечами.

— Хотя бы.

Арни подумал о том, какое скудное существование им приходится вести. Мало того, что они должны довольствоваться дешевой едой, скверным кофе, грубой одеждой, так еще и жалкой заменой любви!

Пусть он еще не был близок с женщиной, пусть не обладал способностью глубоко познавать жизнь, все же он достаточно хорошо понимал, что переспать с проституткой в дешевом борделе над салуном — совсем не то, что обмениваться жгучими взглядами, нежными улыбками и сжимать руку любимой в своей.

— Почему для того, чтобы завоевать женщину, всегда нужны деньги? — с горькой иронией произнес Арни.

— Для того, чтобы завоевать, полагаю, надо что-то другое. Иначе мы с тобой никогда ничего не добьемся, верно? — с грустной улыбкой отозвался Кларенс.

В эту ночь их сон был беспокойным, а на утро, как они и предполагали, выпал снег.

Зелень была похожа на изумруды, разбросанные посреди белого поля. Холодный ветер щипал кожу. Лошади фыркали, прижав уши к гривам, и

нетерпеливо били копытами снег.

— Я проведаю капканы. Сейчас хорошо видны все следы. Надеюсь скоро вернуться, — произнес Кларенс тоном, не допускавшим возражений, и Арни только вздохнул.

Небо заволокла дымка, и солнце было похоже на тусклую серебряную тарелку. Кларенс ехал медленным шагом сквозь редкий хвойный лес, где деревца достигали высоты всего лишь пяти футов и издали напоминали нескошенные колосья.

Заметив меж них тонкую фигурку, молодой человек не вспомнил о том, сколько раз за минувшие недели он выходил или выезжал из дома и возвращался ни с чем. Упорство было у него в крови, и он знал, что рано или поздно достигнет цели.

В лесу царила тишина. Оленью тропу занесло снегом. Птицы улетели. Остался только ветер, но сейчас даже он стих.

Пустив коня вскачь, Кларенс быстро догнал девушку.

Эвиан остановилась в растерянности, казалось, не зная, куда идти, и немудрено: за сутки лес неузнаваемо изменился. В начале каждого сезона Зана сама выходила к ней, городской жительни-

це, которой приходилось долго втолковывать, что к чему, но сейчас индианки не было видно.

— Не бойтесь! — задыхаясь от волнения, произнес Кларенс. — Вы меня не помните? Я работаю на мистера Уиллиса. Мы с вами как-то встретились здесь, в лесу.

Девушка вроде бы не собиралась убегать. Ее темные глаза ярко выделялись на белом лице, а алые губы чуть приоткрылись, словно в недоумении или если б она собиралась что-то сказать. Даже в простом шерстяном платке и суконной накидке она показалась Кларенсу такой красивой, что у него перехватило дыхание.

Эвиан и впрямь смотрела на него во все глаза. Зана велела ей ждать. Таков удел всех женщин с древнейших времен: ждать своей судьбы в образе мужчины. А еще индианка говорила о зове, о том неведомом призыве, на который стоит откликнуться, если он будет достаточно властным.

Олени ушли, зато появился человек. У него было открытое молодое лицо, вызывающая смелость во взоре, легкость, неукротимость и упругость в движениях. В нем ощущалась сила, но не такая, как у Джозефа Иверса. То была воля, которой хотелось покориться. И вместе с тем Эвиан чувствовала, что этот мужчина никогда

ни к чему ее не принудит.

— Я вас узнала, — без малейшего страха ответила она. — Только я забыла ваше имя.

— Меня зовут Кларенс. А вы… я могу называть вас мисс Эвиан?

Она кивнула, и Кларенс спрыгнул с коня.

— Вас проводить?

— Не думаю, что сегодня я попаду к Зане. Тут все замело. Надеюсь, через несколько дней она проделает тропинку и выйдет ко мне сама. Прошлой зимой она привязывала к деревьям пестрые тряпочки — по ним я находила дорогу к ее хижине.

— Индианка? Где она живет?

— Там! — Эвиан махнула рукой. — Или… там?

Она чуть заметно улыбнулась, и Кларенс догадался, что улыбка на ее прекрасном лице появляется так же редко, как солнце на зимнем небе.

— Я бы тоже хотел увидеться с Заной, — признался он.

Эвиан насторожилась.

— Зачем?

— Не знаю. Может, затем, чтобы узнать свою судьбу? Говорят, она способна предугадывать будущее.

— А если предсказание Заны окажется совсем

не таким, какого вы ждете?

Кларенс невольно сжал кулаки и стиснул челюсти.

— Тогда я сделаю все, чтобы изменить то, что мне предначертано.

Эвиан ощутила, как от этих слов ее тело пробирает нервная дрожь. Быстро оглянувшись, она проговорила:

— Не надо, чтобы нас кто-нибудь увидел.

Взгляд Кларенса был глубоким и долгим, в нем пылал огонь безрассудства и столь внезапно вспыхнувшей любви.

— Я все знаю. Знаю, что Джозеф Иверс вам не отец!

— Полагаю, вы знаете далеко не все, иначе не стояли бы здесь и не разговаривали со мной.

— Вы думаете, я чего-то испугаюсь?

Чувствуя, как они, два незнакомых, случайно встретившихся человека, балансируют на грани опасной откровенности, Эвиан задала вполне естественный вопрос:

— Что вам нужно?

Кларенс мог бы ответить: «Вас!», но было слишком рано. Потому он ограничился тем, что сказал:

— Я хочу вам помочь.

— Вы мне ничем не поможете, — промолвила Эвиан, и тогда он произнес то, чего не произнес бы ни один другой мужчина:

— Разве вы не надеетесь на это? На то, что вам кто-то поможет?

А она ответила так, как могла бы ответить только она:

— Если б я не надеялась, то давно бы умерла.

Кларенс в самом деле ничего не боялся и, не в пример Арни, не думал о том, что у него нет ни хорошего оружия, ни денег, ничего, кроме юношеской смелости и упрямства. И вместе с тем ощущал горечь, потому что пока не имел возможности защитить Эвиан и не придумал никакого плана.

— Скажите, когда вы придете сюда еще раз?

Девушка покачала головой.

— Не знаю. Самое раннее — через несколько дней.

— Я буду ждать — каждый день на этом месте! — пылко воскликнул Кларенс, едва сдерживаясь, чтобы не взять ее за руки. — А сейчас я провожу вас до границы ранчо.

— А если нас увидят?!

— И что такого? Я встретил вас в лесу и решил проводить домой, чтобы ничего не случилось.

Вы пойдете пешком или сядете на Мистера Уиллиса?

— Что?

— Так зовут коня! — со смехом пояснил Кларенс. — Мы с другом забыли спросить клички лошадей, потому нарекли одного из жеребцов Мистером Уиллисом.

Эвиан вновь улыбнулась. В «Райской стране» ей редко приходилось слышать смех. Джозеф Иверс лишь усмехался, иронично или злобно; его дочь никогда не разжимала губ для того, чтобы улыбнуться, — во всяком случае, в ее присутствии. Ковбои, случалось, смеялись, но только между собой.

Эвиан с Кларенсом пошли по полю. Перед ними простиралась целая страна, занесенная снегом и ограниченная горами. Сквозь разрывы в белых одеждах сосен проглядывала темная хвоя, а поля покрыла серебристая дымка. Кларенс знал, что с сегодняшнего дня должна начаться та тяжелая, зимняя работа, ради которой они с Арни и поселились здесь. Но отныне для него самым главным было уже не это.

Как правило, люди сближаются, говоря о простых вещах. Кларенс рассказал Эвиан, как они с другом нашли работу, что им приходится делать.

Едва ли ей было интересно все это, однако она внимательно слушала. А после спросила:

— Ваш друг обедал на ранчо… моего мужа. Что привело его туда?

Заметив, как, произнося слова «мой муж» Эвиан болезненно передернула плечами, Кларенс ответил:

— Он спас дочь Иверса, когда ее лошадь понесла, и тот пригласил Арни к себе. Это я попросил его пойти туда. Я надеялся хотя бы что-то узнать… о вас.

— Я сама могу рассказать вам все, о чем вы хотите знать, — сказала Эвиан, тем самым положив начало чему-то новому в их странном и во многом безрассудном знакомстве.

— Я хочу знать о вас все, — твердо ответил Кларенс, и она принялась говорить.

Ей, как и Надин, было некому довериться. Никогда еще она не ощущала себя столь одинокой в окружении людей.

Конечно, Эвиан не была чересчур откровенна, и все же в эти минуты в ней проявилась та самая непокорность, какую Кларенс заметил с самого начала. Ее внешняя хрупкость не соответствовала тому, что таилось внутри. Эвиан не потеряла веру в то, что ей удастся вырваться из «Райской

страны». А вера во все времена значила очень многое.

— Представляете, Зана сказала, что Иверса убьют из винтовки, которую он ей подарил! — не сдержавшись, призналась Эвиан.

— Вы верите ее словам?

Девушка с сомнением пожала плечами.

— Я выросла в городе и выслушала немало проповедей о том, что индейские легенды, предсказания и суеверия — это полная чепуха. Но иногда обстоятельства складываются так, что поверишь чему угодно.

Кларенс сжал кулаки.

— Чего бы я только ни дал, чтобы заполучить эту винтовку!

Эвиан посмотрела ему в глаза.

— Нет. Вы не должны подвергать себя опасности ради меня.

Она не сказала, что он бессилен против Джозефа Иверса, что не стоит даже пытаться его одолеть, и это не только вдохновило Кларенса, но и направило его стремления в более разумное русло. Он понял, что не стоит спешить.

— Главное, чтобы мы смогли видеться. Я должен все обдумать.

Когда они простились, Кларенс вернулся в лес.

Его заставила какая-то сила, которую можно было назвать предчувствием.

Он не ошибся: на том месте, где он встретил Эвиан, стояла старуха. Она словно явилась из тех времен, когда на Великих равнинах у подножий Скалистых гор индейцы преследовали огромные стада бизонов. Она выглядела древней, но при этом не казалась немощной. Кларенсу приходилось общаться с индейцами, и он знал, что белый почти никогда не в состоянии определить их истинный возраст. Этой женщине могло быть как шестьдесят, так и сто лет.

Остановив коня, он ждал, что скажет индианка, если она вообще собиралась заговаривать с ним.

— Значит, это ты. Олени ушли, зато пришел человек. — Ее слова прозвучали как простое утверждение, без налета иронии, горечи или каких-то других чувств.

— Да, я… — начал Кларенс, но она неожиданно резко перебила:

— Ты!

Потом вытянула руку, прищурила глаза и даже как будто понюхала воздух.

Как ни странно, Кларенс догадался, что хотела сказать Зана, и ответил:

— Моя прабабка была сиу. Остальные предки,

насколько мне известно, — белые.

— Иногда чего-то малого бывает достаточно, — загадочно промолвила индианка.

— Я бы хотел прийти к тебе, — сказал Кларенс.

— Зачем, если ты все решил наперед?

— Может, ты посоветуешь…

— Я не даю советов. Решает судьба, решает человек, но не я, — перебила Зана и все же согласилась: — Приходи.

— У меня есть друг, — вспомнил Кларенс, и индианка тут же сказала:

— Ему это тоже нужно?

— Мы всегда были вместе.

Кивнув, Зана удалилась в лес, и Кларенс был готов поклясться, что она просто исчезла, растворилась в нем без следа.

После всего, что произошло в этот день, он не сумел заставить себя заняться работой и просто объезжал подернутую зимним туманом округу. В эти минуты красота мира казалась обнаженной, пронзительной, как его чувства.

Где-то там, грязно-серым потоком по белому полю, текло стадо звенящих колокольчиками овец, подгоняемых громко лающими овчарками, из чьих красных, жарко дышащих пастей вырывался пар, и единственным человеком,

выполнявшим непосильную работу за воистину смехотворную плату, но мысли Кларенса были далеки от этого.

Он думал об Эвиан, о ее тонкой фигурке, которую, казалось, вот-вот опрокинет ветер, о ее выбивавшихся из-под платка смоляно-черных волосах, о ее зарождавшемся доверии и нерешительном смехе.

Он так и не вспомнил о цепочке капканов, растянувшихся вдоль замерзшего ручья, а вернувшись на ранчо, встретил хмурого Арни, которому в одиночку пришлось пасти и загонять стадо.

— Куда больше ты был нужен сегодня здесь. Я страшно замерз и устал. За целый день у меня не было времени слезть с седла, — сказал он, не глядя на приятеля, когда они наконец сели есть, и Кларенс остро воспринял непривычный упрек.

— Когда ты ездил в Шайенн, я справился.

— Тогда было теплее, и потом я уезжал по делам. А ты всего лишь подкарауливал мисс Эвиан. Даже капканы не проверил!

— Что ты знаешь об этом, Арни? — с глубоким намеком спросил Кларенс.

— Я знаю только, — пристально глядя в огонь, промолвил тот, — что погода неизменно берет над нами верх. Что декабрьская луна почти все-

гда приносит снег, а январская — морозы. Что нам придется ждать чинука как манны небесной, и что бороться с судьбой так же нелепо, как идти против Бога. А еще, что для таких, как мы с тобой, очень мало легких способов заработать на жизнь.

— Вот как? А что ты скажешь, если я отвечу, что сегодня встретился с Заной и она согласилась принять нас с тобой в своей хижине?

Когда Арни повернул к нему лицо, Кларенсу почудилось, будто в глазах друга мерцают осколки льда.

— Зачем тебе это?

— Хочу узнать свое будущее.

— Тебе это нужно?

— А тебе — нет?

— Мне проще, — резко произнес Арни, — я принимаю судьбу, как воздух, которым приходится дышать, и редко иду против течения реки или потока ветра.

— А я попытаюсь это сделать.

— Если то, что ты выбрал для себя, того стоит, тогда пытайся.

Кларенс долго молчал. Безусловно, между ним и Эвиан что-то произошло, но это что-то было слишком хрупким, тонким и ненадежным, как

первый, только что схваченный морозом лед, и он не мог об этом говорить.

Наконец он спросил:

— А если б у тебя была возможность выбора, ты выбрал бы, Арни?

— Я бы выбрал, — твердо ответил тот.

— Тогда мне не терпится увидеть, каким будет твой выбор.

Они отправились к Зане следующим вечером, так, чтобы успеть вернуться домой до темноты. Кларенс уверенно заявил, что найдет дорогу. Он ехал на Мистере Уиллисе, а Арни — на другом коне.

Остановившись на холме, приятели смотрели вниз, туда, где начиналась зубчатая стена сосен, смолистые ветви которых спускались до самой земли. Деревья росли так плотно, что, казалось, невозможно пробраться между стволами, и Кларенс предложил:

— Привяжем лошадей?

— А если придут койоты?

— Да, ты прав.

— Пожалуй, Уиллису следовало оставить нам оружие получше, чем этот кольт, — заметил Арни, посмотрев на кобуру на поясе Кларенса.

— Конечно! Я бы купил винтовку, только она

слишком дорого стоит.

Арни вздохнул. Покупка провизии и одежды почти полностью истощила оставленный хозяином кошелек, а впереди была зима, и бог весть что им могло понадобиться! На ранчо нашлось далеко не все необходимое, и он не предполагал, как достать деньги. Арни знал наперед, что Кларенс ни за что не согласится обратиться за помощью к хозяину соседнего ранчо, как это, возможно, делали их предшественники.

Когда приятели наконец отыскали хижину Заны, им пришлось долго ждать, потому что индианка разводила в яме костер для окуривания шкуры койота, и было ясно, что она не намерена оставлять важное дело ради нежданных пришельцев.

Увидев дорогую винтовку, бережно прислоненную к стене хижины, Арни толкнул друга локтем. Откуда у нищей старухи такое оружие?!

Зана не пустила их в хижину, и им оставалось только предполагать, что там, внутри. Прежде она посмотрела на Арни и тут же сказала:

— Хочешь знать, где я взяла винтовку?

Потом повернулась к Кларенсу.

— А ты думаешь, как бы отнять ее у старухи? Что вам надо, ребята?

— Мы вовсе не собирались… — начал Арни, но Кларенс перебил:

— Мы желаем узнать, что нас ждет.

Индианка покачала головой.

— Мне кажется, вы знаете это и без меня — с тех пор, как устроились работать на ранчо. Вам предстоит пасти скот, следить за тем, чтобы он не пал и не забрел на чужое пастбище.

— Нам известны наши обязанности. Просто теперь мы не уверены в том, что это все, что нам нужно.

Арни с неудовольствием отметил, что Кларенс говорит и за него, и за себя, но по обыкновению промолчал.

Ему почудилось, будто в улыбке индианки промелькнуло что-то зловещее, а ее лицо стало похожим на большой ком коричневато-серой земли. Арни захотелось немедленно уйти. Он был уверен, что услышит нечто очень плохое, и его предчувствия оправдались.

— Я ждала вас, — сказала Зана. — Вы оба получите то, о чем видите сны. Но ваш путь будет трудным и долгим. Вы заплатите предательством и убийством.

Арни отшатнулся от нее, как от прокаженной, но Кларенс не сдвинулся с места.

— Ты так считаешь? Мне кажется, ни один из нас не способен на это!

— Я еще не встречала человека, который знал бы себя до конца, — сухо промолвила индианка.

Арни ни за что в жизни не стал бы благодарить старуху за такое предсказание, но Кларенс спросил:

— Мы можем что-то сделать для тебя?

— Да, — ответила Зана, — продать шкуры и купить нужные мне вещи. Часть вырученных денег вы сможете оставить себе.

Не дожидаясь ответа, она вошла в хижину и вернулась, сгибаясь под ворохом меха.

Это были отлично выделанные, гибкие, мягкие, как тончайший бархат, шкуры с безупречной поверхностью и золотисто-коричневой от умелого окуривания изнанкой. Судя по всему, индианка умела мастерски подстрелить и кролика, и оленя, и койота.

Как ни был расстроен Арни словами старухи, у него заблестели глаза. Даже если десятая часть от цены этих прекрасных шкур достанется им, это решит многие проблемы. Но Кларенс, казалось, не спешил соглашаться.

— Ты поможешь нам, если понадобится?

Он думал о тех тайных лесных дорогах, на ко-

торых их с Эвиан не могло бы настичь ни одно живое существо и какие наверняка были известны индианке.

Зана пожала плечами.

— Я, старуха, — вам, двум сильным молодым людям? Конечно, помогу. Хотя чаще всего человек помогает себе сам. Он способен сделать почти все, если таково его желание.

Приятели молча погрузили шкуры на лошадей и поехали назад через лес. Когда вдали показалась «Синяя гора», Арни сказал:

— Я никогда не предам тебя, Кларенс. Я лучше отрежу себе руку. И я не могу представить, как можно убить человека. Мне все это не нравится. Как бы дотянуть до весны…

— Может случиться так, что весной меня здесь уже не будет, — заметил Кларенс.

Арни похолодел. Друг хочет оставить его одного? Разве это не предательство?! Наверное, он задумал уговорить Эвиан бежать вместе с ним!

Между тем Кларенс принялся рассказывать о винтовке, подаренной Зане Джозефом Иверсом. С трудом дослушав приятеля, Арни в сердцах произнес:

— Откуда эта старуха может знать, от чего и когда умрет тот или иной человек? Она что, Господь

Бог?! Ты не ребенок, чтобы верить в такие вещи!

— Вижу, кое в чем мы никогда не поймем ДРУГ друга!

Они долго молчали, потом Арни сказал:

— Для того чтобы отвезти эти шкуры в город, нужна повозка.

— Я уверен, что Иверс еще поедет в Шайенн, — отозвался Кларенс. — Когда — ты можешь узнать у его дочери. Отправляйся с ним: думаю, он не откажет. Я все равно должен тебе день.

— Разве ты не против моих встреч с мисс Надин? — выдержав паузу, спросил Арни.

Кларенс пожал плечами.

— Это твое дело. К тому же благодаря твоему знакомству с ней мы хотя бы немного знаем о том, что там происходит.

— Я не собираюсь использовать мисс Надин в каких-то целях, — заметил Арни.

— Она же дочь Иверса! — произнес Кларенс с таким видом, будто этим было все сказано, причем раз и навсегда.

Вздохнув, Арни ничего не ответил. Приятель, как всегда, решал за двоих.

Глава седьмая

Надин по обыкновению встала рано. Ее туалет был очень простым, и она быстро привела себя в порядок. У нее, как и у ее матери, никогда не было служанки, она все делала сама.

Традиционный уклад сельской жизни не допускал сколько-нибудь откровенных нарядов, потому темно-синяя блузка, которую украшала лишь тонкая полоска черного кружева на высоком вороте, была застегнута на все пуговицы. Девушка подпоясала юбку из плотной саржи кожаным ремнем и надела на ноги шнурованные сапожки.

Надин не приходило в голову завить волосы, да она и не умела этого делать, к тому же не представляла себе, что может быть практичнее тугого узла на затылке. Но гладко причесанные темно-русые пряди были блестящими и густыми, а обрамленное ими лицо — по девичьи свежим и нежным.

До завтрака оставалось время, и Надин принялась разбирать цветы, которые засушила с лета. Из одних она составила букет для своей комнаты,

а другие, те, что покрасивее, отложила в сторону. Она собиралась занести их на могилу матери.

Когда вошел отец, Надин нехотя повернулась, зная, что с утра у него обычно бывает скверное настроение.

— Доброе утро, — тихо сказала она, хотя оно вовсе не было добрым.

— Зачем ты принесла сюда это? — раздраженно произнес Джозеф, кивая на цветы.

— Я собираюсь на кладбище.

— С некоторых пор ты зачастила туда.

«Потому что это единственное место, где я не чувствую себя одинокой», — хотелось ответить Надин.

— Я навещаю маму.

Джозеф усмехнулся.

— Ей это ни к чему.

— Это нужно мне.

— У живых с мертвыми нет ничего общего, — сказал Иверс, а поскольку дочь промолчала, добавил: — Будучи в Шайенне, я виделся с Фостером. Все остается в силе. Свадьба состоится весной. Почему ты не отвечаешь? Ты не рада?

— Почему именно этот человек? — вырвалось у Надин.

В усмешке и взгляде отца появилась та самая

уничижительная ирония, которую она ненавидела.

— Ты хочешь знать? Хорошо, я скажу. С некоторых пор самыми крупными землевладельцами в нашей стране стали железнодорожные компании. Федеральное правительство начало раздавать им общественные земли еще до Гражданской войны[3] — для постройки трансконтинентальных дорог. Разумеется, они получали участки не только для прокладки путей, много акров оставалось по обе стороны рельсов. Сейчас они продают эту землю по цене от пяти до двадцати долларов за акр. Мистер Фостер занимает в «Юнион Пэсифик» далеко не последнее место.

— То есть этот брак нужен лишь для того, чтобы вы выгодно получили землю?

— Причем хорошую землю. Много земли! Мне известны люди, которые управляют сотнями тысяч акров. Иной раз им принадлежат территории, равные некоторым европейским государствам или нашим штатам. Возможно, «король скота» — не самый лучший титул, и все-таки он себя оправдывает. «Райская страна» — большое ранчо, но это все равно глушь.

---

[3] Примечания: 3

Гражданская война 1861–1865 годов между аболиционистскими штатами Севера и рабовладельческими штатами Юга.

— А как же я? — растерянно произнесла Надин.

— Я уже говорил, что ты переедешь в Шайенн, у тебя будут красивые наряды, ты сможешь посещать балы. Тебе больше никогда не придется доить коров.

— А если я хочу доить коров?

Джозеф Иверс презрительно фыркнул.

— Об этом не мечтает ни одна нормальная женщина.

В этот день у Надин все валилось из рук. Сегодня она особенно остро ощущала тоску по матери и без конца задавала себе вопрос: сумела бы мать, будь она жива, защитить ее от отцовского выбора? Скорее всего — нет.

С трудом дождавшись часа свидания и поскорее завершив все дела, Надин поспешила на кладбище. Накидка развевалась за ее спиной, лицо раскраснелось, замерзшие руки сжимали букетик сухих цветов.

Тонкий снежный покров на открытых пространствах был похож на кружево, а слой инея на деревьях напоминал тюлевые занавески. Надин думала о том, что она так же скоро расстанется с беззаботной юностью, как окружающий мир простился с зеленью. А следующая весна не при-

несет ей счастья.

И все-таки в настоящем случались мгновения радости, например, когда она виделась с Арни, который, сам того не ведая, помог ей почувствовать далекое близким и сделать невидимое явным.

Теперь Надин знала, чего она хочет, но, к сожалению, ее желания не могли осуществиться. Сам факт, что они с Арни встречались на кладбище, говорил сам за себя. На свете есть истории, которые просто не могут закончиться хорошо.

Положив цветы на заснеженный холмик, Надин подошла к ограде и принялась ждать. Появление Арни всегда было сродни чуду. С одной стороны, ей всякий раз не верилось, что он придет, с другой — она не допускала и мысли о том, что ей придется идти обратно, не повидавшись с ним.

Он шел со стороны леса, и Надин словно ловила взглядом каждый его шаг. В каком-то смысле Арни Янсон принадлежал только ей. Что-то подсказывало Надин, что у него нет и не было другой девушки и что не только случайно данное обещание заставляет его приходить сюда.

Он не пропустил ни единого условленного дня, даже если на улице стояла непогода. Сама Надин не всегда могла ускользнуть со двора, и Арни

обязательно сообщал, что ждал ее в прошлый раз. При этом в его голосе никогда не звучал упрек, а лишь сожаление и бесконечное понимание.

В нем было что-то до слез родное, простое, понятное и вместе с тем — необычное. Он казался Надин красивее всех парней, каких она когда-либо видела. Ей нравилось смотреть, как двигаются его глаза, губы, меняется выражение лица, как ветер треплет его волосы. Он был ее единственной отдушиной в этом запутанном и жестоком мире.

— Как прошла поездка? — спросила она после приветствия.

Надин знала, что Арни ездил в Шайенн с ее отцом и его ковбоями, чтобы продать шкуры, полученные от индианки. Девушка удивилась знакомству юноши с Заной и попыталась его расспросить, но Арни был немногословен. Казалось, он не знает, что сказать, или ему неприятно об этом говорить.

— Хорошо, — сказал он и, вынув из-за пазухи какой-то сверток, протянул его Надин. — Это вам.

Она развернула бумагу с предвкушением сюрприза и невольной опаской, и ее глаза загорелись.

— Какая прелесть!

— Вам нравится?

— Очень!

Арни улыбнулся. Он приметил эту вещицу, когда стоял у грубо сколоченного прилавка одной из лавок Шайенна. Ему удалось выгодно сбыть шкуры, хотя на это потребовалось немало времени и терпения. Поскольку они принадлежали не ему, он не собирался уступать ни цента.

Хитрый хозяин долго перебирал наваленные на прилавок шкуры с притворно скучающим видом, а после как бы между прочим спросил:

— Наличными или товаром?

— И тем и другим.

Потом они спорили до хрипоты. Едва лавочник пытался занизить цену, как Арни принимался собирать шкуры в мешок. Когда эта игра надоела обоим, они сумели договориться.

Арни прикинул, сколько денег может достаться им с Кларенсом. Примерно по пять долларов. Недурно! У него промелькнула мысль о проститутке, хотя он понятия не имел, сколько стоят такие услуги. Должно быть, не меньше доллара. Не то чтобы ему так уж хотелось покупать женщину, просто в этом случае он хотя бы в чем-то сравняется с Кларенсом.

В конце концов, многие люди приезжают в город с тайным намерением пуститься во все

тяжкие, сделать то, чего они не имели возможности, да и не осмелились бы совершить дома.

А потом Арни вспомнил о Надин, и, как по мановению волшебной палочки, его взгляд упал на маленькую музыкальную шкатулку. Это была не просто безделица, а ящичек для хранения иголок и ниток. Если открыть деревянную крышку, раздавалась короткая красивая мелодия.

Арни еще ни разу не дарил подарка ни одной девушке. Возможно, эта вещь окажется хрупкой или ненужной, но дело было не в этом. Таким образом он показал бы Надин свое отношение к ней, и у нее осталось бы что-то, к чему прикасались его руки.

— Сколько? — спросил он.

— Доллар, — без колебаний ответил торговец, умевший угадывать тайные желания покупателей.

— Беру.

На этот раз Арни не стал торговаться и теперь с удовольствием смотрел, как Надин вертит шкатулку в руках. Когда зазвучала музыка, она издала восторженный возглас и посмотрела на Арни так, будто он преподнес ей сундук с сокровищами.

— У меня никогда не было такой красивой вещи!

— Я очень рад. А ваш отец не догадается, что это чей-то подарок?

— Он не заходит в мою комнату.

Внезапно Арни захотелось притянуть Надин к себе и поцеловать. А почему нет? Они нравятся друг другу, и между ними куда меньше препятствий, чем между Кларенсом и Эвиан.

Взяв Надин за руки, Арни почувствовал, как в ее запястьях пульсирует кровь. А потом их губы сомкнулись с неожиданной жадностью.

Надин охватили непривычные ощущения. По телу пробежала огненная дрожь, колени ослабли, и где-то в глубине ее существа затаилась сладостная боль. Она испытывала то, что обычно испытывает женщина, желая отдаться мужчине, и, несмотря на смятение, сполна осознавала это.

Кто-то словно выпустил на волю их чувства, дал понять, что они могут испытать, слившись в любовном объятии.

Все сомнения были отринуты. Они хотели друг друга. Они остро ощущали власть плоти и боль души. В эти мгновения жажда любви была сильнее гнета условностей и страха смерти. Теперь Арни мог сказать, что, пожалуй, понимает Кларенса.

— Надин, я… — с трудом сумел произнести он, оторвавшись от ее губ, — я немедленно сделал бы

вам предложение, если б…

Она сникла.

— Все решено. Отец сказал, что свадьба с мистером Фостером состоится весной, вероятно, после клеймения скота, и мне придется переехать в Шайенн. А я не хочу этого! Я знаю, что мне не понравится жить в городе, я желаю остаться на ранчо.

— Вы не хотите выходить за этого мужчину?

Надин покачала головой. В ее взгляде ясно читалось, чего она хочет.

— Боже, что делать! — простонал Арни. — Если б у меня хоть что-нибудь было!

Он ощущал полнейшее бессилие и не мог с этим смириться, а она думала о тысячах акров земли, за которые должна заплатить своим счастьем.

— Боюсь, у нас нет выхода. Даже если я скажу, что мне не нравится жених, отец ни за что не изменит свое решение. Ему наплевать на мои желания и чувства.

— Если только… уехать, — не слишком решительно произнес Арни.

— Сбежать? Отец найдет нас и убьет. И потом… разве ваша мать приняла бы девушку без приданого?

— Наверное, да. Не думаю, что она надеется

заполучить богатую невестку.

— Значит, у бедных все проще?

— Едва ли. Со мной вас бы ждала очень тяжелая жизнь.

— Вы не знаете, как тяжко здесь, — сказала Надин и заметила: — Хотя… быть может, если б я не встретила вас, я и была бы рада уехать отсюда. От отца и от нее.

Надин впервые заговорила о своей юной мачехе, и Арни ухватился за это.

— Вы не ладите с мисс Эвиан?

— Она меня ненавидит, хотя я не сделала ей ничего плохого. Она заняла место моей матери, которое ей не принадлежит.

— Но ведь это произошло не по ее воле.

— Здесь ничего не делается по доброй воле, — с горечью произнесла Надин и заметила: — Мне пора. Я и так достаточно сильно рискую. Да и вы тоже.

— Я готов рисковать, чтобы видеться с вами, — сказал Арни, грея ее пальцы в своих ладонях. — В конце концов, у нас еще есть время. До весны многое может измениться.

Прощаясь, они еще раз поцеловались. Арни крепко обнимал Надин, и ей чудилось, будто она тает в его руках.

Когда она пошла к дому, он смотрел ей вслед, а девушка вдруг обернулась и в отчаянии воскликнула:

— Знайте, я люблю вас! Да, да, люблю! И буду любить, что бы ни случилось.

Арни показалось, будто что-то обрушилось на него с неба, но не ударило, а переполнило до краев. Наверное, девушка не должна говорить такое мужчине, говорить первой. Но Надин сделала это, и он был покорен ее смелостью.

Кларенс считал, что раз она — дочь Иверса, значит, ей суждено оставаться по другую сторону невидимого барьера, но Арни думал иначе. А сегодня все окончательно рухнуло и смешалось.

— Я тоже люблю вас, мисс Надин! Я буду ждать вас, как условлено!

Вбежав в дом, девушка остановилась и прижала руки к пылающим щекам. Надин понимала, что ей необходимо успокоиться, пока никто ничего не заметил.

Итак, она целовалась с мужчиной и призналась ему в любви. А еще Арни дал понять, что женился бы на ней, не будь их союзу столько препятствий.

В тот вечер Надин раз за разом поднимала крышку шкатулки, наслаждаясь волшебной

мелодией. Когда-нибудь шкатулка сломается. Но любовь никогда не умрет.

Арни не стал рассказывать приятелю ни о том, что сделал Надин подарок, ни о том, что целовался с ней, ни о том, что они признались друг другу в любви. Ему казалось, что Кларенс посмеется над ним и скажет: «Ты просто не знал ничего другого». И как обычно добавит, что Иверсы — их враги.

Если Арни и вел себя не совсем обычно, то Кларенс этого не заметил: его мысли были полны предстоящими встречами с Эвиан.

Кларенс не внушал ей страха, больше того — с тех пор, как он вошел, вернее, ворвался в ее жизнь, в душе Эвиан нарастала уверенность в пусть не скором, но реальном избавлении.

Они вошли в лес и остановились под пихтами. Хотя был день, здесь, в гуще деревьев, свет казался тусклым и слабым. Порой откуда-то сверху сыпался снег, сухой и мелкий, как просеянная мука. Из таинственной глубины долетали странные звуки — то ли стон, то ли вой, а иногда становилось так тихо, что можно было без труда посчитать удары собственного сердца.

— Мне кажется, можно прожить здесь сто лет, гораздо дольше, чем Зана, но так и не понять

этот край.

— Я не желаю ничего знать об этой земле. Мне здесь не нравится, — в голосе Эвиан звучала тоска человека, заключенного в тюрьму.

— Вы хотите уехать отсюда? — Кларенс сделал ударение на втором слове.

— Я желаю вырваться на свободу.

Кларенс затаил дыхание. Это был тот самый судьбоносный миг, который он не мог упустить.

— А если нам уйти вместе?

— Сейчас?

— Старая индианка, — проговорил Кларенс, вдохновленный тем, что Эвиан не сказала «нет», — наверняка знает тропы, по которым можно пробраться даже зимой. Пока что снега немного, и мы могли бы успеть… Я мало что умею и у меня ничего нет, но мне невыносима мысль, что вы находитесь в лапах Иверса!

Взор Кларенса пылал. Его «богатство» заключалось в безрассудной страсти, а бесстрашие — в непоколебимой уверенности в своей правоте.

— Я готова на все, лишь бы очутиться подальше от «Райской страны»! — призналась девушка.

— Так вы согласны?

— А если он догонит и убьет?

— Разве вы боитесь смерти?

Ее глаза были темны, как ночь, а губы крепко сжаты. Кларенс заметил, как Эвиан вонзила ногти в ладони.

— Нет, не боюсь. Меня страшит не смерть, а разочарование. Вас Иверс пристрелит, а меня вернет обратно. Я этого не переживу.

— Я не уверен, что он сможет меня пристрелить. Я буду защищаться. Я не отдам вас ему.

Кларенс напряженно ждал ответа, должного определить его судьбу. Наконец девушка промолвила:

— Почему вы хотите мне помочь?

И тут у него вырвалось:

— Я люблю вас! Но вам не стоит меня опасаться! Клянусь, я ничего от вас не потребую, даже не попрошу!

Неожиданное признание не вызвало у нее ни испуга, ни смущения, ни трепета. Эвиан лишь подумала о том, что Иверс лишил ее того, что свойственно каждой девушке: любовных грез.

— Но я его жена.

— Вы считаете узы этого брака священными?

— Нет. И никогда не считала.

— Тогда что вам мешает?

Казалось, каждая клеточка его тела замерла в ожидании ее ответа, а она вдруг сказала:

— Хорошо, я согласна.

Кларенс облизнул пересохшие губы.

— Тогда я начну готовиться.

— А как же ваш напарник? — вспомнила Эвиан.

— Он или уйдет с нами, или останется здесь. Я не знаю, что он решит, но в любом случае Арни — очень хороший друг. Он всегда меня понимал, поймет и на этот раз.

Кларенс взял руки Эвиан в свои. Она слегка напряглась, но не стала противиться. Его ладони были мозолистыми и теплыми. От него пахло сеном, дымом и еще чем-то, неуловимым, но волнующим. И Эвиан вновь с горечью подумала, что своими грязными прикосновениями Иверс лишил ее способности чувствовать привлекательность мужской силы, а, возможно, — даже способности любить.

За ужином Эвиан размышляла о предстоящем побеге и потому была рассеянна. Надин, казалось, тоже витала где-то в облаках. И только Джозеф Иверс был внимателен и трезв.

— Мне кажется, Энни разучилась готовить, — сказал он, кладя кусок мясного пирога обратно на блюдо. — Может, нам стоит поменять кухарку?

— Пирог пекла я, — сказала Надин, и Эвиан

уловила в ее тоне испуг.

Джозеф криво усмехнулся.

— Думаешь о свадьбе? Да, после тебе не придется готовить, но до весны еще далеко.

На самом деле девушка не досмотрела пирог, потому что думала не о стряпне, а об Арни.

— Я могу идти? — осторожно спросила Надин.

— А кто уберет со стола?

«Пусть твоя жена убирает!» — хотелось выкрикнуть ей, но, разумеется, она этого не сделала.

— Я уберу. Позднее, когда вы закончите ужинать.

— Сиди! — приказал Иверс. И, налив себе виски, промолвил: — Я сказал, что до весны далеко, но я знаю, что бальные платья шьются долго. Советую уже сейчас подумать о фасоне. Хватит сидеть в горах; весной я намерен появиться и обосноваться в обществе. Куплю дом в городе. Мы сможем там жить несколько месяцев в году. А на ранчо, если понадобится, найму управляющего.

Поскольку ни одна из девушек никак не среагировала на его слова, Джозеф взорвался:

— Я имею дело с двумя куклами, которым ничего не надо! Даже шлюхи из дешевого борделя живее и сообразительнее вас!

— Я могу идти? — повторила Надин, и на сей

раз в ее тихом голосе звучала настойчивость.

Иверс махнул рукой в ее сторону.

— Убирайся! А ты иди в спальню, — приказал он Эвиан.

Встав из-за стола, она с тоской посмотрела вслед уходящей Надин. У той было хотя бы временное убежище — своя комната, где никто не побеспокоит ее до утра.

Эвиан обреченно проследовала в спальню, которую была вынуждена делить с ненавистным мужем. В последнее время ей все чаще начинало казаться, что он тоже ее ненавидит, ибо она не принесла ему ничего, кроме разочарования.

Иногда Иверс изображал видимость нежности и тогда обычно велел Эвиан снять с себя всю одежду. Но если бывал зол, то просто задирал подол ее ночной сорочки. Тогда все происходило грубее, но и быстрее.

Вынув шпильки из волос, она посмотрела на стоявшую на комоде кружку. В отваре, приготовленном из данных индианкой трав, таилось ее спасение. Эвиан была готова выпить любую отраву, лишь бы не рожать наследников для «Райской страны», лишь бы ее дети не унаследовали кровь этого жестокого человека.

Но сегодня ей не повезло. Заметив направление

ее взгляда, Джозеф схватил кружку и швырнул ее об пол. Темная, остро пахнувшая жидкость растеклась под ногами, но это было еще не все. Взяв мешочек с травами, Иверс сунул его в печь.

— Хватит пить эту дрянь! Индианка выжила из ума. Больше ты к ней не пойдешь.

Эвиан похолодела. В первые месяцы замужества Божья воля уберегла ее от беременности, но сейчас это вполне могло случиться.

После того, как резко навалившись на ее, муж получил свое, молодая женщина долго лежала, не шевелясь, и думала. Она поняла, что убежит с Кларенсом. Убежит, даже если это будет стоить ей жизни.

Глава восьмая

— Ты не можешь так поступить со мной! — воскликнул Арни после того, как Кларенс рассказал ему о своих намерениях.

— Я предлагаю тебе отправиться с нами.

— И стать третьим лишним? А кто останется здесь? Мы нанялись к Уиллису до весны, мы потратили оставленные им деньги на еду и одежду, а теперь исчезнем? Это нечестно. Что тебе стоит подождать до конца зимы?

— Я не хочу ждать! — упрямо заявил Кларенс.

Зане в самом деле была известна не одна тайная тропа. До больших снегопадов оставалось мало времени, и она советовала спешить. Дело затрудняло то, что названия, которые знала неграмотная индианка, чаще всего отличались от тех, что были напечатаны на карте штата. Так, Кларенс не сразу понял, что тропа должна вывести их с Эвиан к Денверу[4].

— А что будет с животными? Ты способен их бросить?

Кларенс отмахнулся.

---

[4] Примечания: 4
Столица штата Колорадо.

— Иверс наверняка пришлет сюда своих людей.

— А если нет? Я не могу нарушить слово, данное Уиллису.

— То есть ты хочешь остаться?

— Я должен остаться. У меня нет другого выхода.

Хотя напряженный взгляд Кларенса был устремлен в стену, Арни был готов поклясться, что приятель мысленно видит нечто, находящееся далеко за горами.

— Если ты когда-нибудь влюбишься, ты тоже пожертвуешь всем ради любимой.

— Только не дружбой!

Кларенс сделал вид, что не обратил внимания на эти слова, и через некоторое время Арни спросил:

— Вы поедете верхом?

— Нет. Зана дает нам снегоступы — по тропе можно пройти только на них. Еще она обещала одежду из оленьей кожи и вяленое мясо. Так что с ранчо я не возьму ничего. Кроме револьвера.

Арни оторопел.

— Это оружие Уиллиса! Оно стоит денег!

Кларенс пожал плечами.

— Тех самых денег, которые он обещал запла-

тить мне весной.

— Но работать буду только я. К тому же я плохо представляю, как справлюсь один, ведь у меня не будет ни минуты передышки. И я не уверен в том, что мне не понадобится оружие.

— Зачем? Стрелять в койотов? А вот мне, возможно, придется защищаться от Иверса. Я оставлю тебе взамен свое седло. Пусть оно старое, за него все же можно выручить пару десятков долларов.

Арни понял, что все решено. Кларенс дарил ему самое дорогое, что у него было, вероятно, желая тем самым как поблагодарить, так и попросить прощения.

Посмотрев на свои руки, Арни заметил, что они дрожат. Никогда, даже в самом страшном сне, он не мог представить, что все закончится вот так. Ему казалось, что в его сердце образовалась дыра, а в душе дует холодный ветер.

— А как Эвиан узнает, когда уходить?

— Ты поедешь в «Райскую страну» якобы по какому-то делу и передашь ей. Мы так условились.

Арни ударил себя в грудь.

— Я?! А после вашего бегства Иверс явится сюда и снимет с меня шкуру!

Кларенс смерил приятеля взглядом.

— Ты его боишься?

— Я уже говорил, что у него слишком много людей и оружия. В этом случае не испугается только глупец.

— Тогда скажи ему, что ничего не знаешь.

— Он не поверит. Если только ты в самом деле не сообщишь, куда вы идете.

— Нет, — возразил Кларенс, — я подробно опишу тебе наш путь. Мне бы очень хотелось, чтобы когда-нибудь ты присоединился к нам.

Когда приятель закончил рассказ, Арни спросил:

— Ты уверен, что вы останетесь в Денвере?

— Я ни в чем не уверен.

— А в том, что Эвиан тебя любит?

Кларенс скрипнул зубами. Это была болезненная тема.

— Я надеюсь, что когда-нибудь полюбит.

Через два дня к Зане приехал Джозеф Иверс. Спрыгнув с коня, он с ходу спросил:

— Эвиан у тебя?

— Я ее не видела.

— То есть как? Куда она подевалась?

— Не знаю. Однако могу сказать, что тебе удастся ее отыскать.

— Что ж, тогда именно этим я и займусь.

— Раз уж ты явился сюда, нам надо поговорить, — сказала Зана и погасила трубку. Это означало, что разговор будет серьезным.

— О чем?

— Ты собрался покинуть этот край, Джо?

— С чего ты взяла? Я просто решил прикупить немного земли в другом месте.

— Если тебе нужна еще земля, купи соседнее ранчо.

— В свое время. Тебе что за дело до всего этого?

— А что ты собрался сделать со своей дочерью? — спросила Зана, не обратив внимания на его вопрос.

— То же, что и все отцы — выдам замуж. Она переедет в Шайенн.

— Зря. Лучшей хозяйки этих мест тебе не найти. Ее корни тут.

Джозеф Иверс расхохотался.

— У белой девушки не бывает корней — она следует за своим мужем!

— Я тебе все сказала, — веско произнесла индианка и, повернувшись, скрылась в хижине.

— Ты спятила! — крикнул он, садясь в седло. — Ты уже получила свой лес, тебе этого мало?

Ответа не последовало. Лишь деревья шумели, подобно океанским волнам, да с гор, как это было

от века, струился холодный и чистый воздух.

Арни стоял на пороге дома и смотрел на ослепительно-белый снег, словно надеясь, что его чистота поможет ему избавиться от душевного отчаяния, горечи и боли.

Он послушно съездил в «Райскую страну», где наплел что-то о письме, которое хотел бы отправить матери. В голосе отвечавшего ему Иверса был оттенок подозрительности. А еще Арни мельком видел Надин и уловил, что девушка встревожена, как если бы она предчувствовала что-то плохое. Одна Эвиан смотрела так, будто ее ничего не касалось. Однако на следующий день она исчезла.

Арни понимал, что ему надо продолжать жить. Без радости, возможно, против воли, а главное — без дружеской поддержки. Горе и гнев внутри его существа были похожи на стальную пружину.

Утром он привычно встал, оделся, взнуздал лошадь, подтянул подпруги. Позавтракал только потому, что знал: иначе не выдержать. Сунул в седельную сумку несколько ломтиков бекона и вчерашних, уже зачерствевших лепешек для себя и для собак — отныне его единственных напарников и помощников. Арни понимал, что вечером его встретит темный дом, холодный очаг, пустая

чугунная сковородка с белой пленкой застывшего жира и мертвая тишина.

Зана оказалась права: очень скоро пошел снег, и дневной свет сразу сделался каким-то сумеречным. Арни знал, что он запорошит следы, но надеялся, что покров не будет таким плотным, чтобы овцы не смогли отыскать под ним корм. Сейчас он должен был думать не о Кларенсе и Эвиан, а о том, как выжить самому и не потерять животных.

Возвращаясь обратно почти в темноте, Арни увидел, что в окнах дома горит свет. Его сердце подпрыгнуло. Кларенс вернулся?! Или это… Иверс? Он в волнении пустил коня по свежему, вихрящемуся от ветра снегу. У Арни мелькнула мысль придержать овчарок, чтобы в случае чего они первыми не попали под пули.

На кухне хозяйничала старая индианка. Она испекла горку лепешек из кукурузной муки на растопленном сале, выложила на блюдо толстые куски оленьей грудинки и сварила целый кофейник крепкого кофе.

Зана не обратила никакого внимания на собак, а те, к удивлению Арни, не залаяли, а испуганно попятились, поджав хвосты.

Арни присел на табурет. Вероятно, в его лице

отразилось разочарование, потому что Зана промолвила:

— Ты думал, это он? Он не вернется. Зато придет Иверс. У меня он уже побывал. Он пока не догадался про твоего приятеля, но догадается.

— И что он тебе сказал?

— Хотел знать, где его жена.

— И что ты ему ответила?

— Я сказала: «Ай, ай, белый человек, моя не знай, чего ты хотеть».

Арни через силу улыбнулся.

— Ты хорошо говоришь по-английски. Откуда?

— Я не всегда жила в лесной хижине и несколько лет провела среди белых. Я знала, насколько тебе тяжело в первый день, потому и пришла. Вообще-то я не должна покидать лес.

— Почему не должна?

— Моя сила убывает. И я, даже могу потерять жизнь.

Хотя Арни решил, что это полный бред, как и все, что она говорила прежде, он был признателен индианке. Благодаря ее присутствию зубья невидимого капкана, сжимавшего его душу, немного ослабли.

Накормив поскуливающих от нетерпения собак, Арни взял лепешку, кусок мяса и, медленно

жуя, заметил, имея в виду Кларенса:

— Я никогда бы не смог так поступить.

— У вас разные пути.

— О своем я ничего не знаю. Я не уверен, буду ли жив завтра, не говоря о том, увижу ли когда-нибудь свою мать.

— Что за мысли, Арни? — удивилась Зана. — Разумеется, ты увидишь мать. Ты вообще получишь свое гораздо быстрее, чем твой друг. Его путь такой же сложный, как и он сам. Он порывистый, словно ветер, и горячий, как угли в печи. Ты куда спокойнее, Арни, и твоя судьба намного ровнее.

— Ты говоришь так, будто он воин, а я — простой пастух.

— Сегодня — да, но завтра все может быть наоборот. Ложись спать и постарайся хорошо отдохнуть. Я знаю, о чем ты думаешь, но тебе не стоит бояться Джо.

Надин проснулась с явственным ощущением, что сегодня что-то случится, что-то, касающееся именно ее. Все остальное произошло уже вчера. Эвиан убежала, и отец рвал и метал. Он искал ее в лесу, но снег занес все следы. От индианки тоже не было проку. Отец проклинал ее весь вечер. Он не верил в то, что Зана не знает, куда подевалась Эвиан.

Сегодня у Надин было чувство, словно резкий холодный ветер сдувает с ее души нежные розовые лепестки. Она вдруг поняла, что ей понадобятся недюжинные силы, чтобы противостоять надвигающейся угрозе, чтобы сохранить то хрупкое и волшебное, что недавно вошло в ее жизнь.

Отец поднялся очень рано, еще до рассвета, и Надин слышала, как он велит седлать коней. Она быстро оделась и вышла из своей комнаты.

— Чего тебе? — хмуро спросил он, видя, что она стоит, будто ожидая чего-то.

— Куда вы едете? — голос Надин срывался от волнения. При этом ее голова была совершенно холодной, и только сердце горело, словно в огне.

— А тебе что за дело? Надо проведать двух ковбоев на ранчо Уиллиса. Сдается, тут не обошлось без одного из них. А может, они удрали оба, прихватив мою жену!

Надин совершенно точно знала, что Арни остался, как знала, что сойдет с ума от тревоги за него. Но она не могла выдать себя. Пока не могла.

В щели между бревнами пробирался северный ветер, по стеклам постукивал снег. Надо было затопить печку, но Арни не знал, суждено ли ему вернуться в этот дом.

Закрыв собак, он вышел на улицу. Звезды на черном небе серебрились, как иней, и в лесу было совсем темно. Где сейчас Кларенс? И чем придется заплатить ему, Арни Янсону, за безумство друга?

Вскоре он увидел всадников, а потом в лицо ударил дух разгоряченных лошадиных тел. Однако Арни мог поклясться, что чует запах человеческой ярости.

— Не стреляйте! — крикнул он. — У меня нет оружия! Собаки в доме.

Всадники окружили Арни. Соскочив с коня, Иверс раздраженно бросил поводья.

— Ждешь нас?

— Просто я услышал, что кто-то едет, и вышел из дома.

— Где твой приятель?

— Остался ночевать на пастбище. Вчера выпал снег, и мы не смогли пригнать обратно всех овец. — Арни не сумел придумать другого ответа.

— А может, он смотался, прихватив чужую овечку? Не валяй дурака. Мне надо знать, в какую сторону они пошли.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Прекрасно понимаешь. До тебя пока не доходит кое-что другое. Так просто ты от меня не

отделаешься. Если не хочешь отвечать, тебе придется отправиться с нами. Поговорим в другом месте.

Арни обвел взглядом лица людей Иверса. Их было много, и у всех имелось оружие. Юноша не понимал, где у него были глаза, когда он думал, что это обыкновенные ковбои. У простых пастухов не бывает ни таких непроницаемо жестких лиц, ни скрытой, но постоянной готовности вскинуть винтовку.

— Хорошо, я пойду с вами. Только как быть с животными? Кто-то должен присмотреть за ними.

Иверс криво усмехнулся.

— Ты беспокоишься о скотине Уиллиса? Ладно, я пришлю сюда своих парней. А теперь бери коня и не вздумай выкинуть какой-нибудь фокус!

Прежде чем сесть в седло, Арни заботливо обмотал ноги лошади тряпками, чтобы она не поранилась о снежную корку: это не укрылось от внимания Иверса.

Арни ехал молча, конвоируемый всадниками. Они тоже не произносили ни звука — в воздухе раздавалось лишь размеренное дыхание лошадей, топот копыт, лязг амуниции и позвякивание сбруи. А потом тишину внезапно прорезал да-

лекий протяжный плач койота, и Арни разом охватило дурное предчувствие. Едва ли ему суждено вернуться обратно!

Когда они подъехали к «Райской стране», почти рассвело. Ранчо было как ранчо, Арни уже бывал здесь, но только теперь видел все окружающее другими глазами.

Когда Джозеф Иверс привел его в кузницу, Арни не удивился. Он предполагал что-то подобное. Здесь было тепло, даже жарко, но то был зловещий жар, жар ада.

— Ты понимаешь, во что ты ввязался и куда ты попал? — спросил Иверс.

«В «Райскую страну», — подумал Арни, — где ковбои с легкостью превращаются в бандитов, а кузница — в камеру пыток».

— Я слышал о том, кем вы были, — сказал он. — Только мне казалось, вы это бросили.

— Не думай, что такие вещи доставляют мне удовольствие. Если ты скажешь, куда они пошли, я тотчас тебя отпущу.

Арни пожал плечами.

— Но ведь я могу солгать. А после сбежать отсюда.

— Нет! — усмехнулся Иверс. — Ты или скажешь правду, или не скажешь ничего. И ты не уедешь с

ранчо. Ты не такой человек. Уж я-то знаю людей!

— Тогда вы должны понимать, что я ни в чем не признаюсь.

— Посмотрим. Ты еще не видел раскаленного железа, парень!

— Мне кажется, совесть может жечь сильнее.

— Совесть? Кстати, а почему ты остался, а не пошел с ними? Не взяли в компанию?

— Потому что я дал слово мистеру Уиллису и отвечаю за его ранчо.

Надин не находила себе места. Увидев в окно Арни, въехавшего во двор в сопровождении вооруженных людей ее отца, она с трудом сдержалась, чтобы не выскочить наружу. Джозеф Иверс говорил, что держит отдельный отряд для патрулирования границ ранчо, и прежде Надин не придавала этому значения. Но теперь она вдруг разглядела то же самое, что увидел и Арни.

Случалось, в «Райской стране» пропадали люди. Непокорные, вороватые, а чаще — просто чем-то сильно не угодившие хозяину. Ковбой — как ветер: кто станет его искать!

Когда Джозеф Иверс вошел в дом, дочь без колебаний вышла ему навстречу.

За минувшие годы в душе Надин накопился нестерпимый груз подавляемых страхов, неудо-

влетворенных желаний, сдерживаемой ненависти. Когда-то все это должно было прорваться, как огромный нарыв. Просто не было подходящего случая. Но теперь этот случай настал.

Ярость охватила Надин с такой силой, что она не ощущала никаких барьеров, ни малейшего испуга. В ней проснулась решимость, о которой она даже не подозревала.

— Я все знаю. Что ты сделал с Арни? Он ни в чем не виноват!

Иверс был так раздосадован, что даже не обратил внимания на неожиданно резкий тон дочери и ее непривычный вид: туго сжатые губы, высоко поднятую голову и пристально смотрящие ненавидящие глаза.

— Он покрывает своего дружка, который сбежал с моей женой!

— Ты можешь забить Арни до смерти, он ни за что не откроет правды! Дружба для него святое. А если ты его убьешь, я спрыгну со скалы или найду другой способ уйти вслед за ним. Тебе не удастся меня удержать!

Джозеф замер. Они смотрели друг на друга, как два противника, причем он ясно ощущал ее гнев, тяжелый, как молот, пронзительный, как звон металла.

— С чего бы это?

— Потому что я его люблю.

Иверс был потрясен.

— Любишь?! Да ты видела его от силы два раза!

— Нет, гораздо больше. Все это время мы встречались на кладбище.

Иверс рассвирепел. Это было немыслимо! На мгновение он даже забыл про Эвиан.

— И чем вы там занимались?!

— Мы не делали ничего запретного, однако я поняла, что не смогу стать женой ни Фостера, ни кого-то еще. Ты меня не заставишь! Я выйду замуж только за Арни Янсона.

В эти минуты Джозеф впервые почувствовал, что Надин — тоже Иверс, пусть она и принадлежала к презренному женскому полу. В безоружной девчонке таилась сила, похожая на стальной щит. Джозеф понимал: чем бы он ни пригрозил Надин, она не испугается.

Он усмехнулся, жестко и вместе с тем — уязвлено.

— Больше ты ничего не хочешь?

— Для начала немедленно отпусти его. Ты уже нарушил все законы и кодексы штата. Не делай еще хуже.

— Ты говоришь, как шериф. Я готов на все, чтобы вернуть Эвиан.

Она была Иверс еще и потому, что после вспышки гнева мгновенно овладела собой и хладнокровно предложила ему сделку.

— Я могу уговорить Арни признаться, где их искать. Если ты согласишься, чтобы мы поженились.

— Сначала уговори, а потом я подумаю.

— Я тебе не верю.

Джозеф поднял руки вперед ладонями.

— Даю слово.

Надин смотрела на него, словно не узнавая. Он не мог так быстро сдаться. Во всем этом, без сомнения, скрывался какой-то подвох. Она не была бы его дочерью, если б не пожелала получить гарантии.

— Я тебе не верю, — твердо повторила она. — Ты готов отказаться от земли? Что ты скажешь Фостеру?

Иверс криво улыбнулся.

— Что моя дочь без памяти влюбилась в ковбоя, и мое отцовское сердце дрогнуло. Что касается земли: тысяча акров туда, тысяча акров сюда — не имеет значения. Больше богатства — больше хлопот, как его сохранить. А если тебе нужны

гарантии, изволь: предоставлю. Пусть этот парень переночует в твоей комнате и лишит тебя девственности. После этого ты сможешь выйти замуж только за него.

Надин залилась краской, а Иверс захохотал, и ей почудилось, будто она слышит смех самого дьявола.

В следующий миг он так сильно схватил ее за запястье, что Надин показалось, что он переломает ей кости.

— Ты всего лишь женщина, вот и делай свое женское дело: ступай в сарай, куда я велел его бросить, и сделай так, чтобы он забыл о своем приятеле и мечтал заполучить только то, что у тебя под юбкой!

Когда он отпустил ее, Надин помчалась в сарай. Едва девушка увидела пятна крови на одежде Арни, ее боевой дух испарился, силы истощились, а ненависть выдохлась. Ее любимый был в опасности, и она смертельно боялась за него.

— Что он с тобой сделал?!

— Не бойся, не покалечил. Просто пытался запугать. Мне кажется, он сразу понял, что я ничего не скажу. — Он посмотрел в глаза девушки. — Как ты здесь оказалась?!

Она понимала, что у них мало времени, а пото-

му сразу перешла к главному.

— Каким-то образом мне удалось его уговорить. Он позволит нам пожениться.

Арни вздрогнул. В присутствии Надин он всегда забывал о том, что она — дочь Иверса.

— Это неправда. Разве такое возможно?

— Да. Только ты должен сказать, куда твой друг повел Эвиан.

— Я не могу этого сделать, — твердо произнес Арни.

— Он убьет тебя, а тело отвезет в лес и бросит в снег, где его съедят дикие звери. А мне или придется выйти замуж за Фостера, или коротать век старой девой. В любом случае это будет не жизнь, потому что я всегда буду думать о том, что так и не случилось, — сказала Надин и неожиданно взмолилась: — Прошу, не бросай меня, Арни! Ведь ты хочешь на мне жениться?!

У него перехватило дыхание.

— Конечно, хочу! Но… не такой ценой!

От отчаяния голос Надин вновь обрел твердость.

— Затея твоего друга — это просто блажь. Эвиан — жена моего отца.

— Он мучил ее!

— Откуда ты знаешь? Ты говорил с ней? Он

мучил меня! Еще в детстве я испытала, что есть его зло, его воля, его запреты. Я не смогу и дальше терпеть все это, а тем более — в одиночестве! Мне придется умереть! — выпалила девушка и, переведя дыхание, добавила, уже спокойнее: — Жизнь прекраснее смерти, тем более — наша будущая жизнь. Я не желаю смотреть на эту землю с небес, тоскуя о неразделенной любви и о нерожденных детях. Я хочу стать твоей женой. Мы можем уехать отсюда. Я готова отправиться вместе с тобой на ранчо «Синяя гора», а потом — куда скажешь. Мне не надо никого и ничего, кроме тебя.

Надин умолкла, думая о годах, проведенных в терпеливом и смиренном ожидании неизвестно чего. Того, что сейчас может обернуться прахом. Арни тоже молчал. Он слишком хорошо понимал Надин, сочувствовал ей и любил ее. И в нем все еще бушевала обида на Кларенса.

— Что я должен делать?

— Пойти и поговорить с ним. Он ждет, — встрепенувшись, промолвила девушка и, нежно прикоснувшись губами к его губам, добавила: — Твой друг и Эвиан наверняка успели уйти достаточно далеко. Ему все равно их не догнать!

Когда юноша, слегка пошатываясь, шел через

двор, Надин цеплялась за него так, будто он был ее единственным спасением, и одновременно поддерживала его.

К чести Арни, он не думал ни о многих акрах земли, ни о тысячах голов скота, ни о банковском счете Иверса. Его интересовала только его дочь.

Джозеф Иверс сразу это почувствовал.

— Садись, Арни Янсон. Отныне ты не пленник, а гость. Надеюсь, ты простишь меня за то, что я заставил тебя… немного понервничать? Ты крепкий парень и, полагаю, переживешь это… недоразумение.

Арни молчал, и Джозеф Иверс без всякого смущения продолжил:

— Ты мне нравишься. С тех пор, как ты спас мою дочь, когда другие преследовали оленя, и после того, как ты попросил позаботиться о скотине, хотя в тот миг должен был думать только о себе. Кстати, сколько тебе лет?

— Двадцать.

— У тебя куча времени для того, чтобы успеть сделаться превосходным ранчеро. Надин сказала, что ты хочешь взять ее в жены? Так вот: я даю свое согласие. Не удивляйся. Если даже мне суждено иметь наследников, пройдут годы, пока они смогут чем-то распоряжаться. «Райской

стране» нужен надежный, умный и честный управляющий. К тому же ты видный парень — моей дочери не откажешь во вкусе! — и от тебя пойдут хорошие дети. В этом смысле ты — куда более выгодное вложение капитала, чем этот задохлик Фостер.

В ближайшие минуты Арни успел подумать о многом. О том, что смертельный выстрел неуловим, а самые важные мгновения в жизни непредсказуемы до могильной жути.

Задавая вопрос, он словно чувствовал металлический щелчок взведенного курка.

— Что от меня требуется взамен?

— Сказать, куда отправился твой приятель с моей законной женой. Пойми, я все равно их найду. Найму людей, привлеку полицию. А потом собственноручно застрелю этого сопляка.

— Тогда зачем вам моя помощь?

— Чтобы меньше ждать. Чтобы твой приятель не успел сделать ей ребенка. Ты полагаешь, я могу спокойно пережить, что девчонка, которой я был готов дать все, предпочла малознакомого нищего юнца? А еще я не хочу, чтобы в Шайенне болтали о том, что от меня сбежала жена!

«Ты же Железный Джо», — подумал Арни, а вслух сказал:

— Вероятно, она желала обрести свободу.

— У кого из нас в этом мире есть свобода? — в голосе Иверса слышалась усталость. — Родственники были готовы избавиться от Эвиан любым способом. Не женись я на ней, она бы угодила в бордель. А теперь сумасшедший парень повел ее куда-то зимой, через лес, где она может насмерть замерзнуть или угодить в пасть диких зверей! — сделав паузу, он жестко произнес: — Итак, выбирай, Арни Янсон. Ты знаешь, что моя дочь не бесприданница. К тому же Надин — мой единственный ребенок. Я не могу отдать ее тебе, не получив ничего взамен. Я желаю заручиться твоей преданностью. Это, согласись, справедливо.

— То есть я должен променять жизнь друга на приданое вашей дочери?

— Не перегибай палку. На твоем лице написано, что тебя не купишь и что ты не трус. Я ценю таких людей. Я клянусь отпустить мальчишку на все четыре стороны. Ну, может, дам ему пару пинков! Я сам был молод и совершил немало безрассудных поступков.

— Я не уверен в том, что вы меня не обманете.

— Напрасно. В случае с женитьбой я готов предоставить тебе гарантии прямо сейчас.

Арни непонимающе уставился на него, и Иверс рассмеялся.

— Надин тебе не сказала? Понимаю, женская стыдливость. Признайся, ты уже потерял невинность в одном из борделей Шайенна?

Арни отвел глаза. Иверс усмехнулся.

— Значит, нет. Тогда это произойдет сегодня, в спальне моей дочери. Потом мы найдем священника или судью. Все будет очень просто, но, полагаю, ты не станешь возражать. Комната Надин вон там. Моя дочь тебя ждет. Надеюсь, ты ее не разочаруешь.

Глава девятая

Солнце освещало безжизненные голубые просторы, и хотя кругом стояла тишина, казалось, пространство наполнено звоном. Прежде суровые темные горы на горизонте внушали Эвиан страх; ей чудилось, будто они — стражи царства демонов и края оборотней, но теперь она верила в то, что за ними скрывается другой, свободный мир, в который она, в конце концов, попадет.

Индианка щедро снабдила Кларенса сведениями о небесных светилах и различных приметах. Зана полагала, что благодаря капельке крови сиу молодой человек сумеет воспользоваться ими, и считала, что способна передать ему часть своей силы. Индианка говорила, что в мире существует великое множество различных сил, но человек может получить лишь малую толику, а подарить — и того меньше.

Кларенс внимательно выслушал Зану и постарался запомнить все, что она сказала. Эвиан не понимала, как можно ориентироваться по звездам, сплетавшимся на небе в бесконечные созвездия, по солнцу, медленно катившемуся к

иззубренному краю земли на западе, или даже по древесной коре, но она всецело полагалась на своего спутника.

Кларенс не спешил. Он знал, как легко сбиться с пути в лесу, перейти грань между трезвой рассудительностью и лихорадочной паникой и начать судорожно метаться, спотыкаясь о кучи бурелома.

Как правило, они шли до тех пор, пока ночь окончательно не меняла очертания окружающей действительности. Тогда Кларенс принимался рубить ветки, разжигал костер, готовил ложе, доставал из заплечного мешка данные Заной шкуры. Они с Эвиан спали рядом, но — не касаясь друг друга.

Молодой человек сам жарил на костре мясо, подавая ей лучшие куски, варил кофе, в меру крепкий, такой, какой любят женщины, нес почти всю поклажу.

Кларенс никогда не думал, что станет относиться к женщине с благоговением, нежностью и почти священной заботой. С тех пор, как еще в прошлом веке его, неизвестно откуда пришедший в Вайоминг, белый прадед взял в жены индианку-сиу, вся жизнь семьи Хейвудов была посвящена тому, чтобы заработать на кусок хлеба.

Отец Кларенса уделял сыновьям ровно столько внимания, сколько нужно было, чтобы научить их самому необходимому в жизни: ориентироваться в лесу, пасти скот, ездить верхом, обращаться с оружием. Кларенс ни разу не видел проявлений любви между родителями; скорее, это были деловые, партнерские отношения. В его присутствии вообще никто никогда не говорил о чувствах. А теперь только эти чувства и заставляли его сердце биться, а ноги — идти вперед.

Конечно, Эвиан приходилось труднее, чем ему. Хотя, как и предсказывала Зана, установилась ровная погода, идти все равно было тяжело. Порой снегоступы глубоко проваливались в снег, так что их приходилось вытаскивать и чистить, палки с трудом выдерживали вес тел, и тогда со стороны могло показаться, что они двигаются вперед на ощупь, как слепые.

Однажды, когда Кларенс в очередной раз подавал Эвиан руку, он заметил, что ее зубы крепко стиснуты, а в лице нет ни кровинки. Ее ладонь была горячей и влажной, а колени дрожали. Однако девушка ни разу не пожаловалась на то, что ей тяжело.

К счастью, она не знала, что в лесу смерть караулит человека повсюду, что там гораздо больше

опасности, чем в городе, среди людей. Здесь на него может напасть дикий зверь, придавить дерево, поглотить полынья. Или, решив присесть всего на минуту, он незаметно уснет вечным сном.

Иногда путники встречали что-то неожиданное или необычное. Когда они шли по ровной местности, где росли только вечнозеленые кустарники, навстречу выбежало целое стадо оленей. Великолепные сильные животные бросились врассыпную, и только один на мгновение остановился и посмотрел на Кларенса.

Тот счел это очень хорошим знаком, потому что Зана говорила, что олень дарит везение в любви. Это был один из главных духов-покровителей сиу.

Порой Кларенс и Эвиан были прямо-таки подавлены обрушившимися на них величием и красотой природы: мрачными утесами, могучими порогами, гигантскими облаками над головой.

Однажды они увидели огромное замерзшее озеро, голубое и неподвижное, как зеркало, и Кларенс очень обрадовался. Он сказал, что, судя по всему, они движутся в правильном направлении.

Они берегли силы и потому говорили мало, к тому же Кларенс боялся, что не сумеет заинтересовать Эвиан: ведь он никогда не жил в большом городе, почти ничего не видел и мало о чем мог рассказать. Он боялся загадывать, насколько ее решение сбежать было продиктовано безысходностью, а насколько — симпатией к нему.

Эвиан не спрашивала своего спутника, что они будут делать в Денвере. Кларенс и сам этого не знал. У него имелись пять долларов, кольт и неистощимая уверенность в правильности своих действий.

Лежащий у самого края Великих равнин, там, где они упираются в подножия Скалистых гор, город Денвер был основан в 1858 году как поселение золотоискателей. Являясь столицей соседнего штата, он в какой-то мере находился в другом государстве. Его дома на фоне серо-бело-голубой декорации таких близких и нереально огромных скал казались совсем крошечными.

Здесь было еще больше рабочего люда, чем в Шайенне. Кое-кого еще можно было увидеть в серых или синих шинелях времен Гражданской войны, но большинство щеголяло в традиционной ковбойской одежде и сапогах с высоким устойчивым каблуком и острым носом, легко про-

скальзывающим в стремя. При этом ковбои вовсе не были лихими парнями, чаще происходили из среды забитых, обездоленных и неграмотных людей и редко умели мастерски обращаться с оружием.

Хотя спустившиеся с гор Кларенс в старом полушубке и Эвиан в шерстяной, перекрещивающейся на груди шали напоминали бродяг, никто не обратил на них внимания. Они прошли через центральную площадь, запруженную повозками и скотом, миновали несколько улиц, каждая из которых была темнее и грязнее предыдущей, и остановились перед дешевой двухэтажной гостиницей.

Кларенс знал, что Эвиан нуждалась в отдыхе. Он и сам смертельно устал.

Медленно войдя в комнату, девушка остановилась, глубоко вздохнула и развязала шаль. Потом дотронулась до волос, и они темным потоком хлынули на плечи. Даже такая, с покрасневшим от холода лицом, заострившимися от усталости чертами, кругами под глазами и обветренными губами, она была красива, и Кларенс любовался ею.

— Мы дошли, — сказала Эвиан, — мне не верится. Нас не тронул ни один дикий зверь.

— Зана заговорила нас от этого. Она уверяла, что хищники не почуют наш запах.

— А она не сказала, что Иверс не сможет нас догнать?

— К сожалению, нет. Но ведь он не знает, где мы. Зана ни за что нас не выдаст, и Арни тоже.

— Почему ваш друг не пошел с нами?

«Потому что он чувствовал, что стал бы лишним», — подумал Кларенс, а вслух ответил:

— Он не мог оставить работу, на которую мы нанялись вместе.

— Что мы будет делать дальше?

— Пока отдохнем, а там подумаем. Я попытаюсь найти какое-нибудь занятие, чтобы заработать денег.

Кларенс знал, что это будет сложно. Он умел управляться со скотом и вполне мог бы наняться перегонщиком овец или быков, но тогда ему пришлось бы оставить Эвиан одну. По той же причине отпадала охота. А еще его волновал вопрос, будут ли они жить под одной крышей. А если Эвиан захочет уйти? Впрочем, к кому и куда?

— Здесь наверняка есть швейная мастерская, и я могу попытаться туда устроиться. Я хорошо шью.

— Сперва придите в себя.

Эвиан слабо улыбнулась.

— Я бы хотела принять ванну.

Кларенс встрепенулся.

— Я сейчас попрошу!

Он знал, что пара полотенец, железная лохань и охапка дров обойдутся в доллар, но ему самому не помешала бы ванна, чистая одежда и услуги цирюльника. Эвиан обмолвилась, что взяла пару платьев на смену и кое-какие туалетные принадлежности, но у него не было ничего. Между тем им надо было поесть и заплатить за комнату.

Воду приготовили быстро; глядя на клубящийся пар, Кларенс сказал:

— Пожалуй, я помоюсь после вас. А пока схожу за новой одеждой. Думаю, это займет не меньше получаса, так что, надеюсь, вам хватит времени. Откроете на три стука, если будете готовы.

Эвиан смутилась.

— А вода не покажется вам слишком грязной?

«Эта ванна будет подобна священной купели», — подумал Кларенс.

Когда он ушел, она заперла дверь за щеколду, занавесила окна и только потом принялась раздеваться.

Юбка черной лужицей легла к ее ногам, блузка вяло повисла на подлокотнике обшарпанного

деревянного кресла. Эвиан с отвращением сняла отделанное гофрированными оборками и кокетливыми кружевами белье, подаренное мужем. Будь у нее что-то другое, она бы никогда его не надела.

Погружение в воду принесло облегчение телу и отчасти — душе. Эвиан смогла расслабиться и хотя бы о чем-то забыть. Она закрыла глаза, но в это время шаткий пол и стекла задрожали от проезжавшей мимо повозки, и она вздрогнула от ставшего привычным тревожного чувства. А потом принялась думать: не о муже, а о Кларенсе.

Эвиан хорошо помнила, как бежала на встречу с ним, прихватив лишь маленький узелок с одеждой и щеткой для волос, бежала по заснеженному пастбищу, осознавая, что это ее последний шанс вырваться на свободу. Помнила выражение лица и глаз поджидавшего ее Кларенса: оно было таким, какое иным женщинам суждено воссоздать лишь в бесплодных мечтах или узреть в мимолетных снах.

Ей давно рассказали о женской доле. В этих рассказах было все, кроме слов «любовь» и «счастье». О них говорила только ее мать, но та потеряла и то и другое так быстро и рано, что могла вспоминать о любви и счастье лишь с трагической

печалью.

Эвиан так сильно задумалась, что вздрогнула от стука. Одевшись и застегнув платье, она открыла дверь.

— Вы закончили?

— Да. Давайте я спущусь и поговорю с хозяйкой, есть ли здесь швейная мастерская и где она находится.

— Хорошо. Только осторожнее. Я недолго.

Вода еще не остыла, и он с наслаждением погрузился в нее. Кларенсу не верилось, что всего несколько минут назад в этой ванне сидела она. Ее дивные руки касались краев лохани, ее волосы намокали в этой воде. Он видел, будто наяву, ее обнаженную грудь, все ее желанное, но недоступное тело. В этой воде были капельки ее пота, частички кожи, нити волос, она вобрала в себя те неуловимые тайные силы, каким он не знал названия.

То был один из самых сильных эротических моментов в жизни Кларенса: ни до, ни после он не испытывал ничего подобного. Он словно облачился в чужую плоть, плоть женщины, которую желал больше всего на свете. Он бы не смог объяснить это словами, но его чувства были накалены до предела.

Потом Эвиан вернулась в комнату, а Кларенс сходил в соседний салун за едой. Он с любопытством и тревогой посмотрелся в зеркало, висевшее на стене напротив барной стойки. Он никогда не задумывался о том, может ли быть привлекательным в глазах женщины, и не знал, что для этого нужно.

Кларенс принес жареную курицу. Она стоила дороже другого мяса, но после того, как они несколько дней питались одним беконом, его спутнице наверняка хотелось чего-то другого. Эвиан расчесала и заколола волосы. Кларенсу тоже было приятно предстать перед ней причесанным и умытым.

После еды они заговорили о будущем.

— Думаю, пока нам стоит держаться вместе? — Сейчас это было главным, что занимало Кларенса. — Вы не возражаете, если мы представимся мужем и женой? Просто… чтобы не привлекать внимания.

Эвиан задумалась, прикусив губу, потом кивнула.

— Только надо назваться чужими именами. Я могу стать Фионой — так звали мою мать.

Глаза Кларенса потеплели, а на губах появилась улыбка.

— Тогда я — Дункан: это имя моего отца. А фамилия?

— Как вам Лаусон? Они были нашими соседями.

— Сойдет. Только нужно запомнить.

— Хозяйка сказала, что мастерская есть и, возможно, там нужны девушки. Завтра я все узнаю.

— Я не уверен, стоит ли вам выходить…

— Но я не в тюрьме! — в сердцах бросила Эвиан и добавила, чуть мягче: — Да, мне страшно, но я… я должна привыкать.

Кларенс кивнул: эти слова невольно вызвали в нем уважение.

Он прикидывал, что может сделать Иверс. Обратиться к шерифу в ближайшем городе, то есть в Шайенне. Подать объявления в газеты, нанять детективов, а возможно, и бандитов. Но он не знает, где они, и в ближайшее время едва ли появится здесь.

Несмотря на усталость, Кларенс плохо спал ночью, потому что в двух шагах, на кровати (сам он устроился на полу) лежала Эвиан. Молодой человек грезил о ней, одновременно охраняя ее покой. Ни он, ни она не раздевались и не разговаривали перед сном, лишь пожелали друг другу доброй ночи.

А утром оба отправились на поиски работы.

Денвер был обычным мирным городком, и Эвиан могла не бояться, что ее украдут или станут приставать прямо на улице, да еще средь бела дня, и все же Кларенс тревожился за нее. Но он не имел на нее никаких прав, а потому ограничился осторожными и вежливыми предостережениями.

Эвиан было странно, что она может идти по дороге, никого не боясь; казалось, она забыла о том, что всего два года назад вот так же спокойно и свободно разносила по домам материнские заказы.

Следуя указаниям хозяйки гостиницы, она быстро нашла нужный адрес. Войдя в магазин при мастерской, Эвиан тут же увидела, что здесь много красивых, хорошо сделанных вещей — отделанное ирландскими кружевами, ажурной строчкой и французской вышивкой белье, украшенные бархатными полосами атласные корсажи, очаровательные полотняные чепцы, скромные ситцевые и дорогие шелковые платья.

Хозяйка, женщина средних лет с умным и проницательным взглядом, выслушав ее, сказала:

— Вы действительно умеете шить?

Эвиан кивнула.

— Тогда приносите свои изделия, я попытаюсь продать их через наш магазин.

— Я… пока у меня нет материалов и принадлежностей для шитья, потому что я только что приехала в город.

— Как ваше имя?

— Фиона Лаусон, — голос девушки дрогнул. — Миссис Лаусон.

— Покажите ваши руки.

Протянув хозяйке ладони, Эвиан вдруг поняла, что ее руки — это не руки швеи, ведь в последние годы она не брала в руки иглу, и сообразила, что отныне (и, возможно, до конца жизни) ей придется изворачиваться и лгать.

— Я шила, правда шила, но… — взволнованно начала она и умолкла, не зная, что сказать.

К счастью, собеседница Эвиан оказалась внимательным человеком: ей было достаточно беглого взгляда, чтобы понять, что в жизни молодой особы произошла какая-то трагедия и что перед ней честная женщина. Задав Эвиан несколько вопросов, хозяйка уверилась, что та разбирается и в тканях, и в фасонах платьев, а также умеет снимать мерки.

В конце концов она сказала:

— Хорошо, я возьму вас на пробу. Сначала

помощницей швеи, на небольшое жалованье. Посмотрю, как вы работаете, и если справитесь, оставлю.

— Я буду очень рада!

— Тогда приходите завтра.

Вернувшись в гостиницу раньше Кларенса, Эвиан сделала то, чего не делала уже давно: вынула небольшое зеркало и принялась разглядывать себя. Она решила, что надо постараться вычеркнуть из памяти события безрадостной замужней жизни. Ей хотелось взглянуть на себя новыми глазами.

Ее лицо слегка осунулось, щеки потеряли живой румянец девической поры, губы были не такими алыми, а главное — ее глаза разучились улыбаться. Вспомнив странные слова Заны: «Когда-нибудь ты снова сможешь плакать, и именно тогда твоя судьба сделает поворот», Эвиан задумчиво отложила зеркало.

Вернулся Кларенс. Заметив его тщательно скрываемую досаду, девушка спросила:

— Ты что-нибудь нашел? — ей вдруг показалось глупым, что они до сих пор обращаются друг к другу на «вы».

— Да, — ответил он, сохраняя все тот же странный вид.

Эвиан решила прийти на помощь:

— Не слишком большая плата? У меня тоже: мне пообещали место в швейной мастерской. Впрочем, я и не рассчитывала на большее.

— Дело не в этом… — он умолк, явно не зная, как объяснить, что его не устраивает, а потом неожиданно произнес: — Все хорошо. Главное, у меня есть работа. Быть может, потом подвернется что-то другое.

Кларенс в самом деле не знал, как объяснить, что причиной его недовольства стала обыкновенная… лопата. Он был еще мал, когда отец взял его за руку, подвел к сараю и, взяв лопату, сказал:

— Ты должен знать, что это такое, и иногда даже работать этим, но только не вздумай зарабатывать на жизнь лопатой! Тот, кто сидит на лошади, всегда выше того, кто роется в земле! Лопата быстро лишит тебя и мозгов, и свободы.

Кларенс обошел почти весь город, но не нашел ничего достойного. Ему не было места среди банковских служащих, цирюльников, барменов, почтовых работников, торговцев, приказчиков и врачей, ибо он никогда не занимался ничем подобным. В одном из салунов, куда он зашел, чтобы купить тарелку бобов на обед, ему сказали:

— С работой в городе плохо, парень! Если не

обидишься, можем подсказать, где требуются ребята, чтобы копать канавы.

Вот так ему и пришлось взять в руки ненавистную лопату. Кларенс думал о том, что у них с Эвиан не хватит никаких средств, чтобы жить в пусть даже дешевой гостинице и питаться едой из салуна. Следовало поискать комнатку в какой-нибудь семье, где им позволили бы готовить.

Прошло несколько дней, потом неделя, вторая. Кларенс так и не признался своей спутнице насчет лопаты и делал вид, что его вполне устраивает работа, которую зачастую выполняли мексиканцы или китайцы.

Они с Эвиан нашли и сняли комнатку на тихой улочке у неулыбчивой, зато нелюбопытной вдовы. По ночам Кларенс с благоговением и тоской прислушивался к спокойному дыханию Эвиан, которой в постели нужен был только сон.

Молодая женщина безо всяких колебаний взяла на себя готовку, уборку и прочее. Только свои вещи Кларенс старался стирать сам.

Эвиан пришлось вести жизнь спутницы простого рабочего человека, но она никогда не жаловалась. Мужественно-скорбное существо, державшееся на плаву только мучительным напряжением воли, сменила женщина, способ-

ная распоряжаться своей судьбой. Ее не пугали физические или материальные трудности. Все, что ей было нужно, — это освобождение от опостылевшего брака.

В швейной мастерской Эвиан определили месячный испытательный срок, и она очень старалась. Для начала ей поручили самое простое: делать наметку и выдергивать нитки из готового шитья, а также гладить изделия. Девушка целыми днями не разгибала спину, но, казалось, совсем не уставала. Было видно, что ей очень хочется получить это место.

Несмотря на увлеченность работой, в ней сохранялась какая-то болезненная нервность. Когда кто-то входил в мастерскую, она быстро оглядывалась и вздрагивала при каждом громком звуке.

Однажды, когда, закончив работу, Эвиан вышла из мастерской, она вдруг заметила на противоположной стороне улицы человека, который стоял и смотрел на нее. Тень от надвинутой на лоб шляпы мешала рассмотреть его лицо. Однако что-то в его фигуре и позе заставило молодую женщину насторожиться. Рост, телосложение — все совпадало. Это был Джозеф Иверс!

Эвиан прижала ладонь ко рту, словно желая

подавить отчаянный возглас, и в ее глазах вспыхнул ужас. Она сломя голову бросилась бежать по улице, не разбирая ни луж, ни грязи.

Ее лоб был покрыт испариной, лицо побледнело, а к горлу подступала тошнота. Все ее мысли перепутались, и в душе не было ничего, кроме страха. Эвиан казалось, что она вот-вот потеряет сознание.

Она не помнила, как добралась до дома, она ни разу не посмела оглянуться, чтобы посмотреть, преследуют ли ее. Она знала только одно: ее жизнь кончена.

Возвращавшийся с другой стороны Кларенс видел, как Эвиан стремглав пронеслась по переулку и исчезла в дверях. Он, не раздумывая, бросился следом.

Эвиан выглядела обезумевшей, непохожей на себя.

— Что произошло?!

— Там, там… Иверс!

Схватив оружие, Кларенс выскочил на пустую улицу. Немного подождал. Никого.

Вернувшись, он увидел, что Эвиан стоит в углу, сжимая в руке кухонный нож, а ее взор пылает отчаянием и ненавистью. Ее зубы были сжаты, волосы разметались по плечам. Дикий страх

уступил место желанию защищаться до последнего вздоха.

— Его нет, там никого нет, тебе просто привиделось. А если он когда-нибудь появится, клянусь, я его пристрелю. Он никогда не сможет вернуть тебя обратно.

Опустившись на кровать, Эвиан громко, безудержно разрыдалась. Это были ее первые слезы за безумно долгое время.

Когда Кларенс прижал ее к себе и, гладя по волосам, зашептал такие бестолковые, сумасшедшие, искренние, трогательные слова, она поняла, что он и есть ее единственный спаситель, тот, кого она ждала и дождалась. Другого не было, нет и не будет. Когда он принялся осторожно целовать ее заплаканное лицо, она ощутила его любовь всей своей кожей и решила, что не станет его мучить.

Его поцелуи были любящими, а руки — добрыми. Она без опаски могла позволить ему гладить и укачивать себя.

Эвиан провела рукой по его щеке, что оказалось совсем нетрудно. То был миг истинной нежности. Позволила его губам слиться с ее губами — это ей даже понравилось. Кларенс не осмеливался ее раздеть — она сама расстегнула пуговицы на платье и старалась не вздрагивать, ощущая его

руки на своем теле. Покорно изогнулась под ним, впуская в себя. Человек, который бросил все и рисковал собой, чтобы избавить ее от того ужаса, в котором она жила, заслуживал и не такого.

Иверс давно лишил ее стыда и вместе с тем словно запер ее тело в клетку, но сейчас Эвиан чувствовала, что под коркой привычного отвращения скрывается что-то иное. Под руками Кларенса она ощущала себя нетронутой, новой, во многом незнакомой для самой себя.

— Это не все, что мне нужно, нет, не все! — страстно прошептал он. — Я хочу, чтобы отныне и навсегда у нас была общая жизнь. Чтобы ты стала моей настоящей женой.

— Со временем я смогу дать тебе гораздо больше, если… если только судьба предоставит нам это время.

— Я люблю тебя, Эвиан, а ты… любишь меня… хоть немного?

— Не знаю, Кларенс, но я готова остаться с тобой. И не только потому, что больше у меня никого нет и мне некуда идти.

Она заснула в его объятиях, и ей снилось, будто она идет ровным, широким шагом по заросшему лугу, сбивая прозрачную, словно повисшую на ветру росу, а из-за гор, как долгожданный маяк,

встает огромное солнце.

Одно на всех, оно было похоже на сердце мира, и, глядя на него, Эвиан начинала понимать слова Заны: «Ты говоришь, что судьба заперла тебя в этих горах, что тебе никогда не вырваться из их каменной крепости. Ты права: суть Скалистых гор — это камень. Человеческое сердце не такое, оно мягкое, как глина. Но оно может быть сильнее камня».

Глава десятая

Комнатка Надин Иверс была обставлена на удивление скромно: сосновая кровать, небольшой комод, лоскутный коврик под ногами. На стене висело маленькое зеркало и иллюстрированный календарь с изображениями лошадей. Комод был украшен салфеточками, а еще на нем стояла подаренная Арни шкатулка.

Переступив порог девичьей спальни, юноша был страшно смущен, но старался придать своему взгляду мужскую твердость. И вместе с тем он не знал, как сказать девушке, что он зашел только затем, чтобы навсегда с ней проститься.

Надин же будто впервые разглядела, что его ресницы и брови темнее волос, что его глаза глубоки и немного печальны, а движения напрочь лишены неуклюжести, порой свойственной тем, чьи предки были выходцами из северных стран.

Она стояла перед ним с распущенными волосами, в длинной шали поверх ночной сорочки, слегка вздрагивающими плечами, но с решимостью во взоре.

Надин сказала себе, что если он все-таки при-

дет, то она встретит его именно так, давая понять, что она готова ко всему, что он только осмелится совершить.

— Ты поговорил с… отцом? — ее голос дрогнул.

— Да.

— Что он сказал?

— Чтобы я… шел к тебе.

Надин посмотрела ему в глаза, а потом опустила веки и слегка покачнулась. Арни почудилось, что она вот-вот сломается и заплачет. Он понимал, что она чувствует. Собственно, она прямо сказала об этом. Надин не желала скорбеть о прошлом и прозябать в ожидании будущего, она хотела жить настоящим.

— И ты пришел. Ко мне.

— Да.

— А что он еще сказал?

— Чтобы мы… Но я…

— Я готова, Арни! Я нужна тебе?

Он застонал, сжав кулаки.

— Да, но… Неужели мы должны сделать это, потому что так велит он?!

Надин отступила на шаг.

— Разве ты сам не хочешь этого?

— Конечно, я хочу, но…

Он порывисто обнял ее, и она уткнулась ему

в плечо.

— Это наш единственный шанс, Арни, единственный шанс быть вместе. Неужели ты способен уйти?!

За окном мерцал призрачный зимний закат. Он опоясал горизонт, а потом медленно канул во тьму. Наступила такая долгая и такая короткая ночь.

Они лежали в постели. Сорочка, которую Надин так и не решилась скинуть, собралась складками на талии. Шаль валялась на полу поверх одежды Арни. Когда он обхватил руками мягкие бедра Надин, она почувствовала, как откуда-то из глубины ее тела поднимаются волнение и дрожь. Поражаясь собственной смелости и бесстыдству, она крепко обняла его и прижала к себе.

Наслаждение было коротким, болезненно-острым. Это был приступ страсти, такой же отчаянный, каким казалось их положение. Потом Надин охватило странное оцепенение, потому что она дошла до последней точки. Она сделала все, что могла: вопреки всему выбрала Арни, вступила из-за него в схватку с отцом и отчасти — с собственной совестью. И наконец она ему отдалась.

Сквозь занавески просачивался утренний свет,

пространство за окном постепенно заполнялось привычными звуками. Надин всегда любила рассветы больше закатов, но только не сегодня. Потому что сейчас надо было что-то решать. И это решение должна была принять не она.

Арни все понимал. Разомкнув объятия, они молча смотрели друг на друга. Арни ощущал внутри странную пустоту, а Надин чувствовала, как тают ее надежды.

Она первой нарушила молчание:

— Пора вставать. Мы больше не можем здесь оставаться.

Оба оделись. Арни продолжал молчать.

— Что ты решил? — спросила Надин.

Он сделал долгую паузу.

— Мое мнение не изменилось. Я не смогу.

— Ты не любишь меня? Не хочешь жениться на мне?

— Люблю и хочу, и ты это знаешь, но Кларенс…

— Твоему приятелю наплевать на тебя, — перебила она. — Он где-то там, далеко, с чужой женой.

— Он мой друг, — веско произнес Арни.

Девушка устало опустилась на кровать.

— Может, отец и отпустит тебя, но выместит все на мне. Прости, что говорю о себе. У меня больше

нет доказательств того, насколько мне дорог ты.

Арни стало стыдно, и он протянул ей руку.

— Идем. Не думай, я готов держать ответ перед твоим отцом.

Джозеф Иверс встретил молодых людей несвойственной ему широкой, понимающей улыбкой. К их приходу в столовой был накрыт праздничный завтрак. Арни решил не отказываться от приглашения, подумав, что таким образом сможет выиграть немного времени.

Он опустился на стул рядом с Надин, от вчерашнего мужества которой, похоже, ничего не осталось, и Джозеф сам разлил кофе из высокого медного кофейника.

Кофе в доме Иверса разительно отличался от того, какой Арни когда-либо пил. Свежие булочки тоже были хороши. Сыр, ветчина, масло, повидло — все оказалось превосходного качества.

Джозеф заговорил с Арни о каких-то обычных, повседневных делах с таким видом, будто видел молодого человека за этим столом каждое утро. А потом, после незначительных фраз, вдруг прозвучала другая:

— Надеюсь, ты получил доказательства невинности моей дочери?

Девушка мучительно покраснела, а Арни вытя-

нулся в струну.

— Я готов сделать мисс Надин предложение.

Иверс развел руками. Его губы были растянуты все в той же широкой улыбке, но в глазах притаился зловещий холод.

— При выполнении определенных условий я дам согласие прямо сейчас. Дорога в Шайенн еще открыта. Вы можете выехать завтра утром. Я напишу письмо судье, и он вас поженит.

Арни молчал. Прежде пылавшее лицо Надин покрыла смертельная бледность. Ее глаза были полны слез, готовых закапать на камчатную скатерть. Несмотря на то, что черты ее лица отчасти повторяли черты Иверса, в ней было что-то беззащитное и трогательное.

— Пусть ваша дочь выйдет, — твердо произнес Арни, и Джозеф кивнул Надин.

Она покорно встала и вышла, как выходила много раз, если он приказывал.

Девушка вернулась в свою комнату, села на кровать и бессильно сложила руки на коленях. Надин выросла в среде, где женщина никогда не была чем-то главным в жизни мужчины. Ей просто не могло повезти больше, чем другим.

Понимая, что наступает одна из самых критических и трагических минут, Надин готовилась

собрать все свои силы и встретить ее со всем возможным самообладанием, когда дверь открылась и вошел Арни.

Предчувствуя, что он скажет, она не подняла глаз.

— Надин, я пришел сообщить, что ухожу. Мне надо на ранчо Уиллиса, там остались мои вещи. — Когда она вскинула полный неверия взор, он продолжил: — Я вернусь завтра. Будь готова. Мы поедем в Шайенн и поженимся.

Он не нашел в себе сил обнять ее, потому они просто смотрели друг на друга, но при этом лицо Надин озарилось внутренним светом.

Вернувшись на ранчо Уиллиса, Арни сразу почувствовал, что он там чужой. В домике обнаружились вещи людей Иверса, уже выгнавших скот на пастбище, тогда как его собственные были сложены кучкой у входа. Арни подумал, что в первую очередь надо забрать оставленное Кларенсом седло, потертое старое седло, которому было лет тридцать и которое могло прослужить хозяевам еще столько же.

Думал он и о том, как проведет этот день. Работы не было, но он не хотел возвращаться в «Райскую страну». Завтра значит завтра. Этот день был дан ему для прощания со старой жиз-

нью и… собственной совестью.

Арни решил отправиться к Зане. Ему было необходимо ее увидеть. Не будь молодой человек так взбудоражен случившимся и терзаем угрызениями совести, этот день мог бы стать для него редким днем упоения привольем, отдыхом, красотой природы. Утро было прозрачным и тихим. Горы тонули в сизой дали. Лучи утреннего солнца еще не успели спуститься с верхушек деревьев, и снег в тени могучих лап казался темно-голубым.

Идя по знакомому пути с мешком и седлом, Арни уловил за редкими кустами какое-то движение и остановился. Пара, олень и олениха, обрывали с кустов еще сохранившиеся листочки. Самец к чему-то прислушивался, подняв ветвистые рога. Безрогая самка держалась покойно. Это длилось совсем недолго, а потом животные несколькими прыжками скрылись в лесу.

Зана как ни в чем не бывало занималась своими шкурами. Она выглядела обыкновенной старой женщиной, в которой не было ничего загадочного и уж тем более — колдовского. Арни подумал, что заглянув в ее хижину, увидит там все ту же оленью шкуру, разостланную вместо простыни на матрасе из веток, и другую, служившую скатертью.

Возможно, старуха ушла в лес, потому что у нее не было ни родных, ни близких, а быть может, древний образ жизни был ближе ее душе. Сотни лет охота была единственным средством существования индейцев, без этого им пришлось бы исчезнуть с лица земли.

Зана нисколько не удивилась появлению незваного гостя.

— Ты очень выгодно продал мои шкуры, Арни, но не взял себе лишнего. Ты деловой и честный человек.

Юноша присел на корточки.

— Ты знаешь о том, что произошло? — тихо спросил он.

— Это написано у тебя на лице.

— Ты меня осуждаешь? Я помню твои слова о предательстве.

Индианка выпустила из пальцев шкуру.

— Откуда я могу знать, что будет? Перед тобой всего лишь глупая старуха, решившая немного покрасоваться перед двумя простодушными парнями. Кто я такая, чтобы тебя судить? Приходит время, и самец начинает думать только о самке. Если б этого не было, жизнь давно бы закончилась.

Арни тяжело вздохнул.

— Я могу остаться у тебя до завтра?

Индианка кивнула. Днем они бродили по лесу, а вечером она дала ему выпить какого-то отвара, и после всех волнений и тревог он спал спокойно и крепко, как младенец.

То ли благодаря словам Заны, то ли данному ею напитку, то ли хорошему отдыху, наутро Арни возвращался на ранчо Иверса несколько успокоенный.

В конце концов, старая индианка была права в главном: он не мог позволить себе разочаровать девушку, которая так сильно его любила, что не побоялась пойти против своего отца.

Арни сразу понял, что Надин не спала всю ночь и что она много плакала. Но она встретила его в дорожной одежде; значит, все же надеялась, что он вернется.

Один из ковбоев вывел двух лошадей, на одну из которых Арни водрузил седло Кларенса.

Иверс вышел проводить дочь и будущего зятя. Он выглядел спокойным и уверенным в себе.

— Не торопитесь возвращаться. Погуляйте в Шайенне. Медовый месяц есть медовый месяц!

Арни, у которого было всего пять долларов, промолчал.

— Возьми, — добавил Иверс, протягивая ему

винчестер. — Эта штука заменит вам провожатых.

Подумав о длинной безлюдной дороге, Арни не стал отказываться.

Когда они с Надин выехали со двора, он облегченно вздохнул.

Сперва они ехали молча. Арни обозревал огромные пространства земли, никогда не знавшей прикосновения плуга, лесов, существующих здесь от века, и далеких неприступных гор.

Надин вспоминала, как мечтала о пышной церемонии венчания в церкви, белом платье и флердоранже в волосах, свадебном пире и толпе гостей. Она никогда не думала, что все будет совсем не так.

Девушка улыбнулась про себя. Арни не догадывается об этом, как не знает, насколько она будет счастлива предстать перед судьей в самой что ни на есть простой одежде, но рука об руку с тем единственным на свете человеком, которого желала видеть своим мужем.

— Как думаешь, что скажет твоя мать, узнав, что ты женился на мне? — спросила она.

Арни улыбнулся.

— Она, конечно, думала, что я женюсь на простой девушке…

— Я неизбалованная девушка. Повидло, которое понравилось тебе за завтраком, варила я. И я же делала сыр и сбивала масло.

— Я знаю, — с теплотой произнес Арни.

— Скажи, неужели я сразу приглянулась тебе? — спросила Надин. — Ведь ты и твой друг одновременно увидели и меня, и Эвиан. Да, я ее не люблю, но мне известно, что она гораздо красивее.

— Кларенс первым заявил, что ему понравилась Эвиан, потому я не счел возможным думать о ней. А потом я стал встречаться с тобой и полюбил тебя.

Девушка склонила голову набок.

— Ты всегда говоришь людям правду, Арни?

— Разве это обидная правда?

Постепенно они разговорились, и дорога прошла быстро и даже весело. Стремясь добраться до города за день, они часто пускали лошадей вскачь.

Тянувшийся вдоль реки лес имел ширину около мили, и его пересекали сотни звериных троп. С сосен и елей доносилось резкое стрекотание красных белок.

Воздух был свежим и так бодрил, что, казалось, им невозможно надышаться. Острые вершины

Скалистых гор резко выделялись на фоне голубого неба.

Арни и Надин удалось добраться до города с наступлением темноты. Окраины Шайенна выглядели замершими, сонными, улицы были изрезаны глубокими колеями от узких фургонных колес. Здесь шел не снег, а дождь, и в лужах отражался желтый свет фонарей. В центре города кипела далекая от утонченности вечерняя жизнь: из распахнутых дверей салунов и окон борделей долетали пьяные выкрики и взрывы хохота.

Девушка сказала, что знает дорогу к дому судьи. Арни усомнился, не поздно ли, но она упрямо мотнула головой. И тогда молодой человек сообразил, что Надин не может позволить себе остановиться в гостинице с человеком, который еще не стал ее законным мужем.

— Мне кажется, нам нужны кольца, — сказала девушка.

Арни словно обухом по голове ударили. Кольца! Вот уж они-то точно стоят больше пяти долларов!

— Я взяла с собой кольцо моей матери, — застенчиво добавила Надин, вынимая тонкое золотое колечко, и Арни с облегчением вздохнул.

Судья Керней жил в центре Шайенна в доме

из красного кирпича. Пройдя по посыпанной гравием дорожке, Надин без колебаний взяла в руку медный молоток и постучала.

Она представилась, и слуга провел их с Арни в дом. Должно быть, судья давно закончил свои дела, потому что смотрел на посетителей с непониманием и плохо скрываемой досадой, но Надин не смутилась.

— Мистер Керней, — смело начала она, — приносим свои извинения за столь позднее вторжение, но мы только что прибыли в Шайенн. Я Надин Иверс, и у меня записка от моего отца.

Лицо судьи разгладилось, и он вежливо произнес:

— Надеюсь, ваш отец в добром здравии, мисс Иверс? Что привело вас в мой дом?

— С отцом все в порядке. Я… мы хотим, чтобы вы нас поженили.

Несмотря на многолетний опыт, мистер Керней не сумел скрыть удивления. Надев очки, он прочитал записку.

— Да, это писал Джозеф Иверс, — в замешательстве произнес он и добавил, не стесняясь присутствия Арни: — Насколько мне известно, мисс Надин, отец хотел выдать вас за другого человека.

— Он передумал, — с нажимом произнесла она.

По тому, как Надин сжала челюсти и сдвинула брови, Арни лишний раз увидел, что она может быть очень упрямой и в критической ситуации способна настоять на своем.

— Хорошо, мисс Иверс и…

— Мистер Янсон, — подсказала девушка.

— А свидетели?

— К сожалению, у нас их нет.

Судья вздохнул.

— Сейчас я принесу книгу.

Спустя несколько минут Надин и Арни обменялись клятвами верности и расписались в книге. Свидетелями пришлось взять людей, служивших в доме судьи.

— Мы вам что-то должны, мистер Керней? — спросила Надин, но тот только махнул рукой и суховато пожелал им счастья.

Поблагодарив, молодые люди вышли на улицу. Стало холоднее. С черных небес подмигивали звезды. Арни молча отвязал от ограды лошадей.

— Ты не рад? — спросила девушка.

— Конечно, рад, — ответил Арни, с тревогой думая о платной конюшне, гостинице, ужине и пяти долларах в кармане.

— Я очень устала, — призналась Надин.

— Нам надо поискать недорогую гостиницу. А еще пристроить лошадей. И не мешало бы поесть.

— Мы с отцом всегда останавливались в «Метрополе». Рядом есть платная конюшня. И мы могли бы заказать ужин в номер.

Арни уставился на нее, как на сумасшедшую. Ужин в номер?! Она понимает, о чем говорит?

— Не думаю, что мы сможем позволить себе…

— Отец дал нам денег. Хватит на все.

Арни охватили смешанные чувства. Иверс был умен, потому дал деньги не ему, а дочери. Надин тоже была неглупа, потому и сказала об этом после заключения брака.

Видя его реакцию, девушка добавила:

— Мне кажется, мы имеем право воспользоваться ими. Отец сказал, что это свадебный подарок.

— Ну, если так… — пробормотал Арни, понимая, что у них все равно нет другого выхода.

Сдав лошадей в платную конюшню, они дотащились до «Метрополя». Надин в самом деле смертельно устала. Подол юбки испачкался и отяжелел от влаги, сапожки увязали в грязи. Холодный ветер пробирал до дрожи. Ей очень

хотелось выпить горячего чая, а возможно, и чего-то покрепче.

Хотя огромные бесформенные мягкие диваны и кресла и кадки с чахлыми цветами в вестибюле «Метрополя» выглядели довольно уродливо, они показались Арни воплощением роскоши. Покосившись на Надин, он нацарапал в книге записей посетителей «мистер и миссис Янсон», расплатился из своих пяти долларов и получил ключ от номера.

Мальчик принес заказанный чай, рюмку виски и еду.

Видя, что Надин не перестает дрожать, Арни плеснул в ее чашку немного виски, и девушка ответила благодарным взглядом. Они молча ели и пили, понемногу освобождаясь от усталости. Когда закончили, Арни почувствовал, что больше не хочет спать.

Надин с самого начала угадывала его желания, и он знал, что так будет всегда.

Развязав тесемки панталон, она стянула их под длинной сорочкой и скромно положила на стул. Арни очень хотелось, чтобы Надин разделась полностью, но он не знал, как попросить ее об этом. У него самого не было возможности оставить на себе хотя бы что-то. Как и все ковбои, зимой он

носил под рубахой и штанами лонджонс, шерстяное белье, представлявшее собой комбинезон нелепого красного цвета, застегивавшийся спереди на пуговицы и надевавшийся на голое тело.

Когда он, не без смущения раздевшись, сделал нерешительный жест, призывавший Надин избавиться от сорочки, девушка залилась краской.

— Я думала, так поступают только продажные женщины.

— Я никогда не имел с ними дела, — признался Арни.

— Правда?

— Да. Однажды я хотел к ним пойти, но потом решил купить тебе шкатулку.

Надин просияла, а потом вдруг решительным жестом стащила рубашку через голову и предстала перед Арни обнаженной.

Он с восхищением разглядывал ее. Стройное, но крепкое тело, молочно-белая кожа, полная грудь, русые волосы, покрывавшие спину, и румянец стыда, заливающий щеки. Арни не верил в то, что он уже обладал Надин и будет обладать ею еще множество раз.

Широкая кровать заскрипела под тяжестью их тел. Арни не привык ни к тонкому крахмальному белью, ни к пышным пуховым одеялам, потому

его не оставляли ощущения, что он забрался в чужие покои.

Однако эта женщина принадлежала ему, она была его женой, а значит, он мог позволить себе все, на что бы только решился.

Арни несмело и неумело ласкал тело Надин, и она откликалась на его ласки. Это казалось чудом. Согласно его прежним представлениям физическое наслаждение было сопряжено со стыдом и чувством вины, а нагота и вовсе была запретна. Теперь он знал, что это не так. Любовь искупала грех и прикрывала их обнаженные тела своими волшебными одеждами.

Надин ощущала почти то же самое. Мать всегда намекала на то, что близость мужчины и женщины сродни скверне, и это стоит терпеть только ради рождения детей.

Сперва скованная, напряженная, как струна, она позволила себе расслабиться и внезапно поняла, что ей приятно то, что делает Арни. Когда они закончили, она увидела, что он желает повторить, и не знала, как дать понять ему, что нисколько не возражает против того, чтобы испытать это еще раз.

К счастью, жадные поцелуи и страстный порыв друг к другу решили дело. Это была настоящая

брачная ночь; засыпая в объятиях Арни, Надин очень хорошо понимала, что имели в виду люди, когда говорили, что муж и жена вылеплены из одного куска глины.

Утром они позволили себе непростительную роскошь поваляться в постели. В кои-то веки им не надо было ни куда-то спешить, ни приниматься за работу.

Они прожили в Шайенне несколько дней. Надин накупила дешевых романов в бумажных обложках, какие отец запрещал ей читать, и всяких безделушек, каких у нее никогда не было. Она заказала нарядное платье с широким, украшенным оборками подолом и бархатную шляпку с перьями, в каких щеголяли местные модницы. Арни не хотел, да и не умел носить городскую одежду, но хотя бы выкинул старую и облачился в новенькую и чистую.

Ни он, ни она никогда не вели столь беззаботную жизнь. Они ели в ресторанах, ходили по магазинам, гуляли по городу, а по ночам всласть занимались любовью в гостиничном номере. Им казалось, что так будет всегда.

Кошелек с деньгами Джозефа Иверса хранился у Надин: Арни наотрез отказался взять его себе. Когда деньги заканчивались, она просто достава-

ла очередную купюру и клала на столик в номере, а Арни как бы между прочим совал деньги в карман. Ему не нравилась такая игра, но он не мог придумать ничего другого. В конце концов, в ресторане, в гостинице и в лавке расплачиваться должен был именно он. При этом Арни страшно смущался, потому что с детства привык считать каждый цент.

Он понятия не имел, сколько денег дал им Иверс, но это выяснилось довольно скоро.

Арни очень хотел навестить свою мать, и Надин поддерживала его. И они решили поехать туда, благо поселок находился неподалеку от Шайенна. Накануне Арни обмолвился, что надо бы вернуть седло Кларенса его отцу.

— Так верни, — сказала Надин.

— Тогда я останусь без седла.

— Купи себе новое.

— Легко сказать «купи»! Хорошее седло стоит сорок долларов.

— Ну и что? В кошельке их несколько сотен.

Арни потерял дар речи, а Надин продолжила:

— Думаю, мы должны выбрать подарки для твоей матери, братьев и сестер. Нехорошо появляться с пустыми руками.

Судя по всему, ей доставляло большое удоволь-

ствие посещать магазины и лавки и покупать все, что вздумается. В результате Надин приобрела вязаную шаль с кистями и другую, шелковую, радужную, какой Ирма Янсон не носила сроду, два отреза материи на платья, прелестную резную шкатулку со швейными принадлежностями (правда, без музыки) и красивый кофейный сервиз.

— Не лучше ли было просто купить мешок муки, крупы и сахара, — вздохнул Арни. — Мать была бы рада.

Надин ответила:

— Зачем привозить продукты? Мы дадим ей денег. Твоей семье больше не придется голодать.

Глава одиннадцатая

В туманной дали виднелся маленький поселок. Зимой здесь было особенно уныло. Старые, облупленные, грязные домишки выглядели ужасающе некрасивыми. Дым, копоть, скверный запах, теснота… Арни привык к этому с детства, но Надин выросла на ранчо; пусть в плену запретов и взглядов отца, и все-таки — на приволье.

— Мне кажется, тебе здесь не понравится, — сказал он.

Она удивилась:

— Почему? Ведь здесь живет твоя семья!

Арни попросил Надин подождать во дворе. Ему хотелось хотя бы немного подготовить мать к встрече с новоиспеченной невесткой.

Разумеется, кто-то из младших оказался на улице и возвестил о приезде Арни восторженными криками. Тот велел братьям привязать лошадей к ограде, а сам поскорее шагнул внутрь дома.

Ирма Янсон занималась стиркой в крохотной кухоньке. Это была еще молодая, но уже поблекшая, измученная невзгодами женщина, которой словно бы не хватало тепла и солнца.

Увидев старшего сына, Ирма выпрямилась, и в ее глазах отразилась радость пополам с тревогой.

— Арни! Ты вернулся? Что-то случилось или…

Он подошел к ней и взял ее красные мыльные руки в свои.

— Случилось, мама, но не плохое.

Ирма поняла, что ей лучше сесть. Оставив стирку, она вытерла руки о фартук и смотрела на сына, ожидая, что он скажет.

— Мне пришлось оставить работу на ранчо, потому что я… женился.

Он заметил, как мать отшатнулась.

— Женился?! Арни! Но ведь ты еще так молод, тебе всего двадцать лет! То есть, конечно, ты уже взрослый, но… Она здесь?

Он прочитал во взгляде матери то, что она не решалась сказать. Ирма боялась, что он взвалил непосильный груз на себя, да и на нее тоже. Приехал с женой, намереваясь посадить ее на шею семье.

— Да, здесь, она ждет во дворе. Но это не то, что ты думаешь. Надин — дочь богатого ранчеро, соседа того человека, к которому нанялись мы с Кларенсом. Мы не останемся здесь, мы просто решили тебя навестить. Моя жена хочет познако-

миться с тобой.

Совершенно сбитая с толку, Ирма растерянно оглядела убогое жилье.

— Да, но ведь у нас…

Арни улыбнулся.

— Не беспокойся. Она простая неизбалованная девушка.

Надин предстала перед Ирмой. Было заметно, как сильно волнуются обе женщины. К счастью, мать Арни сразу почувствовала, что для этой хорошо одетой и, как ей показалось, уверенной в себе девушки не существует ничего важнее любви к ее сыну. Дело довершили подарки. Братьям и сестрам Арни достались сладости, а Ирма ахнула, увидев материю, шали и открыв шкатулку, где было три пары ножниц разных размеров, наперстки, иголки, мотки ниток и ярко раскрашенный деревянный гриб для штопки.

Когда Надин вызвалась помочь в работе по дому, сердце Ирмы окончательно растаяло. Арни сиял, едва ли не впервые в жизни видя мать столь оживленной и радостной. А та украдкой поглядывала то на него, то на невестку, силясь понять, чем ее сын мог понравиться богатой девушке.

— Как поживают родители Кларенса? — спросил Арни, когда они сидели за столом. Ирма

приготовила самое лучшее, что только смогла приготовить: свиные шкварки с кукурузным хлебом.

— У них все в порядке. А Кларенс остался на ранчо?

— Мне надо поговорить с его отцом, — сказал Арни, не отвечая на вопрос.

После ужина, предоставив женщинам возможность познакомиться поближе, он поехал к Хейвудам.

Дверь открыл отец Кларенса, мужчина со смуглым суровым лицом. Глубоко посаженные темные глаза Дункана Хейвуда смотрели пристально и серьезно; от него исходило чувство редкостного спокойствия и достоинства, обычно не свойственного беднякам.

— Арни? — он был удивлен еще больше Ирмы, поскольку знал, что никто не спустится с горного пастбища посреди зимы без очень веской причины. — Откуда ты? Что-то случилось?

— Нет.

— Хорошо, если так. Входи, — промолвил Дункан, отступая назад.

У Хейвудов было также темно и тесно, как в доме Янсонов, но здесь ощущалось присутствие мужчин: по некоему особому запаху и по обилию

предметов, какими обычно пользуются только представители сильного пола.

— Вижу, ты приехал один, — сказал отец Кларенса. — С моим сыном все в порядке?

Арни набрал в грудь побольше воздуха, как сделал бы перед прыжком в ледяную воду, а после промолвил:

— Надеюсь, что да. Я прибыл не один, а с… женой.

Темные глаза Дункана вспыхнули, совсем как у Кларенса.

— Ты женился? Вот это да! Значит, мой сын остался на ранчо один?

— Нет, он уехал еще раньше меня.

— Уехал? Куда? Вы поссорились?

— Нет. Просто… так получилось.

На лицо мужчины набежала тень.

— Вы что, оба вот так запросто бросили работу и скот?!

— За ранчо присматривают. А Кларенс… — Арни почувствовал, что не может скрыть правду: взгляд Хейвуда-старшего, казалось, прожигал ему душу, — он уехал… с женой нашего соседа.

Дункан вскочил с места.

— С чужой женщиной! Он тронулся умом?!

— Нет. Возможно, то было наваждение, не знаю.

Той девушке плохо жилось с мужем.

— Не имеет значения, плохо или хорошо. Узы брака священны. Она дала клятву. Куда они поехали?

— В Денвер.

— Проклятье! Я же не учил его этому. — Дункан провел рукой по лицу и, словно опомнившись, добавил: — Впрочем, такому никто не учит. А ты, значит, женился?

— Да.

— Тоже не очень разумный поступок в двадцать лет. Ну, парни, и наворотили вы дел!

Арни не знал, что сказать. Внезапно он вспомнил, зачем пришел.

— Я принес седло, которое вы отдали Кларенсу. Уезжая, тот оставил его мне. Но я решил вернуть его вам.

— Почему?

Арни пожал плечами. Он был не в силах признаться в том, что это седло жжет ему совесть.

— Ты принес пустое седло. Всадник неведомо где. И лошади тоже нет. Все это очень плохо, — тяжело произнес мужчина.

— Что вы имеете в виду?

— Кларенс плохо кончит. Ты всегда бы разумнее. Ты умел держать себя в узде.

— Простите, если я поступил неправильно, — сказал молодой человек, в глубине души зная, что извиняется совсем за другое.

— Кто же просит прощения за то, что сказал правду? А как Ирма отнеслась к твоей женитьбе?

— Хорошо. Мы с Надин привезли ей подарки и дали денег.

— Это правильно. Твоей матери нужна помощь. А если ты узнаешь что-то о Кларенсе, прошу тебя, сообщи.

— Непременно.

Когда Арни вышел из дома Хейвудов, начинало смеркаться. Ночь обещала быть холодной. Он подумал, что надо бы задержаться, чтобы заготовить дров. Прежде они делали это вместе с закадычным другом.

Вернувшись, Арни увидел, что Надин и его мать окончательно подружились. Ирма перестала ломать голову над загадками жизни, а просто приняла невестку. Когда Надин положила перед ней триста долларов, Арни увидел на глазах матери слезы. Руки Ирмы задрожали, но не от жадности, а от благодарности, волнения и… испуга. Она никогда не то что не имела, а даже не видела таких денег.

Ночью, лежа с Надин за перегородкой (чтобы никого не беспокоить и не смущать, они лишь нежно обнимались и тихо шептались), Арни вновь размышлял о том, продался он или нет. Вступая в брак, он думал не о деньгах, а только о девушке.

— Мне бы не хотелось зависеть от твоего отца, — сказал он, и Надин тут же откликнулась:

— Мы сделаем все возможное, чтобы жить самостоятельно. Ты знаешь, что мне ничего не нужно. Лишь бы ты всегда был рядом.

— Я могу наняться перегонщиком скота. Ведь ты будешь меня ждать?

— Конечно, буду. Я твоя жена.

Оба знали, что обманывают друг друга. Умиротворение, восторг и беззаботность ушли. В силу вступили тревоги. Они не могли остаться в этом мире вдвоем и делать вид, будто больше для них не существует никого и ничего. Сначала они должны были вернуться обратно, а уж потом попытаться стать свободными.

— Почему твоя мама смотрела на деньги с таким испугом? — поинтересовалась Надин.

— Привычка бедняка. Мы не верим в то, что можем просто так получить огромную сумму. Это всегда вызывает опасение и страх.

— Но ведь она все же взяла их?

Впервые в жизни Арни захотелось сказать Надин, чтобы она замолчала, но он терпеливо ответил:

— Потому что они ей нужны.

Через несколько дней они вернулись в «Райскую страну».

Ранним утром долины Вайоминга были покрыты густым туманом; с высоты чудилось, будто они плывут в молочной реке, которая простиралась до самого горизонта. Кое-где вздымались ярко-зеленые острова покрытых лесом холмов. В утреннем свете горы казались изваянными из ослепительного мрамора.

«Новый день — новые надежды», — вопреки всему подумал Арни и перевел взгляд на свою спутницу. Ее глаза сияли, как вода в горном ручье. Надин радовалась возвращению домой.

Джозеф Иверс встретил молодую пару без малейшего удивления. Он понимал, что они никуда не денутся.

— Вас можно поздравить? Надеюсь, вы с пользой провели время? — усмехнулся он. — То есть я имею в виду — развлеклись на славу?

Арни ничего не сказал на это, но Иверс и не ждал ответа. Он и так все знал.

Дав зятю немного времени, чтобы прийти в себя, он представил его своим людям не только как нового работника и своего зятя, но и как будущего управляющего ранчо.

Пока хозяин произносил короткую речь, его люди стояли, не шевелясь, с совершенно одинаковыми выражениями лиц. С виду это походило на безразличие, но Арни знал, что их замешательство вызвано изумлением.

Он вспомнил странное ощущение, охватывавшее его, когда во время свадебного путешествия он расплачивался в магазинах и ресторанах. Впервые в жизни ему почтительно кланялись, перед ним снимали шляпу. В те минуты Арни хотелось сказать, что они ошибаются: он — бедняк, который платит чужими деньгами. Сейчас он испытывал то же самое.

Разумеется, ковбои Иверса приняли эту новость, потому что просто не могли не принять. Другое дело, что они думали и о чем говорили между собой. Арни знал, что на первых порах ему придется не просто работать наравне со всеми, а стараться быть лучше всех. В глубине собственной души и в глазах окружающих людей он должен был заслужить это назначение.

С ним держались почтительно, но отстраненно.

Если он начинал говорить, замолкали; никогда не указывали на ошибки. Арни сразу понял, что ему не светит завести единомышленников, а уж тем более — друзей. Он знал, что его считают выскочкой.

Однажды Билл, то самый парень, с которым Арни познакомился еще до первой поездки в Шайенн, пользуясь случаем, брякнул:

— Мы тут с ребятами ломаем голову над тем, как тебе удалось окрутить хозяйскую дочь да еще добиться согласия мистера Иверса? Ты что, ее… — и употребил грубое выражение.

Понимая, что если он заговорит о любви, его поднимут на смех, Арни не знал, что ответить. Несмотря на обездоленное детство, а возможно, как раз из-за этого, он тянулся к людям и жаждал теплых, доверительных отношений. Таких, какие были у него только с Кларенсом.

— Разве в этом случае мистер Иверс не пристрелил бы мне голову? — только и сказал он.

Для Надин все складывалось намного проще. Теперь у нее был муж, и Джозеф Иверс предоставил Арии полное право распоряжаться своей женой. (То, что при этом он распоряжался самим Арни, к делу не относилось.) Отныне Надин жила и работала для своего молодого супруга. За столом

отец разговаривал в основном с зятем, не обращая на дочь не больше внимания, чем на мебель, но она не огорчалась. Она ловила взгляд Арни и улыбалась ему, ощущая пьянящее чувство любви и принадлежности друг другу.

Несмотря на холодное зимнее время, их ночи были жаркими. Однажды, вернув мужу страстный поцелуй, Надин прошептала:

— Ты освободил меня!

И Арни ответил:

— А что если мы оба попали в плен?

Такие мысли появились у него и в тот день, когда он узнал, что Джозеф Иверс намерен выехать с ранчо с небольшим, но хорошо вооруженным отрядом. Мысленно Арни уже давно перевел парней из этого отряда из разряда ковбоев в разряд бандитов. Эти люди выполняли особые поручения и подчинялись только Иверсу.

Снедаемый тревогой, он без колебаний подступил к тестю.

— Вы куда-то собрались?

— В Денвер.

От такого ответа у Арни возникло чувство, будто его припечатали к позорной стене.

— Зачем?! — бессильно прошептал он.

Взгляд Иверса был холодным, как у змеи.

— По делу. Это тебя уже не касается. Ты остаешься на ранчо. За главного. Пора попробовать себя в новой роли.

— Вы обещаете, что…

— Я выполню все обещания, какие дал прежде. Полагаю, для новых пока не пришло время.

У Арни было желание взять коня и скакать вперед, обгоняя отряд Иверса, отыскать Кларенса и предупредить его, но он знал, что ему никто этого не позволит. Именно в тот миг Арни окончательно осознал, что отныне ему всегда придется быть пешкой в чужой игре.

Как только Джозеф выехал с территории ранчо, молодой человек бросился к жене.

— Мы уезжаем!

— Что случилось?

— Навсегда! — воскликнул он, не отвечая на вопрос. — И как можно дальше отсюда!

В глубине взгляда Надин отразилось непонимание и какие-то невысказанные мысли.

Она собиралась печь пирог, потому ее руки были испачканы мукой, и даже волосы и лицо кое-где словно бы покрывала белая пудра. Поверх простого платья из голубого ситца был надет передник, отчего Надин выглядела очень домашней. Арни не мог не признать, что она умеет

создавать атмосферу спокойствия и уюта.

— Ты поссорился с отцом?

— Нет. Но он поехал в Денвер!

— Рано или поздно это должно было случиться. И поэтому ты хочешь сбежать?

Вздрогнув от того, что она сказала правду, Арни стиснул зубы.

— Да, сбежать.

— Прямо сейчас?

— Да. Собирайся.

— Хорошо. — Надин вытерла руки и сняла передник. — В конце концов, у нас еще осталось две сотни долларов.

— Вот как?

— Отец даже не спросил о них, и я убрала их в шкатулку.

— Эти деньги лучше оставить здесь.

— Как скажешь. А куда мы поедем? Или, вернее, пойдем?

Хотя Надин говорила спокойно, даже кротко, Арни не мог отделаться от чувства, что она приняла собственное решение.

— В Шайенн, — ответил он. — Или куда-то еще. Пока не знаю. Возможно, вернемся к моей матери. Она приютит нас на время. Надеюсь, я смогу найти работу в поселке. Что поделать, придется

стать углекопом!

— А ранчо «Синяя гора»? Ведь эту работу у тебя никто не отнимал.

— Разве мистер Иверс не отыщет нас там?

Надин хотела сказать, что он пытается сбежать не от ее отца, а от самого себя, но вместо этого произнесла совсем другое:

— Может, сейчас и не к месту говорить об этом, но… Арни, мне кажется, что у нас… будет ребенок.

Вместо того чтобы изобразить радость, он отшатнулся, словно она попыталась его ударить, хотя на самом деле его сразила не сама новость, а нечто другое.

Арни вспомнил поселок углекопов, где прошла большая часть его жизни, тучи дыма и копоти, навязчивой жирной копоти, которую невозможно отмыть. Вспомнил запах железа и серы, хриплые свистки локомотивов, возивших уголь. Каждого нового ребенка, появлявшегося у матери в их семье, грязные пеленки и ее серое, измученное лицо. Он знал, что не все дети выжили, некоторые умерли, в том числе потому, что у матери не всегда было свое молоко, как и деньги на покупку чужого. Впрочем, гибель младенцев не слишком огорчала Ирму. Она жила в мире, где

смерть способна принести облегчение.

— Как женщина узнает, что она беременна?

Надин, стесняясь, объяснила.

— Значит, ты уверена?

— Да. Почти.

— Так скоро!

— Но ведь такое возможно. А ты не хочешь этого?

— Я не знаю, — тяжело произнес Арни и, не желая огорчать ее, добавил: — Наверное, хочу.

— Думаю, отец обрадуется, — заметила Надин.

— Ты сказала ему?! — встревожился Арни.

— Пока нет. Первым об этом должен был узнать ты.

Арни понял, что никуда не уедет. Потому что на ранчо всегда будет вдоволь молока для ребенка. Потому что Надин ни в чем не виновата. Потому что он видел, что сейчас ей хорошо в «Райской стране», она чувствует себя окруженной вниманием, любимой и защищенной.

— Мы остаемся, — бессильно произнес он, — и будь что будет.

— Я готова уехать!

— Нет-нет. — Арни подошел к ней и обнял. — Я люблю тебя. И я рад, что у нас будет ребенок, пусть даже мы еще слишком молоды.

Надин подумала, что не зря сообщила мужу о своей беременности. Ребенок укрепит их брак и привяжет Арни к «Райской стране». Она любила ранчо и понимала, что хочет остаться здесь навсегда.

Молодая женщина видела, что Арни не чувствует себя своим среди ковбоев и тяготится вынужденным родством с ее отцом. Однако Надин куда лучше знала Джозефа и чувствовала, что он по-своему ценит Арни, понимая, сколько пользы он способен принести. Отец всегда чуял настоящую выгоду.

Отныне Иверс предоставлял дочери полную свободу. Если муж разрешал Надин ездить по ранчо верхом, то отец и ухом не вел — пусть ездит. Если она разговаривала с Арни за столом или надевала по воскресным дням нарядные платья, открывавшие шею и верхнюю часть груди, он не делал ей замечаний. Ее обязанности не изменились, но теперь она выполняла их с радостью и охотой, потому что служила любимому человеку.

Вопрос о том, что есть жизнь — свет или тьма, вечная клетка или мгновенье свободы, задавал себе только Арни. У Надин больше не было повода это делать.

Глава двенадцатая

Прежде Кларенс Хейвуд не думал о красоте. Возможно, он вообще не замечал ее и уж тем более не знал, что красота может трогать душу, как не думал о том, что дабы заслужить отношения с женщиной, надо почувствовать себя достойным ее любви.

Они с Эвиан остались в Денвере. Отчасти это объяснялось зимним временем, отчасти — отсутствием денег, а также тем, что Денвер был расположен в стороне от главных континентальных дорог (они проходили севернее — через Шайенн и южнее — через Колорадо-Спрингс, где было легче пересечь горы).

Эвиан день ото дня будто оттаивала, пробуждаясь к жизни. Молодой женщине все реже казалось, что ее отношения с Кларенсом рождены одиночеством и душевной болью. Когда он находился рядом, все отступало: и первородный грех, и вечный стыд, и былые страхи. Теперь то, что произошло и происходило между ними, уже не казалось ей таким сложным.

Однажды, когда она шила, склонясь над тка-

нью, и не видя ничего вокруг, одна из работниц мастерской лукаво произнесла:

— Не пора ли оставить работу? Твой красавец ждет тебя на другой стороне улицы.

С тех пор, как Эвиан испугалась тени Иверса, Кларенс встречал и провожал ее, даже если получал нагоняй на собственной работе. Ему нравилось идти с ней по улице под руку не потому, что она была красива и на нее обращали внимание, а потому, что он не мог насладиться тем, что она находится рядом.

Кларенс и Эвиан были уверены в том, что их никто не найдет. Они пришли с гор, почти ни с кем не общались, жили под чужими именами.

Как-то раз Эвиан спросила:

— О чем ты мечтаешь?

Наверное, это был сложный вопрос для простого парня, однако Кларенс понял. Он мог бы сказать, что хочет, чтобы они поженились, желает познакомить ее с родителями, мечтает найти другое занятие, но вместо этого ответил:

— Чтобы это время продолжалось тысячу лет. — И тут же спросил: — А ты?

И она ответила:

— Я пока только думаю о том, как научиться мечтать.

Сейчас она ясно чувствовала, что хочет поскорее увидеть Кларенса, и потому спросила:

— Миссис Морган, я доделаю завтра?

— Иди, Эвиан. Тут осталось совсем немного.

Благодарно кивнув, девушка вышла на улицу. Постепенно она превращалась в искусную мастерицу. Эвиан обладала врожденным вкусом, умела общаться с клиентками. Миссис Морган была очень довольна ею.

Эвиан и Кларенс пошли по дороге. С серого неба падали большие белые хлопья снега, однако ветер казался теплым, почти весенним. Чинук прилетел с восточных склонов Скалистых гор как далекий привет, и Кларенс с жадностью ловил его дыхание.

— Ты скучаешь по дому? — промолвила Эвиан, заметив направление его взгляда.

— С некоторых пор мой дом здесь. Вернее, там, где ты. Я оставил все позади, мне не о чем жалеть.

— Неужели до встречи со мной в твоей жизни не было ничего стоящего?

Кларенс вспомнил о дружбе с Арни, и ему почудилось, будто даже это осталось где-то там, за какой-то дальней границей.

По дороге они зашли в лавку за продуктами.

Дома, в то время как Эвиан готовила, Кларенс принес воды и дров на завтра. А после ужина, пока они не легли спать, любовался ею.

Иногда он сам расчесывал ей волосы и гладил ее руки с таким выражением лица, словно она была драгоценной статуей.

Кларенс чувствовал, что эту женщину надо не завоевывать, не покорять, а… приручать. Ему хотелось, чтобы Эвиан ему доверяла, чтобы она не уходила в себя, не отгораживалась, не закрывала глаз, а на ее щеках не появлялись дорожки слез. Он мечтал, чтобы когда-нибудь она отдалась ему не потому, что этого хочет он, а повинуясь собственному безудержному желанию.

Он никогда не спешил. Вот и сейчас они лежали — две головы на одной подушке, но касаясь лишь плечами и бедрами, и разговаривали.

— Я никогда не знала своего отца. Он умер очень давно, и мы с мамой всегда были только вдвоем, — с грустью сказала Эвиан, как бы давая понять, что в ее жизни было мало защитников.

— А я всегда был больше близок именно с отцом, — ответил Кларенс. — Мать всегда возилась с младшими.

Он в самом деле слишком мало общался с матерью, которая вставала с восходом, ложилась

на закате и то стучала горшками и кастрюлями в кухне, то стирала, то мыла полы, то доила коров. Кларенс никогда не знал, что у нее в душе и на сердце.

— Ты самый старший в семье?

— Вовсе нет. Скорее средний. То есть младший из сыновей. После меня были только девочки.

— Твой отец, наверное, замечательный человек?

Вдохновленный тем, что Эвиан расспрашивает о его семье, Кларенс принялся рассказывать. О том, как, случалось, отец пел печальные ковбойские баллады, о том, как он пытался вспомнить индейские легенды, которые его бабка рассказывала на ломаном английском языке.

Под конец Кларенс сказал:

— Если когда-нибудь у меня родится сын, я назову его Дункан.

Эвиан улыбнулась.

— Так как сейчас зовут тебя?

— Да.

Когда он ненадолго вышел, Эвиан села и провела рукой по лицу. Женского «недомогания» не было с тех пор, как она сбежала из «Райской страны», но больше она ничего не чувствовала. Работницы мастерской болтали про тошноту,

сонливость, боль в груди, тяжесть в теле, но она не ощущала ничего подобного, напротив, была куда бодрее, чем обычно, а потому надеялась, что все-таки не беременна, ибо если это было правдой, то скорее всего означало, что она ждет ребенка от ненавистного ей человека.

Кларенс вернулся. Он радовался, видя, что Эвиан стала другой. Она больше не сжималась в комочек, чтобы никто не мог ее коснуться, не была существом, одинаково боящимся и насилия, и ласки, и внутренне и внешне живущим в кромешном одиночестве.

Он знал, почему не хочет думать о будущем. Кларенс боялся потерять то, что имел в настоящем: ведь все самое бережно создаваемое, а потому хрупкое, так легко разбить и разрушить одним-единственным ударом.

— Откуда человек узнает, что такое любовь? — спросил он, повинуясь внезапному порыву. — Ведь никто не объясняет ему этого? Наверное, такое знание дается откуда-то свыше!

— Было время, когда я ненавидела Бога, — помолчав, сказала Эвиан.

— Я тебя понимаю.

— Мне думалось, это он обрек меня на жизнь в «Райской стране». А иногда мне казалось, что я

сама не смогла защититься и устоять.

— Что было в твоих силах? Главное, Иверс тебя не сломал.

Едва он обнял Эвиан, как снаружи послышался какой-то шум. Кларенс нехотя встал и посмотрел в окно, в которое виднелась ограда и кусочек двора.

В дверь постучала испуганная хозяйка.

— Там какие-то люди. Спрашивают вас…

Кларенс вскочил, не зная, что делать и куда бежать. Нашарил кольт, но дверь уже распахнулась, и в проеме появилось сразу несколько стволов.

Кларенс вновь метнул взгляд в сторону окна: там тоже стояли вооруженные люди.

Эвиан не закричала. Просто ее взгляд мгновенно утратил глубину; глаза сделались пустыми, лишенными всякого выражения, кроме пожизненной обреченности.

Джозеф выступил вперед. «Преступление» было налицо: разобранная постель и забившаяся в угол кровати Эвиан в ночной сорочке.

— Значит, развлекаешься с моей женой? — медленно произнес Джозеф и, размахнувшись, ударил Кларенса кулаком в челюсть.

Тот рванулся вперед, но путь преградили винтовки. Тяжело дыша, Кларенс остановился.

Конечно, он мог бы наброситься на противника очертя голову, но тогда непременно получил бы пулю в лоб. Живой, он имел хотя бы какой-то шанс, а будучи мертвым не сделал бы ничего.

Эвиан потеряла сознание. Молча завернув ее в одеяло, как куклу, Иверс передал безвольное тело одному из своих людей.

— В повозку. Укройте как следует и проследите, чтобы она не замерзла, — бросил он, а потом повернулся к Кларенсу.

— Ты думал, что умнее меня? — он сделал паузу. — Наверное, хочешь знать, как я вас нашел? Подкупил одну шлюху, чтобы она прошлась по швейным мастерским. В первой же из них (или она тут единственная?) ей показали новенькую девушку. Фиона! — Иверс усмехнулся. — А ты поджидал ее после работы. Мои люди проследили за вами, и вот я здесь.

Кларенс молчал, и тогда Иверс отдал распоряжение:

— Постерегите его. Когда я немного отъеду, отведите в лес и повесьте. Постарайтесь обставить все так, будто он сам влез в петлю.

И, повернувшись, вышел за дверь.

Кларенс дико оглядывался. Что будет с Эвиан?! Как она переживет возвращение в «Райскую

страну»?! И как ему самому избежать петли?!

Парни с винтовками равнодушно смотрели на пленника. Они не испытывали к нему никаких чувств. То, что они делали, было не слишком приятной работой, которая, тем не менее, хорошо оплачивалась.

Кларенса вывели на улицу. В его глазах было темно, а в груди так пусто, будто оттуда вынули сердце. Он шел, полураздетый, босой, не чувствуя ни снега под ногами, ни резкого ветра, холодящего тело.

Ему связали руки, его сопровождало шесть человек, и Кларенс не надеялся сбежать и все же старался запомнить дорогу.

Они быстро миновали окраины городка, и теперь их окружал густой сосновый лес, но он ориентировался по скалистым выступам, откуда теплый восточный ветер недавно сдул снег. Солнце еще не село — оно лишь коснулось края вершин.

Понимая, что мысли об Эвиан сожгут его изнутри, Кларенс усилием воли заставил себя думать о другом. Кто привел Иверса в Денвер? Можно было сказать, что такой вопрос не имеет значения, но Кларенс чувствовал, что это важно.

О том, куда он направился, знали только Зана

и Арни. Индианка не раскрыла бы рта, даже горя в костре, — это понимал не только Кларенс, но и Джозеф Иверс. Арни? Молодой человек задумался. Что если Иверс пытал его, и тот сдался? В эти минуты Кларенс не мог понять, почему и как он забыл про Арни! Оставил одного на ранчо, рядом с Иверсом, по сути — бросил и предал! Жив ли он?!

Не надеясь получить ответ, Кларенс все же спросил своих конвоиров:

— Кто указал вашему хозяину путь в Денвер?

Ближайший, сплюнув на землю, сказал:

— А мы почем знаем? И потом нам не велено с тобой разговаривать.

— Ладно, не говорите. Я только хотел узнать о своем друге, Арни Янсоне. Он жив?

Мужчины переглянулись, и один из них, не выдержав, бросил:

— Он не просто жив, а очень даже неплохо устроился! Оборотистый у тебя дружок: окрутил хозяйскую дочку, женился на ней и сразу получил место управляющего!

Он хотел еще что-то добавить, но сосед толкнул его локтем.

Кларенс не поверил своим ушам. Арни женился на Надин?! Сделался подручным Иверса?! Как

такое могло произойти?!

Значит, это дело рук Арни? Это он направил Иверса по нужному следу? Но почему? Что оказалось сильнее дружбы? Страх? Корысть? Или это просто злой наговор?

Помимо воли Кларенс возвратился в далекое прошлое. Он вспоминал себя маленьким мальчиком, идущим вместе с Арни к ручью с удочками в руках, мимо маленьких пушистых елочек. Видел, будто наяву, как они наперегонки сгребают сено на ранчо его отца: Арни улыбается, к его рукам прилипла сенная труха, и в светлых волосах торчат соломинки.

Кларенс чувствовал, что не выдержит. Он только что лишился любимой женщины и верного друга. Оставалось потерять жизнь.

Когда ему на шею накинули петлю, он даже не моргнул, продолжая прямо и дерзко смотреть на своих палачей.

Его сердце билось в прежнем ритме, и черты лица не исказились. До сих пор Кларенс не подозревал, насколько просто не бояться смерти. Нужно лишь потерять что-то очень значительное, утратить смысл жизни.

— Чего уставился? — усмехнулся один из них. — Если знаешь молитву, прочти, ибо ты

скоро увидишь Бога!

— Или дьявола, — добавил другой.

— Что б вы сдохли! — процедил Кларенс.

Они нагнули ветку, а потом отпустили, и Кларенс повис в пустоте. Он ловил ртом воздух, но воздуха не было, и его голова превратилась в раскаленный шар, такой же огромный, как дневное светило. Он слышал гул ветра, могущего сдуть с сосен глыбы снега и сокрушить их мощные ветви, а возможно, то был шум его собственных крыльев, потому что он вдруг взмыл в небо, как темный вихрь, а потом провалился в черную бездну, где не было ни солнца, ни звезд, ни луны.

Кларенс очнулся не сразу. Сознание накатывало волнами и уходило снова. Он оставался бесчувственным, кроме резкой боли в шее.

А потом он открыл глаза и понял, что не умер.

Кларенс лежал на снегу, и вокруг были люди, но не подручные Иверса. Взгляд молодого человека уперся в чьи-то щегольские кожаные сапоги желтого цвета с тиснением и высокими каблуками.

Кто-то рассказывал:

— Я им говорю, вы кого линчуете, ребята? Они и не додумали отвечать: бросились прочь. Видать сразу поняли, кто мы. Все с оружием, но явно не законники. Скорее, какие-то чужаки. Можно

было догнать их, но я поленился, да и ни к чему было связываться. А что делать с парнем? Возьмем с собой?

— Ладно. Привяжите его к седлу.

Второй раз Кларенс пришел в себя в другом месте, где было гораздо теплее. Он лежал на чем-то мягком, не в силах поднять тяжелые веки. Обрывки мыслей бродили в голове, наслаиваясь друг на друга. Однако он понимал, что находится в безопасности.

Постепенно комната, в которой он лежал, выплыла из тумана, и звучавшие в ней голоса стали реальными.

Кларенс увидел печку, в которой пылали дрова, и большой деревянный стол, за которым сидела компания мужчин: они играли в карты. Все были хорошо вооружены: у каждого пятизарядный револьвер Кольта и нож Боуи. Не иначе какая-то местная шайка.

Вспомнив желтые сапоги, Кларенс отыскал взглядом их обладателя и тотчас услышал, как кто-то сказал:

— Айк, он очнулся!

Человек, к которому обратились, встал, подошел ближе и склонился над Кларенсом. На вид незнакомцу было лет тридцать. Выражение

лица Айка не имело ни малейших признаков великодушия и благородства. Кларенс сказал бы, что это обыкновенный бандит, неразборчивый в способах получения наживы.

— Привет, парень! Успокойся, ты не в раю и не в аду, а все еще на земле. Хорошо, если ты сможешь рассказать, чем заслужил петлю, которую мы сняли с твоей шеи!

С трудом проглотив комок в горле, Кларенс заговорил: сперва медленно и хрипло, а потом все увереннее и громче. Он видел, что люди за столом присматриваются и прислушиваются. Но никто из них не изменил выражение лица и не промолвил ни слова.

Когда молодой человек умолк, Айк вернулся на место и велел своим напарникам сдать карты. Какое-то время они молча играли; потом главарь как бы между прочим заметил:

— Насколько я понимаю, ты сбежал с женой какого-то мужика, а тот нашел вас, забрал свою женщину, а тебя приказал вздернуть? Знаешь, на его месте я поступил бы точно так же.

— Но она хотела быть не с ним, а со мной!

— Женщины — существа переменчивые. Сегодня одно на уме, завтра другое.

— Он жестокий человек. Я обещал защитить

ее, но не смог.

— Любая женщина, даже самая глупая, поймет, что ты бессилен против стольких стволов, — сказал Айк. — Человеческая плоть всегда слабее металла.

— Ты считаешь, мне не с чем пойти к шерифу?

— К шерифу?! Да он тебя засмеет!

— Когда-то Джозеф Иверс был бандитом. Все знают, чем он занимался, но делают вид, что этого не было!

— Каждый второй уважаемый человек в этом штате прежде делал что-то нехорошее. Кого в этом винить — такие уж времена! Случается, бывший бандит, получив звезду шерифа, скорее наведет порядок в городе, чем какой-нибудь джентльмен. Какой дурак станет лезть на рожон, если шериф имеет репутацию хладнокровного убийцы! Кто тебя спас? Законники? Ничего подобного. Это сделал наш человек, Пит, потому что когда-то его самого пытались линчевать, и он не терпит, когда толпа народа вешает одного.

Сидящий рядом с главарем Пит добродушно улыбнулся и взял из колоды новую карту.

— Если ты сунешься к этому Джо в одиночку, — продолжил Айк, — он попросту нашпигует тебя свинцом или снова вздернет, только на этот раз

удачнее. Такие типы всегда окружают себя головорезами, и к ним не поступишься. А ты один, ты беден, и у тебя ничего нет.

— Я не знаю, как заработать деньги.

— Явно не рытьем канав. Лично я никогда не встречал человека, который бы приобрел состояние так называемым честным трудом. Все известные мне «уважаемые люди» — в прошлом стояли по ту сторону закона.

— Отец учил меня другому, — с горечью произнес Кларенс.

— И как идут его дела? Небось, всю жизнь выбивается из сил, чтобы прокормить семью? — усмехнулся Айк и заметил: — Полагаю, тебе нужно обратиться к тем, кто не дружит с законом и решает проблемы силой. Можешь пойти к нам — я тебя возьму, потому что мне нравятся парни, которым нечего терять и которые имеют цель. Ты уже, верно, понял, кто мы. Меня называют Бешеным Айком; я и мои ребята живем за счет оружия, храбрости и резвого коня.

— Я не собирался становиться бандитом.

— Я тоже, как и никто из моих ребят, просто жизнь указала нам место. О совести можешь не беспокоиться. В наше время преступника от законника отделяет такая грань, что не понять,

кто есть кто. Одно слово — ганфайтеры[5]. После Гражданской войны все перемешалось, в люди выбилась всякая шваль. Иногда именно нам приходится восстанавливать справедливость. Я не граблю людей, если вижу на их ладонях мозоли, я обчищаю карманы тех, у кого ухоженные руки. А еще не трогаю женщин и детей.

Кларенс закрыл глаза. Он понимал, что сейчас не в состоянии принимать решения.

Спустя несколько дней он нашел в себе силы встать и выйти на улицу. Вдова, у которой они с Эвиан снимали комнату, была так напугана случившимся, что почти умоляла его найти себе другое жилье. Кларенс и сам не хотел здесь оставаться — это было слишком больно. Он не мог видеть разбросанных вещей Эвиан, ее платья, висевшего на спинке стула, валявшейся на полу обуви. Подняв туфли, он прижал их к груди. Кларенс знал, что какое-то время вещи Эвиан будут хранить ее запах, но потом он исчезнет. Не останется ничего.

Собрав свои скудные пожитки, он навсегда покинул дом, в котором обрел столь недолгое счастье.

---

[5] Примечания: 5

Общее слово для людей, умеющих хорошо обращаться с оружием. Ганфайтерами могли называть и бандитов, и представителей закона.

Он бродил по Денверу, словно помешанный, шатаясь и будто не видя ничего вокруг. Кларенсу вдруг стали глубоко отвратительны окружавшие его люди, его раздражал вид благополучных горожан, ему казалось, будто они только притворяются добропорядочными гражданами.

Кларенс окончательно уяснил: человек может не делать в своей жизни ничего дурного и все же навлечь на себя большое горе, точно так же, как творя неправедные дела получать от судьбы дорогие подарки.

Все это казалось ему несправедливым. Он не мечтал о богатстве, он не думал о власти, он просто хотел быть счастлив с любимой женщиной. Но ему не было дано даже этого.

Глава тринадцатая

Из окна была видна мирная картина заснеженных деревьев, хозяйственных построек, двора с протоптанными в снегу дорожками. Слышались привычные звуки: перекличка ковбоев, мычание коров, скрип отпираемых ворот.

В камине потрескивали дрова; стены в комнатке были обшиты неотполированным деревом, и воздух казался пропитанным чистыми, свежими запахами леса.

Эвиан сидела на стуле, сложив руки на коленях. Ее лицо выглядело поразительно неживым. Создавалось впечатление, что она не слушает и не слышит стоящего перед ней человека, хотя на деле это, разумеется, было не так. От некоторых вещей нельзя отгородиться никаким усилием воли.

— Парень, с которым ты сбежала и кувыркалась в постели, полное ничтожество, я даже не могу его ненавидеть. Иное дело ты. Я не в состоянии поверить в то, что порядочная девушка оказалась обыкновенной шлюхой! Я сомневаюсь в том, нужна ли ты мне теперь, хотя это, конечно, не

повод отдавать тебя какому-то проходимцу. Ты унизила меня перед моими людьми, и я намерен тебя наказать. Прежде всего ты больше не выйдешь из этой комнаты. Энни будет приносить тебе еду и выносить ночной горшок. Даже не пытайся улизнуть: я поставлю у входа охрану.

Когда Джозеф Иверс вышел и повернул в дверях ключ, Эвиан не шелохнулась.

Иногда молодой женщине казалось, будто она просто заснула, а после очнулась все в той же «Райской стране», или что-то все-таки было, но потом время повернуло вспять. Изменилось лишь то, что Иверс больше не прикасался к ней. Это было большим облегчением.

Удар, нанесенный ее новой жизни и едва зародившимся отношениям, был слишком внезапным и жестоким. Едва к ней вернулась способность принимать и дарить любовь, как это было отнято. И, похоже, безвозвратно.

Она вновь перестала плакать, а ночами не смыкала глаз. Порой в душе вспыхивали остатки надежды, и тогда Эвиан ждала, что Кларенс придет и вызволит ее, но все это гасло так же быстро, как свеча в кромешной ночи.

Однажды она увидела в окно Надин, идущую по двору рядом с Арни Янсоном и счастливо

улыбавшуюся ему. Значит, Иверс купил и этого парня? Что сказал бы Кларенс, узнав о предательстве лучшего друга? Да и жив ли он? Эвиан не спрашивала об этом, потому как знала, что не получит ответа.

Возвращение молодой мачехи не доставило Надин радости, но она старалась не думать о ней, тем более Эвиан держали взаперти. Что касается Арни, он немедля бросился к тестю.

— Вы убили Кларенса?!

Джозеф опустил тяжелую руку ему на плечо.

— Послушай, парень, я не нарушаю закон. Я просто ударил его, как сделал бы любой мужчина на моем месте, и велел больше не появляться здесь. Перестань об этом думать и займись делами.

Иверс знал, что Кларенс остался жив: его люди скрепя сердце сообщили ему об этом после того, как один из них сказал остальным:

— Если хозяин когда-нибудь встретит этого парня живым, мы — покойники!

В результате они рассказали Иверсу о том, что вздернули Кларенса, и он почти отдал Богу душу, но в последний момент им помешали вооруженные незнакомцы.

Иверс рвал и метал, но все же уехал из Денвера: это была не его территория и чужой штат.

Зима подходила к концу. Жизнь на ранчо текла своим чередом, и только Эвиан извелась, не видя никакого выхода. Она должна была попасть к Зане, во что бы то ни стало ее увидеть, но не знала, как это сделать.

Она видела в окно, что у Надин округлился живот. Видела, как она медленно, с достоинством идет по двору, а Арни обнимает ее за плечи. Они не скрывались и не таились. А вот о том, что творилось с самой Эвиан, никто не догадывался и не знал.

Эвиан понимала, что ее борьба, борьба одинокой женщины, обречена на провал, и все же не переставала на что-то надеяться. Она давно задумала устроить в усадьбе пожар, но в зимнее время это было сложно сделать. Пришлось дожидаться весны.

С того времени, как сошел снег и обнажилась пожухлая трава, прошло всего две недели, и местами почва была еще влажной. С гор доносился гул водных потоков. Теплый воздух дрожал над пастбищами, и от них исходил легкий пар. Приближалась горячая пора весеннего клеймения скота, после которой следовал грандиозный праздник.

Никто не ведал планов Джозефа Иверса отно-

сительно Эвиан. Похоже, он попросту позабыл о своей молодой жене.

— Он что, собирается держать ее взаперти до скончания века? — порой спрашивал Арни у своей супруги, но Надин не знала ответа.

Эвиан приносили ту же еду, какую ели остальные домочадцы, если нужно — воду для купания. Свои просьбы она передавала через Энни, хотя у нее редко возникали какие-либо желания. За все эти месяцы ни Надин, ни Арни не перемолвились с ней ни единым словом.

Узнав о том, что дочь беременна, Джозеф Иверс обрадовался и похвалил… Арни. Надин надеялась, что родится мальчик, и тогда она, если не заслужит благодарности, то хотя бы не услышит отцовских упреков.

Однажды ночью Эвиан решила, что больше не может ждать. Тем более из каких-то отрывочных подслушанных фраз она узнала, что Иверс уехал в Шайенн.

Осторожно приоткрыв окно, она побросала вниз тряпки, облитые керосином из лампы, вытащила из матраса солому, подожгла ее от тлевших в камине углей и опустила сверху, а потом наблюдала за ползущей вдоль стен дома струйкой огня.

Плотно закрыв створки, Эвиан намочила тряпку водой из кувшина для умывания, чтобы затем приложить к лицу. Когда в комнату повалит дым, надо продержаться как можно дольше, чтобы пламя успело распространиться по усадьбе.

Эвиан сидела, считая минуты; хотя ее нервы были обострены до предела, где-то в глубине души она была совершенно спокойна.

Обитатели дома крепко спали. Арни снилось, что он вновь очутился в поселке углекопов, куда так не хотел переезжать, и что его отчим, у которого почему-то было лицо Джозефа Иверса, отчитывает его за что-то.

Между тем выросшая в краю, где редкий год не случалось лесных пожаров, Надин проснулась, как по команде.

— Дым! — воскликнула она. — Я чувствую запах дыма.

Арни вскочил.

— Да, ты права.

Он принялся лихорадочно одеваться, между тем во дворе уже стучали чьи-то сапоги и слышались крики. Повсюду было слишком много дерева, и местами древесина была, точно порох, а ветер дул достаточно сильно.

— Бери самое необходимое и выбегай на ули-

цу! — велел Арни.

Надин кивнула. Она знала, что сейчас все мужчины бросятся спасать скот, но в ее представлении это было совершенно нормальным. К тому же она вполне могла позаботиться о себе.

Взяв личные вещи, немного своей одежды и того, что она успела приготовить для будущего ребенка, а также подаренную Арни шкатулку, Надин выскочила в коридор. Кто-то из мужчин пронесся мимо нее, едва не сбив с ног и даже не извинившись, но она не обратила на это внимания.

Из дальнего конца дома доносились стук и крики. Надин поняла, что это Эвиан.

Пройдя по коридору, молодая женщина остановилась возле комнаты своей мачехи. Здесь было полно дыма, и она сразу начала кашлять. У нее не было ключа, и она не знала, есть ли запасной, а если есть, у кого он хранится. Как бы Надин ни ненавидела эту девушку, нельзя было допустить, чтобы та сгорела заживо.

— Эвиан! Подожди! Я сейчас попытаюсь найти ключ!

Стук прекратился. Из комнаты не доносилось ни звука. Подождав несколько секунд, Надин побежала назад.

— Вы в порядке, мисс? — спросила Энни, появляясь в коридоре с большим узлом в руках.

— Да. У тебя нет ключа от комнаты мисс Эвиан?

— Нет, мисс Надин. Когда я туда заходила…

— Я поняла, Энни. Иди на улицу. Я сейчас.

Она остановила первого попавшегося ковбоя.

— Надо выбить дверь в комнате мисс Эвиан!

Парень посмотрел на нее так, будто ему предлагали совершить преступление.

— Да, но…

Надин дернула его за рукав.

— Скорее, иначе она сгорит заживо!

Ковбой рвал на себя дверь, но она не поддавалась. Тогда Надин принесла два топора, и они вместе рубили непокорное дерево. Наконец доски треснули, образовался проем, и дальше дело пошло легче.

Эвиан выскочила из комнаты, будто вырвавшийся из клетки зверь, отшвырнула Надин в сторону и унеслась в темноту. Ее подсвеченные пламенем волосы развевались за спиной, словно огненная грива, а глаза были как у обезумевшей лошади. Надин заметила, что при ней нет ни сундучка, ни узла: как и прежде, она убегала в чем была. Ничто не привязывало ее ни к этому

дому, ни к этой земле.

В усадьбе распоряжался Арни. На сей раз некому было назначать его главным, просто он сразу понял, самое важное — это не допустить паники. Как ни странно, его слушались. И он тоже слушал тех, кто мог дать дельный совет.

Пространство вокруг дома тонуло в низком дыму. Огонь бежал по земле, словно выискивая для себя пропитание и легко преодолевая препятствия. Там, где падала искра, вскоре вспыхивало пламя.

Выпущенные из загона лошади были такими увертливыми и нервными, что их не удавалось поймать. Взбудораженные запахом дыма овцы бестолково тыкались мордами в изгородь, и ковбои чуть не пинками выгоняли их в проем. Другие мужчины рубили ближайшие к дому деревья, третьи выстроились в цепочку и передавали друг другу ведра с водой.

Надин бросилась в хлев к любимым коровам и вывела их наружу, испуганных и мычащих.

То ли все, кто воевал с пожаром, действовали быстро, то ли хорошо соображали и были на редкость храбры, но в огне не погибло ни одно животное. Строения тоже пострадали несильно.

Выгоревшая прошлогодняя трава выглядела

заброшенной и жалкой. Глянув на нее утром, Надин подумала о том, что надо как можно скорее убрать весь мусор на случай, если случится второй пожар, и только тогда задала себе вопрос, почему это произошло. Неведомо откуда прилетевшая искра? Но отец строго-настрого запрещал работникам курить в пределах усадьбы, все печи и дымоходы постоянно проверялись. Поджог? Если да, кому и зачем это было нужно?

Все люди, кроме тех, что уехали с ее отцом, оставались на ранчо. Отсутствовала только Эвиан. Ее никто не искал, потому что некому было отдать такое распоряжение.

— Значит, это ты выпустила ее из комнаты? — спросил Арни, когда они с Надин сидели в столовой вдвоем, как хозяева.

В этом случае Арни обычно ощущал себя стесненным и смущенным, тогда как Надин нравились такие моменты. Она всегда удивлялась тому, насколько освобождается пространство в отсутствие всего одного человека. Ее отца.

— Да. Она стучала и кричала. Ключа не было. Я позвала работника, и мы вместе вырубили дверь.

Арни посмотрел на жену с удивлением и восхищением. Что ни говори, Надин умела принимать

решения и противостоять неожиданным трудностям. В подобные минуты он никогда не жалел, что женился на ней.

И он, и она были созданы для размеренной, неспешной, небогатой событиями жизни. Оба любили очарование уединенных озер и густых лесов, тайны беспредельных пространств и далеких гор.

Арни понимал, что многие молодые особы, попади они на пусть и большое, но затерянное в глуши ранчо, умерли бы от тоски, но Надин никогда не скучала. Возможно, она не ведала ничего, кроме мелких будничных радостей и печалей, и с недоверием относилась к тому, что выходило за рамки привычного, но он и сам был таким.

— Эвиан понеслась во тьму очертя голову. Мне почудилось, что она сошла с ума, — добавила Надин.

— От испуга?

— Вряд ли.

— Что ж, — Арни сделал паузу, — она столько времени просидела взаперти, что… — И снова умолк.

— Ты будешь ее искать?

— Я? Нет. Я не имею права, — ответил он, не глядя в глаза Надин.

— А если с ней что-то случилось?

— Думаю, она побежала к Зане.

— Было темно. Как она нашла дорогу?

— Говорят, страдающий от жажды способен учуять воду за много миль, — задумчиво произнес Арни, а после спросил: — Ты волнуешься за нее?

— Нисколько, — равнодушно ответила Надин, но было видно, что это не совсем так.

Джозеф Иверс вернулся домой на следующий день, и ему тут же сообщили о том, что произошло. Прежде всего он поблагодарил Арни:

— Ты хорошо справился! Можно сказать, рисковал жизнью, чтобы сохранить мои владения.

— Я спасал животных, — уклончиво произнес молодой человек, — и вообще меня разбудила Надин.

— Это одно и то же, — заметил Джозеф, проигнорировав фразу насчет Надин. — Никто не пострадал?

— Все живы.

— Почему начался пожар?

— Этого я не знаю, — сказал Арни, хотя, осмотрев дом и двор, успел сделать кое-какие выводы.

— Что ж, всякое случается. Моя жена под замком? — как бы между прочим поинтересовался Джозеф и получил ответ:

— Она убежала.

Глаза Иверса потемнели, и он еле удержался от того, чтобы не схватить зятя за грудки.

— То есть как убежала?! Где она? Почему ее не ищут?

— Мне казалось, я не вправе отдавать такие распоряжения, — твердо произнес Арни.

— То есть ты спас мою скотину, а моя жена пусть пропадет в лесу или снова с кем-то сбежит?! — закричал Иверс и занес руку для удара, но Арни перехватил ее.

— Никогда не делайте этого, сэр, — тихо сказал он, и его неожиданное ледяное спокойствие оказалось сильнее гнева Иверса.

Какое-то время Арни не разжимал пальцы, но потом ослабил хватку, и рука Джозефа бессильно повисла.

— Что ж, я найду ее, — злоба Иверса обернулась привычной усмешкой, в которой сквозило превосходство. — Никто не сможет уйти от меня!

Арни знал, что это правда.

Оба не ошиблись: Эвиан прибежала в хижину Заны, точнее, сами ноги привели ее туда.

Старуха не удивилась появлению девушки. Как всегда индианка сидела в окружении вещей, за которые никто не дал бы даже нескольких цен-

тов, но в которых она нуждалась, как в воздухе. Единственным имеющим денежную ценность предметом в ее хижине была винтовка в чехле из оленьей кожи.

— Ты зря это сделала! — с ходу заявила Зана.

— Что?

— Подожгла усадьбу.

— Почему я?

— Ты прибежала с той стороны, откуда идет дым, и от тебя пахнет гарью. Ты позволила горю отравить твою душу. Ты хочешь, чтобы по твоей воле в этот край пришла смерть? Ты ничего не понимаешь. Если загорится лес, в нем погибнет много животных!

— Но ведь ты стреляешь в зверей! — с некоторым вызовом заявила Эвиан, покосившись на винтовку, которую Зана время от времени поглаживала, будто та была живой, хотя на самом деле представляла собой орудие смерти.

Взяв в рот черенок неизменной трубки, индианка глубоко, с наслаждением затянулась и, медленно выдохнув дым, сказала:

— Моя жизнь целиком зависит от запасов дичи в этом лесу. Если ее останется мало, я ни за что не стану убивать и мне придется уйти отсюда, то есть умереть.

— Я устроила пожар, чтобы вырваться к тебе, — призналась Эвиан, — и единственное, что меня сейчас волнует, это то, что происходит внутри. Я имею в виду не душу, а… Ты видишь?

— Конечно, вижу. Но там… тоже душа, — промолвила Зана, покосившись на ее заметно увеличившийся живот.

— Это еще не душа. Это плод. Избавь меня от него!

— Я не умею этого делать, да к тому же уже поздно. Тот, кого ты встретила на оленьей тропе, может быть отцом ребенка?

— Может.

— А Джо?

При звуке этого имени Эвиан содрогнулась.

— Тоже.

— Он знает?

— Он очень редко заходит ко мне, и я делала все, чтобы он не заметил. А остальные… не обратили внимания.

— Тебе никого не жаль, — заметила Зана, — никого, кроме себя.

— Разве ты кого-то жалеешь? Не ты ли сделала Иверса хозяином этих мест?!

— Тогда у меня не было выбора.

— Пойми, — взмолилась Эвиан, — если это

ребенок Кларенса, мой… муж возненавидит его, а если это порождение Иверса, тогда его возненавижу я!

— Смирись, — жестко произнесла Зана. — Я знаю, смириться порой бывает труднее, чем восстать, хотя люди думают наоборот.

— И жди?! — Эвиан почти кричала. — Ты велела мне ждать, и я дождалась… чего?! Это все равно что показать сидящему в темнице свет и тут же выжечь ему глаза!

Индианка молчала.

— Скажи, — бессильно промолвила Эвиан, протянув руки и словно пытаясь что-то поймать, — Кларенс жив? Если да, я согласна терпеть и дальше.

Зана долго смотрела в огонь, из которого ветер, казалось, вырывал куски пламени, потом ответила:

— Он жив. И ему дана определенная сила, только он может направить ее не туда, куда надо. И это причинит ему большие неприятности.

За долгое время Эвиан привыкла выхватывать из речи старухи только то, что хотела услышать.

— Мы встретимся?!

— Второй раз ты повстречаешь свою судьбу на другой дороге, той, что сделана из железа. Ее

построили маленькие желтолицые люди. У них было гораздо больше выносливости, чем у белых, которые привыкли хвастаться своей силой.

— Когда это случится?

Зана пожала плечами.

— Я не управляю временем. Быстрее всего оно проходит во сне, так что ложись и спи. Главное проснуться именно тогда, когда нужно.

С этими словами индианка уложила девушку на оленьи шкуры и ими же укрыла ее. А потом долго сидела у входа, дымя своей трубкой и глядя на звезды над головой.

Хотя Эвиан проснулась рано, ей показалось, что она никогда еще так хорошо не спала. На вершинах гор лежал белоснежный туман, а сами они напоминали средневековые замки. В лесу было тихо. Прошлогоднюю траву покрывали белые кристаллики инея, которые вскоре растопит солнце, уже позолотившее верхушки елей. Хотя зима отчаянно боролась с весной, ее время прошло.

Оттого что в воздухе не было ни малейшего ветерка, дым от разведенного Заной костра поднимался вверх прямой струей. Старуха заварила в котелке какие-то травы. Эвиан подумала, что напиток будет горьким, но он отдавал приятной

кислинкой и свежестью.

Едва она успела пригубить напиток, как Зана привстала со своих шкур и понюхала воздух.

— Что? — встрепенулась Эвиан.

— Говорят, волк способен учуять запах стали капкана, а красная белка распознает отравленную приманку с нескольких шагов, — пробормотала Зана.

Молодая женщина все поняла.

— Сюда едет Иверс!

Она вскочила, намереваясь броситься в лес, но индианка схватила ее за руку.

— Тебе некуда бежать! Не бойся. Иди в хижину. А главное запомни: все, что я скажу, я скажу лишь для него! Ты будешь вправе сама распорядиться тем, что имеешь.

Соскочив с коня, Джозеф Иверс бросился к хижине, на ходу расшвыривая какие-то предметы. Его лицо выглядело спокойным, глаза смотрели настороженно и зорко, и вместе с тем он вел себя, как безумный. Сокрушил деревянные рамки, на которые Зана натягивала шкуры, а потом в ярости подступился к ней самой.

— Ты снова ее укрываешь?!

— Я не имею привычки прогонять тех, кто пришел ко мне в гости, — сухо произнесла старуха.

— Где она?

Эвиан появилась на пороге хижины. Ее лицо было бледным, почти восковым, под глазами лежали тени, а тонкие руки были перевиты голубыми венами. Она стояла перед ним в одном платье, и Иверс наконец заметил то, что должен был увидеть уже давно.

— Ты!.. — он схватил ее за запястье и притянул к себе. — Так ты еще и…

Его лицо оказалось очень близко, но Эвиан даже не вздрогнула.

Джозеф занес ногу, намереваясь нанести удар в живот своей жены, но между ним и женщиной встала Зана.

По сравнению с Иверсом и даже с Эвиан она казалась удивительно маленькой, но от нее исходила странная сила.

— Ты хочешь уничтожить свою собственную плоть?

— Она не моя!

— Разве я когда-нибудь обманывала тебя?

Его лицо исказилось.

— Все предсказанное тобой обернулось полным дерьмом!

— Я могу рассказать людям о том, что случится в их жизни, но я не в силах угадать, принесут

ли эти события счастье или несчастье. Ты хотел эту девушку и получил. Ты желал иметь сына, и у тебя будет сын. Просто ты слишком много грешил, Джо, потому река твоей жизни не может быть светлой и чистой.

— С каких это пор ты заговорила о грехе!

— Для меня не существует греха, — невозмутимо ответила индианка, — но ведь именно так говорит ваш Бог.

Джозеф забрал Эвиан на ранчо, не сказав ей ни слова и не причинив физического вреда. Хотя она не стала пользоваться большей свободой, но что-то словно отпустило ее внутри, она получила силы для нового ожидания.

Иногда она видела в окно Надин, на губах которой играла легкая улыбка, а лицо выражало, на первый взгляд, скрытую, а на самом деле хорошо заметную радость. Казалось, молодая женщина прислушивается к чему-то, чего другим ощутить не дано.

С ней самой все было совсем не так, потому, когда однажды Надин подняла голову и встретилась с ней глазами, Эвиан быстро задернула занавеску.

В начале весны приехал мистер Уиллис, владелец ранчо «Синяя гора». Он был рад, что в его

владениях все в порядке, и несказанно удивился произошедшим переменам. С уважением пожал руку Арни и долго беседовал с Джозефом Иверсом.

А потом наступило время, которого ждали все, время клеймения молодого скота.

На самом деле в этой привычной для ковбоев работе не было ничего веселого. В воздухе разносился запах паленой шерсти и кожи, раздавалось хриплое мычание бычков, и слышалась беспощадная ругань мужчин.

Не так-то просто было накинуть лассо на брыкавшихся животных и подтащить их к костру, где ждал кузнец с раскаленным железным клеймом. Надо было повалить животных, прижать их к земле, связать им ноги да еще и удерживать на месте, пока ставилось тавро и делались надрезы на ушах. После телят наконец отпускали к маткам.

Когда эта, длившаяся не один день работа была закончена, обычно организовывался большой праздник с горой лепешек и мяса и хорошей выпивкой. Именно его и ждали ковбои. Следующее гуляние могло состояться не раньше осени, когда трехлетних бычков перегоняли на железную дорогу для продажи.

Как правило, богатые члены Ассоциации скотоводов Вайоминга отмечали этот праздник в Шайенне, где устраивались балы, вместе с деловыми партнерами, друзьями и супругами. Джозеф Иверс редко брал свою первую жену с собой, предпочитая держать ее на ранчо: куда приятнее было заигрывать с другими дамами и развлекаться со шлюхами.

Он мечтал щегольнуть, показав приятелям вторую, но она ненавидела его и вела себя как дикарка. Дочь он до поры до времени воспитывал в строгости, а сейчас она (как, впрочем, и Эвиан) была беременна и не могла никуда ехать. Арни, насколько знал Джозеф, предпочтет остаться с Надин, к тому же кто-то должен был присматривать за ковбоями, чтобы они не перепились, не рассорились и не перестреляли друг друга. Потому Иверс отправился в Шайенн без зятя, в компании соседа.

Его отъезду радовались многие, в том числе и Надин. Воспользовавшись случаем, она попросила человека, присматривавшего за комнатой Эвиан, открыть дверь. Надин решила сама принести мачехе праздничное угощение.

То не была попытка примирения. Это можно было расценивать как сочувствие и подспудную

тягу женщины к женщине, находящейся в таком же положении.

Надин ничего не сказала мужу, просто поставила на поднос тарелку с бобами в щедро приправленном пряностями соусе и другую, с кусками сочной, поджаристой говядины, и понесла в комнату мачехи.

Эвиан сидела на стуле. Создавалось впечатление, что она часами проводит время именно так: не спит и не ест, не двигается, а просто смотрит на что-то, видимое лишь ей одной.

— Сегодня праздник, — помолвила Надин с ощущением, будто обращается к пустоте, — и я принесла тебе угощение.

— По приказу твоего отца? — проговорила Эвиан.

Она вложила в последние слова все отвращение, на какое была способна, и Надин это почувствовала.

— Отец уехал в Шайенн. Я рада этому так же, как и ты.

Эвиан скривила губы.

— Не думаю, что у нас с тобой может быть что-то общее.

— Я слышала, — набравшись смелости, продолжила Надин, — что скоро у меня появится

маленький брат или сестра.

— Если б это было так, я бы сказала, что вынашиваю жабу.

Надин судорожно сглотнула. Они с Арни обсуждали это. Ее муж полагал, даже не просто полагал, а был уверен в том, что ребенок — от Кларенса. Однако Надин знала, что Бог может быть безжалостным, а природа допускает ошибки.

— Ты не хочешь поесть?

— Я не приму ничего из твоих рук.

— Ладно, — сказала Надин, со стуком поставив поднос на стол, — я ухожу.

— Это лучшее, что ты можешь сделать! — не глядя на нее, бросила Эвиан.

Надин вышла на крыльцо. В лагере ковбоев (в сезон клеймения бычков богатые ранчеро нанимали дополнительных работников) царило веселье. Стояли огромные котлы с едой, сваренной ею и Энни. Оттуда доносился смех и крики. Там пахло потными телами, табаком и виски.

Арни был вынужден присматривать за ковбоями, но она знала, что он скоро вернется. Вернется к ней.

Надин глубоко вдохнула свежий весенний воздух. Она знала сны этого края, в ней жила его память. Ее мать всегда говорила, что воспоми-

нания куда дороже земных, морских и небесных сокровищ, и Надин чувствовала, что ей будет что вспомнить. Потому что она была любима и сама любила, с каждым днем все сильней и сильней.

Арни пришел после полуночи. Он выпил совсем немного, чтобы в любом случае быть трезвее других.

Надин не ложилась. Обрадованный тем, что она его ждет, Арни обнял ее. Его привлекало тело жены, когда оно было стройным, а сейчас нравились налитые груди и округлый живот, здоровая женская плоть, ожидающая потомства.

Не выдержав, молодая женщина рассказала про Эвиан, и Арни ответил:

— Жизнь обошлась с ней слишком сурово. Но я думаю, ее тоже ждет радость. Я уверен, что Эвиан носит ребенка от Кларенса, и когда он родится, я сделаю все, чтобы его защитить.

Глава четырнадцатая

Надин трудилась на сеновале, когда почувствовала первые схватки. Воздух был пронизан солнечными лучами, в которых плясали пылинки, ноздри щекотал аромат свежескошенной травы, а из хлева тянуло сладковатым запахом навоза.

Надин не слушала и не слышала ничего, кроме того, что происходило внутри. Пока ей не было страшно, она просто не знала, что делать. Почему-то до сего момента ей не приходило в голову, кто, собственно, ей поможет. А кто помогал матери, когда она рожала? Надин никогда не спрашивала Кортни об этом, как и о том, почему все ее братья и сестры умерли.

Ее ребенок спешил появиться на свет: по подсчетам Надин это должно было случиться больше чем через месяц. Или она ошиблась со сроками? Ведь она была всего лишь неопытной молодой женщиной, выросшей на уединенном ранчо.

Надин пошла к Энни, но та испугалась. Она всю жизнь возилась с кастрюлями и горшками и не умела принимать роды.

— Зана, — сразу решил Арни, когда жена призналась ему, что у нее начались схватки, — я съезжу за ней!

Стоило ему отправиться на конюшню седлать лошадь, как его остановил Иверс.

— Куда это ты собрался?

— Поеду за Заной. Надин рожает, ей нужна помощь.

— Уже?

— Да. Надин думала, что это случится не раньше, чем через месяц, но, видимо, тут ничего нельзя предугадать.

Иверс задумался. Было видно, как он что-то прикидывает. Арни догадался, что тесть думает про Эвиан и ее ребенка.

— Сама справится. Что это за женщина, которая не в состоянии родить?

Арни бросил на Иверса непонимающий взгляд.

— Почему вы против того, чтобы я привез индианку?

— Я не против, просто Зана никогда не покидает лес. Она не поедет на ранчо ни ради тебя, ни ради меня, ни ради Надин и ее младенца.

— Думаю, стоит попытаться ее уговорить.

— Даже я не мог этого сделать, когда моя жена

теряла детей!

У Иверса было мрачное, можно сказать, страшное лицо. По-видимому, он знал что-то, чего не знал Арни.

— Все-таки я постараюсь привезти Зану.

Иверс пожал плечами.

— Попробуй.

Надин стонала на кровати. Испуганная Энни суетилась вокруг нее, не зная, что делать. Войдя к жене, Арни приложил воистину героические усилия для того, чтобы скрыть свои чувства и казаться спокойным. Он сказал, что привезет Зану, раз уж в округе нет других женщин, способных помочь роженице.

— Возвращайся скорее! — прошептала Надин, и он увидел, что ее сердце терзает страх.

Жеребец, которого выбрал Арни, был норовистым, он фыркал и старался закусить удила. Зато он был самым быстрым скакуном в «Райской стране», и Арни решительно направил его вперед.

Когда они оказались на открытом пространстве, бег лошади выровнялся, хвост и грива словно поплыли по ветру.

Теплый, даже жаркий воздух был полон запахов земли и травы, переливавшейся под солнцем

от края до края небес. Вокруг простирался Вайоминг — зубчатые горные вершины, безбрежные травяные поля и редкие дороги, по которым передвигались окутанные желтой пылью, подгоняемые гуртовщиками стада. В таком устойчивом мире можно прожить много счастливых и незаметных лет.

У Арни не было ни малейшего желания путешествовать. Однако он знал: если ему придется потерять жену и еще не родившегося ребенка, он разделит участь скитальцев, напрасно пытавшихся убежать от горя.

Он боялся не застать Зану в хижине; ведь она могла уйти на охоту или отправиться собирать травы, но ему повезло: индианка сидела у входа с неизменной трубкой, пуская колечки дыма, и будто поджидала его.

Арни соскочил с коня.

— Зана, поехали! У Надин начались роды. Это случилось раньше, чем она думала, и теперь…

Он умолк, натолкнувшись на ее сумрачный взгляд. Арни заметил, как сжались коричневые, узловатые, похожие на корни дерева пальцы индианки и напряглось иссохшее тело. Внезапно Арни почудилось, что она невероятно стара, древнее этого леса и этих гор. Вместе с тем у нее

было острое зрение и прямая спина. Кто и почему дал ей все это?

Открыв рот, в котором сохранились почти все зубы, Зана изрекла так твердо, будто давала смертельную клятву:

— Я никуда не поеду.

— Никто не знает, что делать, — вновь заговорил Арни, будто не услышав ее слов, — Надин может умереть. И ребенок тоже.

— Я поняла, что ты сказал. Я никуда не поеду. Если хочешь, можешь привезти свою жену сюда.

— Я не довезу ее! Все уже началось! — вскричал Арни. — Почему ты так бесчувственна, Зана, ведь речь идет о человеческой жизни, двух жизнях!

Индианка глубоко вздохнула, а после произнесла то, чего он никак не ожидал услышать:

— Из-за вас я могу расстаться со своей. Когда-то я уже говорила тебе об этом.

— Все это глупые суеверия! — в сердцах заявил Арни.

Зана поднялась на ноги и выпрямилась. Она смотрела вокруг каким-то новым взглядом, будто никогда прежде не видела могучего, полного зверья леса, хрустальных ручьев и гор, у которых можно научиться молчать и хранить тайны.

— Ты любишь эту землю, Арни? — произнесла

индианка с выражением странной страдальческой мудрости.

— Зачем ты спрашиваешь?

— Что-нибудь может заставить тебя покинуть ее?

— Только смерть. Но если умрут Надин и ребенок, я навсегда уйду отсюда.

Зана подошла к лошади и на секунду положила руку ей на морду, а потом поставила ногу в стремя и легко, будто ей было лет на тридцать меньше, чем на самом деле, вскочила в седло.

Появление индианки вызвало переполох в усадьбе. Когда она в своем пестром платке, из-под которого струились седые волосы, одежде из оленьих шкур и расшитых бисером мокасинах шла по двору, все глазели на нее, как на диковинное существо.

Джозеф Иверс вышел навстречу.

— Ты пришла?! — выдохнул он. — Но ведь ты…

— Ничто не длится вечно. Сегодня моя клятва из камня превратилась в труху.

Зана прошла к Надин, и та впервые увидела эту старую индианку с суровым лицом и немигающим взглядом. Арни рассказывал, что Зана никогда не улыбается, и, похоже, это была правда. Но когда она заговорила, в ее голосе звучала

теплота:

— Я давно говорила Джо: зачем тебе сын, если у тебя есть дочь, почти такая же выносливая, как наши женщины!

Она принялась ощупывать тело Надин, и той казалось, что эти прикосновения необыкновенно успокаивают и в то же время бодрят. От Заны пахло дымом, мокрой древесной корой и какими-то травами.

Арни сидел на крыльце. Всплески надежды перемежались с минутами горестного оцепенения. Он вспоминал, сколько младенцев в его поселке обычно умирало и сколько выживало. Перевес был явно на стороне смерти.

— Смотри! — раздалось за спиной. — Отныне этот мир принадлежит тебе, а ты принадлежишь ему!

Зана держала на руках ребенка, мальчика. Он был небольшим, но крепким, без каких-либо признаков недоношенности.

Арни замер от изумления, а индианка что-то говорила ребенку с таким видом, будто он мог ее понять.

Потом она сказала:

— Возьми! — И передала мальчика Арни.

Тот осторожно принял ребенка и смотрел на

него с изумлением, еще не осознавая, что стал отцом. Маленькое личико, теплое тельце. Чистый лист, на котором жизнь станет писать и писать все новые и новые строки!

Переведя взгляд на Зану, Арни вдруг заметил, что перед ним безмерно старая, надломленная жизнью женщина. Рядом находились два существа, одно из которых впервые увидело мир, а второе бросало на него последний прощальный взгляд.

Молодой человек мотнул головой, словно отгоняя предчувствия. На крыльце появился Джозеф Иверс.

— Твой внук, — сообщила Зана, — один из будущих хозяев этой земли.

Есть минуты, в которые даже у самых жестких существ размякает сердце. По губам Иверса скользнула улыбка, а глаза озарила радость.

— Ты молодец, викинг! — сказал он Арни. — Ты знал, как меня порадовать!

— За это надо благодарить не меня, а Надин, — сказал Арни и повернулся к Зане: — Как она?

— Хорошо, — ответила индианка, — отнеси ей ребенка. Он должен быть с ней.

— До поры до времени, — проворчал Иверс.

— Как мне отблагодарить тебя? — спросил Ар-

ни у Заны.

— Теперь у меня есть все, что нужно. Отвези меня в лес, в мою хижину. Я устала и хочу прилечь.

Арни вновь посетило плохое предчувствие, но он ничего не сказал. Сгорая от желания увидеть Надин, он вошел в дом.

Она лежала измученная, но полная тихой радости. На мгновение Арни почудилось, будто Надин куда глубже воспринимает то, что произошло, тогда как он способен вести себя лишь как участливый свидетель.

Осторожно положив ребенка у изголовья жены, он взял ее за руку.

— Спасибо!

Надин счастливо улыбнулась.

— Как мы его назовем?

— Эрик. Так звали моего отца.

— А еще мы, наверное, должны навестить твою мать. Она обрадуется, увидев внука.

Кивнув, Арни подумал о том, что неплохо было бы вновь привезти Ирме подарки и деньги.

Когда он собрался уходить, Надин попросила:

— Пожалуйста, поблагодари Зану. Без нее я бы не справилась. Она приглашала меня к себе. Обещала показать травы и научить разбираться в них.

Арни растерялся.

— Тебя? К ней всегда ходила Эвиан.

— Эвиан ходила не за этим. Она горожанка, и ей никогда по-настоящему не понять природу.

— Что ж, я рад, если ты подружишься с Заной. А сейчас я должен отвезти ее обратно в лес.

Нежно поцеловав жену и осторожно — сына, Арни почувствовал, насколько полнее стала его жизнь.

Когда он привез Зану к ее хижине, индианка предложила ему немного передохнуть. Арни и самому хотелось с ней поговорить, в основном о том, с чего она решила, будто ей нельзя выходить из леса.

Когда он задал вопрос, на ее скуластом, покрытом морщинами лице ничего не отразилось, однако она сказала:

— Ты никогда не задумывался о том, что растения могут существовать без человека, а человек без них — нет? И все же именно человек сокрушает и губит природу, а не наоборот. Я пришла сюда, когда обрела силу. Это случилось, потому что случилось: я не искала ее и не желала этого. Мне пришлось научиться ценить ее, а также мириться и жить с ней. Далеко не все я постигла сама, у меня были наставники — здешние духи.

Они велели мне никогда не покидать лес. Если я выйду из него, сила уйдет из меня. Она отправится гулять по свету, а я… я умру.

Арни вздрогнул.

— Мне кажется, это сказки.

— Не думаю. Впрочем, посмотрим, — как бы вскользь заметила индианка.

— Я давно хотел спросить тебя о Джозефе Иверсе.

Зана кивнула.

— Я просто использовала его в своих целях. Когда он находился на грани жизни и смерти, мы заключили договор: такие клятвы обычно не нарушаются. Джо скупил эти земли, прогнал нарушителей лесных границ, не пахал, не сеял и не пас скот там, где я не велела. У него были свои желания, и они исполнились, хотя я и предупреждала о том, что человеку случается бежать от того, что он некогда хотел получить. Иди к своей жене и сыну, Арни, — ты им нужен. Обещай любить эту землю и сохранить этот лес. Они отплатят тебе сторицей.

— После того, что ты мне наговорила, я боюсь оставлять тебя одну!

— Не бойся. Я еще сильна. Когда Надин встанет с постели, пришли ее ко мне.

— Она сказала, что ты будешь ее учить.

— Я попробую, хотя я никогда не думала, что моей преемницей станет белая женщина.

Летние дни были прекрасны: листва переливалась изумрудным светом, и небо казалось огромным синим оком, окруженным острыми ресницами сосен.

С рождением ребенка в Надин появилось что-то новое, некая по-особенному взывающая к жизни сила. Теперь она всегда просыпалась не просто с радостью, а с неуемной энергией, заставлявшей ее работать не покладая рук.

Надин с удовольствием навещала Зану. Пока старуха беседовала с ней, Эрик лежал на одеяле, нередко — разметав пеленки. Молодой женщине нравилось, что ее сын с младенчества вдыхает запахи леса. Он казался на редкость здоровым и крепким.

Зана рассказывала, что простуду лечат дудником, зубровкой и бергамотом, головную боль — корнем ольхи, при болезнях суставов применяют лопух, а раны врачуют тысячелистником, женьшенем и припарками из паутины. Молодой женщине приходилось внимательно рассматривать каждую траву, потому что старуха называла растения иными словами, чем белые люди.

Надин втайне гордилась тем, что индианка выбрала в ученицы именно ее, а не Эвиан. Да и какой мог быть толк от этой горожанки, которая и палец о палец не ударила, живя на ранчо!

Зана говорила много толковых вещей, а еще больше — непонятных. Надин старалась вникать во все. У нее была хорошая память, а также много трудолюбия и старания. А еще она любила все живое.

Однажды, проходя мимо комнаты, где томилась Эвиан, Надин услышала стоны.

— Давно это началось? — спросила она охранника, лениво сидящего у стены.

— Четверть часа назад.

Надин закусила губу. Выйдя на улицу, она остановила одного из ковбоев и попросила его разыскать Джозефа Иверса, а подумав, решила, что стоит послать и за Арни.

Ее муж появился первым. Выслушав Надин, он сразу сказал:

— Я привезу Зану. Она не откажет. А ты пошли за отцом.

— Уже послала.

— Ты пойдешь к Эвиан? — в голосе Арни звучали просительные нотки.

— Пойду. Если мне откроют дверь.

— Я разберусь с этим. Побудь с ней, пока я съезжу за индианкой.

Надин не без страха вошла в комнату. Эвиан лежала на кровати под черной вязаной шалью, и в этом было что-то зловещее. Вероятно, она мучилась уже давно, потому что в ее лице не было ни кровинки. Молодая женщина отметила, что в облике Эвиан были только два цвета — черный и белый. Она прерывисто дышала и смотрела на Надин помутневшим взглядом. Мачеха страдала, но страдала словно бы с каким-то безразличием: похоже, ей было все равно, что будет с ребенком и с ней самой.

Надин не успела ничего сказать, как в комнату вошел, вернее, ворвался ее отец.

Некоторое время он глядел на Эвиан, будто что-то прикидывая, потом бросил дочери:

— Какого дьявола ты тут делаешь?

— Эвиан нуждается в помощи. Арни отправился за Заной; думаю, она согласится прийти.

Вопреки ее ожиданиям, отец злобно произнес:

— Это не мой ребенок, потому происходящее меня не касается. Делайте, что хотите, я отправляюсь на пастбище.

Когда отец ушел, Надин тихонько присела на стул. Вспоминая все то, что ей было известно о

появлении на свет потомства (включая собственные роды и роды у животных), она понимала: что-то идет не так.

Она пыталась задать Эвиан вопросы, но та не отвечала. Откинув шаль, Надин ощупала ее тело. Эвиан не сопротивлялась и не мешала ей. Было видно, что она изо всех сил старается сдержать стоны, но порой они все же прорывались сквозь плотно сжатые губы.

Надин знала, что, случается, овца не может разродиться из-за неправильного положения плода. Молодой женщине доводилось запускать руки в жаркое склизкое нутро страдающего животного и исправлять положение еще не родившегося существа. Она знала, что ковбои обладают в этом смысле куда большими знаниями и опытом, но она не могла впустить сюда мужчин, да они и сами наотрез отказались бы входить в комнату хозяйской жены.

Время шло, и Надин не могла понять, куда запропастился Арни. Ей казалось, что он должен был приехать давным-давно. Молодая женщина велела кухарке поставить воду на огонь, а сама с тревогой размышляла, что делать.

Услышав стук копыт, она бросилась на крыльцо. Арни спрыгнул с коня. Он был один, и на нем

не было лица.

— Где Зана?! — воскликнула Надин.

Арни на мгновенье задумался, потом тяжело проронил:

— Она не может приехать. Как Эвиан?

— Ей все хуже и хуже. Ребенок не выходит. Отец сказал, что ему на все наплевать, и уехал.

— А если ей поможешь… ты?

— Я могу попытаться… вдвоем с тобой.

Он отшатнулся.

— Со мной?!

— Ты принимал роды у коров?

— Да, но… Ведь это человек! Женщина! И я… я не врач! Какое я имею право…

— Я не сумею сделать это одна, — твердо произнесла Надин.

— Но что скажет твой отец?!

— Он уже сказал, что ему все равно.

— Ладно, я попытаюсь, — выдохнул Арни и неожиданно добавил: — Ради Кларенса.

Надин казалось, будто за нее думают и чувствуют ее руки, но не она сама. К ее удивлению и облегчению, Арни действовал очень спокойно и четко. Он сразу взял на себя всю ответственность за происходящее, хотя ему приходилось полагаться лишь на свои скромные познания и

интуицию.

Лицо Эвиан, обрамленное густыми, цвета воронова крыла волосами, было прозрачно-бледным. Едва ли она понимала то, что ей говорили. Ее поглотили волны боли, отчаяния и неверия. Она казалась безучастной к тому, что делали окружавшие ее люди. Появление Арни и прикосновения его рук в самых интимных местах не произвели на нее никакого впечатления. Будто она лишилась и стыда, и страха смерти.

Когда на свет показалось маленькое гладкое тельце, Надин ловко подхватила его. Это был мальчик, он был жив и дышал, потому что спустя секунду воздух прорезал тоненький крик.

Надин засмеялась сквозь слезы. От усилий они с Арии были такими мокрыми, будто попали под дождь.

Эвиан лежала неподвижно, ни на что не реагируя. Ее лицо распухло, а губы были искусаны до крови. Надин видела, чего стоило мачехе рождение сына.

Неожиданно ей на ум пришли слова, которые она и произнесла вслух:

— Ты сказала, что ничего не возьмешь из моих рук. Но, надеюсь, ты согласишься принять ребенка?

Она боялась, что Эвиан откажется, но та протянула дрожащие слабые руки и взяла мальчика.

— Теперь я могу идти? — спросил Арни. — С остальным ты справишься?

— Думаю, да.

Когда спустя полчаса Надин вышла на крыльцо, она увидела, что Арни сидит с потерянным и мрачным видом.

— Все хорошо, — сказала она, — Эвиан уснула. Кажется, у нее нет молока, но у меня хватит на двоих.

Поднявшись, Арни взял жену за руки.

— Зана умерла, — сказал он, заглянув ей в глаза.

Надин ахнула.

— Не может быть!

— Все люди смертны. Я нашел ее в хижине. Она будто прилегла отдохнуть и… не проснулась.

— Какое несчастье! Надо ее похоронить.

— Я сделаю это. Думаю, зарыть ее рядом с хижиной. Пусть она навсегда останется в своем лесу.

Джозеф Иверс вернулся через несколько часов. Хотя он ни о чем не спрашивал, Надин рассказала ему, как обстоят дела, и он нехотя вошел к Эвиан.

Она была так измучена, что, к счастью, не

проснулась. Иверс уставился на ребенка. Он смотрел на него сосредоточенно и долго, но, похоже, ничего не мог прочитать на этом маленьком личике.

Надин молча стояла рядом с отцом. Она не смела произнести слова поздравления. Молодая женщина улавливала в облике младенца сходство с Эвиан, но не могла сказать, кто был его отцом.

Иверс резко повернулся и вышел за дверь, не сделав попытки взять ребенка на руки и не проронив ни слова.

Прошло три недели. После того, как Эвиан поднялась с постели, ее выпустили на волю. Вероятно, Иверс решил, что с младенцем она никуда не убежит. Кормила ребенка Надин. Джозеф иногда заходил взглянуть на мальчика, однако будучи не в силах решить единственную важную задачу, быстро и молча покидал комнату.

Зана обрела вечный покой в своем лесу. Ее винтовку Арни принес в «Райскую страну», а остальное оставил в хижине.

— Что мне с ней делать? — спросил он, протягивая оружие Джозефу Иверсу.

Тот окинул зятя сумрачным взглядом. Иверс не был похож на человека, верящего в предска-

зания.

— Она нужна тебе?

— Да, — ответил Арни, подумав, что винтовка могла бы послужить памятью об индианке.

— Тогда возьми.

— Спасибо, — ответил Арни и бережно погладил оружие.

Надин и Эвиан не разговаривали между собой. Первая просто приходила и забирала ребенка, а покормив, приносила обратно. Она делала это не ради Эвиан, а ради крохотного беспомощного существа.

Но как-то раз, когда Надин хлопотала на кухне, дверь открылась, и появилась мачеха с младенцем на руках.

Надин удивилась: прежде та никогда не входила в кухню. Но теперь Эвиан стояла на пороге и смотрела на Надин своими большими, темными, миндалевидными глазами, какие были и у ее сына.

Надин вытерла руки о фартук. Ее лицо пылало оттого, что она долго стояла у плиты. В большом котле варилось яблочное повидло, густое, золотисто-коричневое от сахара и специй.

— Я хотела поговорить с тобой, — сказала Эвиан. — Думаю, мы должны сходить на могилу

Заны. Ты и я.

— Вдвоем?

— С детьми.

— Хорошо, — растерянно произнесла Надин, оглянувшись на Эрика, который лежал в колыбели в углу кухни.

— Здесь жарко, — промолвила Эвиан. — Я могу взять твоего сына и выйти во двор. Пусть подышит воздухом.

Надин кивнула.

— Я никогда не любила готовить, — добавила Эвиан. — Зато умела шить. Я не позаботилась о приданом для ребенка и хочу заняться этим.

Надин радостно улыбнулась.

— Материю можно купить в Шайенне. Кстати, надо окрестить детей. Как ты назовешь своего сына?

— Дункан, — ответила Эвиан, и Надин отметила, что такого имени не было в их роду.

— Моего зовут Эрик.

— Я благодарна тебе и… твоему мужу, — сказала Эвиан, и Надин с доброжелательностью ответила:

— Мы очень рады, что все хорошо закончилось!

— Ты и сейчас спасаешь моего сына, кормя его

своим молоком.

— Мне приятно думать, что Эрик и Дункан будут молочными братьями и, возможно, подружатся, потому что в округе нет других детей.

— Да, — кивнула Эвиан.

Лед был сломан. На следующий день они отправились к хижине Заны, рядом с которой высился небольшой холмик, и положили на него цветы. Надин рассказала Эвиан о травах. Все растения так или иначе полезны для человека. Одни поддерживают жизнь, другие лечат, третьи дарят красоту. Зана знала множество способов применения лекарственных растений, в том числе и таких, какие белые люди назвали бы колдовскими.

— Ты научишь меня тому, что тебе успела передать Зана? Вдруг пригодится?

— Конечно.

Молодые женщины немного постояли под деревьями, думая о том, сохранится ли здесь тот неповторимый дух, какой существовал при жизни индианки.

На обратном пути Надин немного рассказала Эвиан о своей матери, которая не была счастлива в браке. В свою очередь, Эвиан вспомнила Фиону и поведала о том, как они жили вдвоем в Шай-

енне и что произошло потом.

Надин слышала эту историю от Арни, но гораздо важнее было узнать все из первых уст. Эвиан призналась, что когда-то примерила платье, которое потом увидела на Надин; это произвело на последнюю очень сильное впечатление. Она сказала, что сочувствовала Эвиан с первой минуты и никогда по-настоящему не желала ей зла.

Надин думала о том, каково это — ложиться в постель с нелюбимым? Сама она вспыхивала от радости, лишь заслышав во дворе голос Арни или узнав звук его шагов. А когда он ее обнимал, просто млела от счастья.

Вечером, в спальне, она спросила мужа:

— Как ты думаешь, Кларенс будет стремиться увидеться с Эвиан?

Это была болезненная тема. Арни сдержанно ответил, не глядя в лицо жены:

— Я не знаю ни одной причины, которая могла бы ему помешать, если он жив.

— Зана говорила, что он не умер.

— Она говорила много такого, что могло заставить человека жить так, как он живет, и не идти против судьбы.

— Потому что с ней невозможно бороться?

— Потому что в итоге можно получить вовсе не

то, что хочешь.

Глава пятнадцатая

Наступила осень: лес менялся день ото дня. Разноцветье постепенно поглощало зелень, становясь все ярче, растекаясь, словно медленный пожар. Погода стояла сухая и теплая, и хотя в это время года в усадьбе было полно работы, Надин не отказывала себе в удовольствии прогуляться по лесу и полюбоваться падающими листьями.

Иногда Эвиан ходила с ней, а еще они вместе собирали поздние яблоки. Их уродилось столько, что ветки свисали до самой земли. Эвиан никогда не думала, что сможет получать столько удовольствия от поисков плодов в переплетениях света и тени, от прикосновений к ладоням гладких листьев и шершавой коры, а к лицу — теплого и пахучего осеннего ветерка.

Джозеф Иверс, наконец, договорился со своим соседом Уиллисом о покупке его ранчо. Для этого нужно было съездить в Шайенн, к тому же Надин давно говорила, что надо окрестить детей.

Для Эвиан наступило относительно спокойное время. Подружившись со своей взрослой падчерицей, она пришла к выводу, что домашние дела,

мелкие, естественные, отвлекающие заботы могут служить реальной опорой и рассудку, и духу. В руках Надин спорилось любое дело, за которое она бралась; помогать ей или просто наблюдать за нею было большим удовольствием.

Иверс относился к жене с полным безучастием, как к пустому месту. Эвиан испытывала несказанное облегчение от того, что отныне он не посещал ее по ночам. Она почти поверила в то, что так будет всегда.

Когда перед отъездом в Шайенн Иверс неожиданно зашел к ней, молодая женщина застыла в напряженной позе, и только ее рука, державшая гребень, слегка задрожала.

— Сколько времени это будет продолжаться? — резко произнес Иверс. — Я хочу знать, от кого этот парень? Я не намерен давать свою фамилию ублюдку!

Меньше всего Эвиан желала быть честной с этим человеком, но в данном случае ей ничего не оставалось, как сказать правду:

— Я не знаю.

Иверс подошел к колыбели. Мальчик был черноволосым и темноглазым, но такой была и сама Эвиан. Никто не сумел бы как следует сравнить изящные мелкие черты грудного ребенка с чер-

тами взрослого мужчины.

— Собирайся, — мрачно произнес Иверс, отступая к дверям, — через полчаса выезжаем.

Надин воспринимала это путешествие как настоящее приключение, пусть даже их сопровождал отец (Арни пришлось остаться на ранчо за старшего).

Насколько хватало глаз, простирались необъятные леса. Вокруг лица вился тонкий слой нагретого солнцем воздуха. Еще выше звенели насекомые, а над головой кружили птицы.

Молодая женщина слышала, что где-то там, выше границы леса, пасутся стада снежных коз. Никто не знал, как им удается выживать зимой среди обледенелых утесов и непрерывных метелей. Случалось, Надин замечала этих животных на выступах скал, выше которых можно было увидеть лишь парящих белоголовых орланов.

Ей не хотелось заговаривать с Эвиан в присутствии отца, к тому же она видела, что та чем-то удручена. Сама Надин предвкушала поход по магазинам, а еще она втайне задумала визит к женщине, умеющей делать «городские» прически. Конечно, отец мог воспротивиться, хотя едва ли: ведь она больше не была его собственностью!

Они с Эвиан решили взять няню — одну для двоих детей. На ранчо так будет легче управляться по хозяйству, а в Шайенне это позволит им спокойно и свободно прогуляться по лавкам.

Очутившись в городе, Эвиан рассматривала улицы, дома, женщин с корзинками для покупок так, будто никогда не видела ничего подобного. В Шайенне появилось несколько новеньких черных лакированных кабриолетов, а в остальном все было по-старому: возле салунов толпились ковбои, гордый вид которых не мешал им наниматься на чужие ранчо за миску скверной похлебки в день и десять долларов за сезон; с балконов махали руками проститутки с завитыми волосами и размалеванными лицами.

Когда Джозеф снял в гостинице два, а не три номера, Эвиан похолодела. Он не мог сделать это из экономии, скорее, он думал о другом.

Иверсу надо было наведаться в «Шайенн-клаб», престижный мужской клуб, куда не допускались ни ковбои, ни тем более — женщины, потому он скрепя сердце позволил дочери и жене в одиночку пройтись по магазинам. Надин рассказала Эвиан про парикмахершу. Молодая женщина мечтала сделать прическу в стиле «буфф» или какую-либо другую, соответствовавшую город-

ским вкусам.

Внезапно Эвиан поняла, что смертельно соскучилась по всему модному и красивому. А ведь она знала толк и в фасонах платьев, и в тканях! Батист, шелк, нежный бархат, изящная вышивка — как же она любила все это! Совсем недавно Эвиан ничего не хотелось, а теперь оказалось, что все эти свойственные почти каждой женщине желания и чувства отнюдь не растрачены.

Перво-наперво они наняли няню — молодую девушку, умеющую обращаться с детьми, пообещав, если она справится, взять ее с собой на ранчо и положить хорошее жалованье. А потом отправились за покупками.

Эвиан хорошо помнила, где находится тот или иной магазин или лавка, и наотрез отказалась заходить только к мадам Кристель: ей не хотелось отворять дверь в свою прошлую жизнь.

Надин была возбуждена, она без умолку болтала, потому, в конце концов, Эвиан тоже оживилась, сделалась куда разговорчивее обычного, и временами на ее лице даже появлялась улыбка.

Такими их и увидел Кларенс Хейвуд, выходивший из скобяной лавки.

Прежде ненавидящие друг друга, они шли под ручку и преспокойно болтали. Обе — в городских

платьях и шляпках, оживленные и веселые.

Кларенсу показалось, будто Надин расцвела изнутри, а Эвиан по-прежнему поразительно красива, но при этом выглядит гораздо живее. В ее судьбе, безусловно, произошли перемены, но… какие?

Сперва он почувствовал себя оглушенным, а после ощутил, как к сердцу подкрадывается невыносимая боль. Ему чудилось, будто он стоит по ту сторону хотя и прозрачной, но прочной стены и созерцает чужую жизнь. Ему безумно хотелось очутиться лицом к лицу с Эвиан, взять ее за руки и заглянуть в глаза. Позвать за собой. Но он дал себе слово быть осторожным.

Присутствие Надин мешало Кларенсу подойти к Эвиан прямо на улице. Мешало и то, кем он стал; ведь он больше не был простым честным парнем, некогда встретившим свою любовь на оленьей тропе. Теперь он грабил поезда в составе банды Бешеного Айка.

Айк любил лошадей, оружие, карты и… фальшивое благородство. Стремясь снискать славу Робин Гуда, он запрещал своим людям отнимать деньги у бедняков и обыскивать женщин, что, впрочем, не мешало ему хладнокровно пристреливать тех, кто пытался сопротивляться.

Случалось, ему доставалась крупная добыча, и он сто раз мог бы уйти на покой, как в свое время сделал Джозеф Иверс, но ему было скучно, потому он быстро просаживал деньги в салунах и борделях и снова отправлялся грабить.

В банде существовала такая вещь, как «общий котел», потому за минувший год Кларенсу удалось заработать не так много денег, как он рассчитывал.

Он решил проследить за девушками и узнать, где они остановились. У него было не слишком много времени, потому как с наступлением темноты грабители намеревались покинуть город. Их целью была железнодорожная ветка Шайенн — Пуэбло и крохотная станция по дороге, где поезд замедлял ход, чтобы служащие почтового вагона могли забрать мешки с корреспонденцией.

Кларенс сразу решил, что ничто не помешает ему пустить пулю в лоб Джозефа, если тот встанет на его пути, взять Эвиан за руку, вывести на улицу и посадить в седло. А в случае преследования и нападения на них людей Иверса он попросит помощи у Айка.

Воспоминания о недолгом счастье, радость нежданной встречи, надежды и сомнения погло-

тили его настолько, что он не замечал ничего и никого вокруг.

Между тем один из приближенных Иверса, войдя в номер хозяина и сняв шляпу, сказал:

— Сэр, мы обратили внимание, что вокруг гостиницы крутится какой-то человек. Кое-кто из нас узнал его: этот тот самый парень, которого вы приказали повесить в Денвере.

Иверс скрипнул зубами и сделал такой жест, будто его руки сжимались вокруг воображаемого горла.

— Так пристрелите его! Доделайте свою работу!

Мужчина переступил с ноги на ногу.

— Он приехал в Шайенн с какими-то десперадос[6].

— Их много?

— Больше чем нас.

Глаза Иверса злобно сузились; было видно, что он напряженно размышляет, пытаясь принять единственно верное решение.

— Ладно, — наконец сказал он, — поступим иначе. Снимите охрану вокруг гостиницы, в общем убирайтесь отсюда, да побыстрее! Позвольте

---

[6] Примечания: 6

Десперадос (от англ. Desperado — отчаянный человек, головорез), т. е. бандиты.

этому парню войти. Я справлюсь один.

У Иверса было такое выражение лица, что его собеседник попятился, не решившись расспрашивать. Едва он ушел, Джозеф спустился вниз и переговорил с портье. А после вернулся к себе.

Когда Эвиан вошла в номер с покупками, ее встретил муж.

Молодая женщина не ожидала его увидеть — она предполагала, что он поздно вернется из «Шайенн-клаба», или из гостей, или публичного дома. К этому времени она надеялась придумать, как защититься от его домогательств.

— А где Хейди? — спросила она про няню.

— У Надин.

— Дункан тоже там?

— Он здесь, со мной, — сказал Иверс.

Он вышел в соседнюю маленькую комнату и спустя минуту появился с ребенком на одной руке и с армейским кольтом в другой. Эвиан ничего не понимала и только чувствовала, что сейчас произойдет что-то ужасное.

— В Шайенне объявился твой дружок. Он сопровождал тебя от магазина до гостиницы, но ты этого не заметила. Зато его увидели мои люди, — Иверс говорил деловито и холодно, и его взгляд был злым и твердым. — Не сомневаюсь в том, что

он заявится сюда. Ты его впустишь и скажешь ему, чтобы он убирался на все четыре стороны, а главное — навсегда. Я буду там! — Он кивнул на дверь. — Если ты посмеешь произнести что-то лишнее, с ребенком случится несчастье. Мало ли младенцев ломают себе шею, когда их случайно уронят, или задыхаются во сне! А твой дружок получит порцию свинца.

Эвиан сжала руки то ли в отчаянии, то ли в мольбе. Ее охватил обжигающий удушливый ужас.

— Вы не сможете!

— Еще как смогу! Я не верю, что этот парень — мой, так что тебе ничто не поможет. Теперь у меня есть внук, а этот мальчишка мне даром не нужен! Но если ты спровадишь своего приятеля, так и быть, я выделю твоему ребенку место в своих владениях.

— Отдайте мне моего сына!

— Стой! — железное дуло уперлось ей в грудь. — Делай, что я говорю.

Эвиан села на стул. Так она проводила на ранчо долгие часы: не двигаясь, не думая и почти ничего не чувствуя.

Прежде ей казалось, что муж не владеет ее страхом, однако теперь она отчаянно боялась,

боялась за Дункана. А Кларенс? Иверс вполне способен исполнить свою угрозу!

Полные радости и мучительной горечи воспоминания тронули ее душу и… исчезли. Сейчас, когда нагрянул настоящий, неподдельный страх, страх за других людей, все остальное казалось надуманным и пустяковым.

Она не знала, сколько прошло времени, когда раздался тихий стук в дверь. Эвиан поднялась и открыла. Снаружи стояла испуганная горничная.

— К вам какой-то человек, мэм. Он спрашивает, можно ли войти. Он… он настаивает, а я…

— Пусть войдет.

Эвиан отступила. Она была вынуждена пригласить Кларенса в ловушку.

Совсем рядом притаилась смерть, которой было довольно легкого движения, чтобы сокрушить сразу одну или даже две хрупкие жизни. Однако Эвиан осознавала, что в ее власти спасти и Дункана, и Кларенса, какое бы сильное напряжение ей ни пришлось перенести и каким бы тяжелым ни было ее личное несчастье.

Войдя, Кларенс уставился на Эвиан. Она молчала, и ее глаза были как прежде — измученными, но прекрасными.

Он вспомнил, как прижимал к груди ее вещи и

как его сердце болезненно сжималось от потери самого ценного, что у него когда-либо было.

Сейчас она вновь была рядом и вместе с тем, — он чувствовал это, — где-то неизмеримо далеко.

— Эвиан! Ты одна?

— Да.

— Где Иверс?

— Он… еще не вернулся.

Кларенс перевел дыхание.

— Мне не верится, что я вновь тебя вижу! Что я здесь. Да, это я. Мне повезло, я выжил. Я не знал, что встречу тебя в Шайенне, я думал, что ты на ранчо. У меня мало времени. Тебе наверняка пришлось нелегко. Прости, что меня долго не было. Но теперь я пришел… Пришел, чтобы забрать тебя с собой.

Эвиан видела, что он в чем-то неуловимо изменился. Прежде Кларенс излучал пылкую юность, неудовлетворенность, честность, неистовство и самозабвенную искренность. Теперь на его облик словно упали какие-то тени, глаза чуть потускнели, и линия рта сделалась более жесткой. Что он делал все это время? Какую частицу его души унесла их разлука? Молодую женщину не покидало чувство, словно его тоже сдерживают некие невидимые оковы.

— Я… я рада, что ты жив! — в этом Эвиан не могла не признаться. — Вот только… не думаю, что это хорошая затея. Он все равно нас найдет.

— Не бойся. На этот раз все будет иначе. Мы поедем в…

— Кларенс! Не надо.

Он сделал шаг вперед с явным намерением взять ее за руку, но она поспешно отступила.

— Прошу, не трогай меня!

Во взоре Кларенса отразились недоумение и боль.

— Почему? Ты помнишь о том, что у нас было? Помнишь оленью тропу?

Молодая женщина незаметно сжала кулаки.

— Конечно, помню.

— Он измучил тебя? Где он? Я убью его и…

Она вновь перебила:

— Все как обычно. Жизнь продолжается. Я привыкла к ранчо и… подружилась с Надин.

Кларенс едва заметно усмехнулся.

— Я вас видел.

Уловив перемену в его настроении и внезапно прорвавшуюся ожесточенность, она прошептала:

— Одна трагедия влечет за собой другую, и… иногда наступает какой-то предел. Это судьба.

— Нет большей трагедии, чем та, что произойдет, если я уйду, а ты останешься. Пойдем вниз, сядем в седло и…

— Под утро нас найдут с простреленными головами.

— Он не посмеет, — убежденно произнес Кларенс и осторожно, не желая раньше времени говорить правду, добавил: — У меня есть прикрытие. Я не один.

Эвиан бессильно опустила руки.

— Нет, все напрасно. Я его жена, и закон на его стороне. Разговор затянулся. Уходи, Кларенс.

Невыносимое чувство потери обдало его сердце холодом, и он довольно резко произнес:

— Плевать на закон! Он нам ничем не помог! Что с тобой происходит? — А поскольку Эвиан не отвечала, неожиданно тихо, проникновенно и мягко добавил: — Ты ведь знаешь, насколько ты мне дорога, знаешь, что я люблю тебя и ради тебя я способен на все!

Она закрыла глаза, и на мгновение ей почудилось, будто еще немного — и она сдастся. Слова и чувства хлынут потоком, и она откроет Кларенсу правду. Что-то словно пульсировало у нее внутри, билось и ранило, стремясь прорваться наружу.

«Если зов достаточно сильный, ты должна на

него идти», — говорила Зана.

Чувствуя, как подступают слезы, Эвиан замотала головой. Нет, надо увести разговор в сторону.

— Мне было нелегко привыкнуть к нашим отношениям. Охотнее всего я бы осталась одна. Похоже, моя молодость закончилась, не начавшись. Сейчас я хочу только покоя.

— С Иверсом?!

— После того, что произошло у нас с тобой, я стала ему безразлична. Меня это вполне устраивает. Мне кажется, я не смогу быть счастлива ни с одним мужчиной.

— Ты имеешь в виду постель? Ты же знаешь, я бы не стал тебя принуждать!

— Но ты желал бы этого и рано или поздно разозлился бы на меня.

— Разве такое было раньше?

— Мы слишком мало пробыли вместе. Тогда во мне еще жила какая-то надежда, а теперь — нет. Все потеряно и, похоже, навсегда. — Эвиан набрала в грудь побольше воздуха, медленно закрыла глаза и выдохнула: — Я устала. Устала от всего. Мое сердце опустело. Оставь меня в покое. Уходи.

Темные глаза Кларенса вспыхнули неистовым огнем.

Он не верил ни ушам, ни глазам. Что с нею сделали?! С другой стороны, это заколдованное место со странным названием «Райская страна» изменило Арни, его лучшего друга, превратив его то ли в малодушного труса, то ли в корыстного предателя.

Лицо Кларенса перекосила кривая усмешка, какой Эвиан никогда у него не видела.

— А как там мой дружок Арни Янсон? Счастливо женат на дочери Иверса?

— Да.

— Передай, что если я когда-нибудь его встречу, ему обеспечена пуля в башке!

Зная, что опаздывает, Кларенс вышел на улицу и без промедлений сел в седло. Он чувствовал, что допустил роковую ошибку, но не понимал, какую.

Все ушло, ничего не осталось. Он провел рукой по лицу и, словно смахнув с него выражение растерянности, беспомощности и горя, уверенной рукой послал коня во тьму.

И все же в нем еще теплилась надежда. Когда Бешеный Айк принялся ругать его за опоздание, Кларенс, не дослушав, сказал:

— Помнишь, я рассказывал тебе про женщину, за которую был готов отдать все, что угодно? Она

здесь, в гостинице, с мужем. Я хочу увезти ее с собой.

Айк посмотрел на него, как на сумасшедшего.

— Да ты спятил! Куда мы денемся с бабой!

— Мне нужна твоя помощь.

— То есть ты хочешь, чтобы я похоронил наши планы, потому что тебя одолела какая-то блажь? Давай пошевеливайся, поезд не будет ждать! И забудь эту дурь, иначе мне придется проделать в твоей голове пару дырок, чтобы из нее вытекли мозги!

И, довольный своей шуткой, хлестнул коня.

В это время Джозеф Иверс вышел из комнаты. Ребенок расплакался, и он с раздражением швырнул его Эвиан.

— Уйми!

Потом удовлетворенно произнес:

— Все прошло как нельзя лучше. Браво! Настоящий спектакль.

— Я сбегу! — ожесточенно произнесла Эвиан.

— Не сбежишь. А если сбежишь, я в два счета тебя найду. Я дружен и с местным шерифом, и с другими влиятельными лицами Шайенна, и у меня есть деньги. Если надо, прочешем весь штат. И в результате тебе сильно не поздоровится, не говоря о твоем мальчишке.

Стоявшая посреди комнаты, прямая и стройная Эвиан напоминала свечу. Уязвленный ее красотой, которая никогда по-настоящему ему не принадлежала, Джозеф Иверс сказал:

— А теперь раздевайся. Обслужишь меня по высшему разряду — как самая дорогая шлюха. Ты должна заплатить за то, что я даю этому ублюдку свое имя!

— Так не делайте этого!

Иверс больно схватил ее за грудь; его лицо было искажено злобой.

— Я не только хозяин «Райской страны», но и член общества! Думаешь, я допущу, чтобы весь Шайенн потешался над тем, что моя жена родила от другого! Ступай, — бросил он, отталкивая женщину, — отнеси мальчишку к Надин, чтоб он не мешал своим визгом!

Пройдя по коридору на деревянных ногах, Эвиан постучала в дверь номера. Надин открыла почти сразу. На ней был отделанный белым кружевом голубой капот, она распустила волосы по плечам, и было видно, какие они блестящие и густые.

— Эвиан? — удивилась Надин. — Ты еще не легла? Ведь завтра крестины. — И, приглядевшись, воскликнула: — Да на тебе лица нет! Это… отец?

Молодая женщина сделала шаг в комнату.

— Я оставлю Дункана у тебя?

— Конечно. Ведь он может проголодаться. И все-таки… что случилось?!

— Здесь был Кларенс.

— Кларенс?! В гостинице? Не может быть!

— В моей комнате. Но он… ушел.

Надин взяла ее холодную, твердую руку в свою, мягкую и теплую.

— Как так? Ты должна мне все рассказать!

— Нет времени. Я пришла лишь затем, чтобы отдать тебе ребенка. С тобой он, по крайней мере, будет в безопасности. Надин! — голос Эвиан срывался. — Твой отец снова хочет спать со мной!

Молодая женщина ахнула.

— Не представляю, как можно делать это по принуждению!

— А я никогда не делала этого добровольно.

Эвиан опустилась на кровать таким движением, словно у нее подломились ноги, и продолжила странным неживым голосом:

— Кларенс хотел увести меня, но твой отец находился в соседней комнате с Дунканом и револьвером. Он велел мне прогнать Кларенса, в противном случае грозил что-нибудь сделать с ребенком.

— Он сошел с ума!

— Он не верит, что это его сын. Зана говорила, что я никому не сочувствую, но это не так. Я не знаю, кто его отец, но мне жаль моего мальчика, ведь, кроме меня, никто не сумеет его защитить. О боже! — Эвиан закрыла лицо руками. — На ранчо я вновь окажусь в клетке, а Дункан превратится в вечного заложника Иверса!

— Не бойся, ни я, ни Арни не дадим твоего сына в обиду! — твердо произнесла Надин, потом внезапно подошла к двери и решительно заперла ее на ключ. — Я не впущу его сюда. Ты останешься ночевать в моем номере.

— Он выломает дверь.

— Пусть попробует!

В коридоре раздались нетерпеливые шаги, и в следующий миг послышался стук, а потом голос, от которого Эвиан содрогнулась:

— Я долго буду ждать? Оставь ребенка и возвращайся! Вы что, закрылись?

В последней фразе слышались изумление и угроза, но Надин не испугалась. Проворно вскочив, она подбежала к двери:

— Эвиан останется здесь. Она не желает выходить, а я не хочу ее отпускать. Уходи!

— Немедленно открой! Пусть выходит! Иначе

будет хуже! — взревел Иверс.

— Скандал в гостинице приведет к тому, что нас выставят на улицу! — твердо произнесла Надин.

Как и Эвиан, она много лет боролась со страхом перед отцом, но сейчас, когда ей пришлось защищать другого человека, испуг испарился, как дым.

Запертые двери не помешали Иверсу почувствовать настроение дочери.

— Ты еще пожалеешь! — процедил он, но уже без прежней уверенности.

Прошло немного времени, и девушки поняли, что он не просто ушел, а что он не вернется.

Хейди улеглась в соседней комнате с детьми, а Надин разделила кровать с Эвиан.

— Так ты не сказала ему о ребенке?

— Как я могла!

— Как выглядел Кларенс? — спросила Надин через некоторое время.

Было видно, что Эвиан тяжело отвечать.

— Он изменился. Трудно понять, какую жизнь он вел все это время…

— Он говорил… про Арни?

— Нет, — ответила Эвиан, решив не огорчать Надин, и та облегченно вздохнула.

— Мне кажется, не стоит сообщать Арни о том,

что ты видела Кларенса. Он только расстроится.

— Как хочешь. Если надо, я буду молчать.

Когда Надин заснула, Эвиан прошла туда, где спал ее сын, и, посмотрев на него, невольно вздрогнула. У него было безмятежное, нежное личико, коего еще не коснулись тяготы и превратности земной жизни, и вместе с тем она разглядела нечто, поразившее ее до глубины души. Невесомо опустив руку на его лоб, Эвиан произнесла молитву, которая могла показаться кощунственной.

Утром молодая женщина боялась выходить из комнаты, но Надин уверила ее в том, что все будет в порядке. На крестины приглашены знакомые отца, все условлено и обговорено. Он не решится устроить скандал.

Она оказалась права: он ничего им не сделал и даже ничего не сказал. Репутация добропорядочного гражданина не есть репутация бандита: здесь всегда надо думать о том, что скажут люди.

На крестинах Джозеф Иверс стоял, стиснув зубы, а Надин — гордо подняв голову. Эвиан была очень бледна; казалось, она с трудом держится на ногах.

Когда обе женщины с детьми садились в повозку, на губах Джозефа Иверса появилась жесткая,

торжествующая улыбка. Было ясно, кто в конце концов выиграл: они возвращались в «Райскую страну», настоящим хозяином которой был только он.

Глава шестнадцатая

Прошло несколько лет. Для одних эти годы пролетели легко и быстро, а другим показались вязкими, как мокрая глина. Присоединив к своим владениям ранчо «Синяя гора», Джозеф Иверс сделался одним из самых крупных землевладельцев и скотоводов в округе.

Арни Янсону больше не было нужды доказывать кому-либо свою полезность в деле: он стал полноправным и полноценным управляющим «Райской страны». С Надин они жили душа в душу; их без преувеличения можно было назвать двумя половинками одного целого.

У Эрика появилась сестра, которую назвали Кортни, в честь матери Надин. Дункан оставался единственным ребенком Эвиан, и она в буквальном смысле защищала его своим телом. Она по-прежнему была красива, но живой блеск ее глаз словно засыпало давно остывшей золой, а черты лица сделались тверже.

Если Эрик был любимцем Джозефа Иверса, то на Дункана он или подчеркнуто не обращал внимания, или нещадно шпынял, из-за чего

мальчик, случалось, дерзил ему или пытался сделать что-то запретное, легко втягивая в свои проделки покладистого и бесхитростного Эрика.

Притесняемый в детстве отчимом, Арни остро воспринимал отношение тестя к Дункану и, как мог, старался заменить ребенку отца. Он с малолетства брал обоих мальчиков в лес и на пастбище и приучал к делу. Несколько раз они с Надин навещали Ирму; благодаря Арни его младшие братья и сестры были сыты, обуты, одеты и посещали школу. Однажды Арни заставил себя зайти к отцу Кларенса, и тот ответил, что до сих пор не получил от сына ни одной весточки.

— Он скачет где-то в чужих краях, на чужой лошади, — тяжело промолвил Дункан-старший, кивая на висевшее на стене седло, и Арни так и не решился сказать мужчине о том, что у него появился внук.

Впрочем, так ли оно было на самом деле? Эвиан не высказывалась на этот счет. Она вообще умела молчать, как никто другой.

Год выдался необычайно засушливым. Палящий зной не спадал даже к вечеру, трава сохла, из зеленой и сочной превращаясь в блекло-желтую, ломкую, непригодную ни для летнего выпаса скота, ни для заготовки на зиму. Пыль была горячей,

как песок пустыни, ручьи и реки обмелели, а на небе не появлялось ни облачка. Казалось, влаги не хватает даже соснам и елям. Зной высосал из земли все соки, и она покрылась трещинами. Скотоводы сокрушались по поводу разорительной потери животных; эта участь не миновала и «Райскую страну».

Кого не смущала и не страшила жара, так это мальчишек, нередко предоставленных самим себе. Видя, что взрослым не до них, они с утра убегали по каким-то своим делам.

Одним из строжайших правил, действующих на ранчо, был запрет на игру с огнем. Арни с раннего детства внушал это и своему сыну, и Дункану, хотя последнему все было нипочем. Это был красивый мальчик, больше похожий на Эвиан, чем на кого-либо другого. Он отличался не только умом и сообразительностью, но и дерзостью и упрямством. Впрочем, он искренне любил Эрика и обожал «дядю Арни».

Побродив по лугу, маленькие приятели забрались в лес, где было намного прохладнее. Здесь солнце казалось далеким и словно подернутым дымкой. Они долго блуждали меж деревьев, пока не набрели на извилистую лощину, заканчивавшуюся каменистым кряжем. В нем была

неглубокая пещера, крайне заинтересовавшая мальчиков. Им очень хотелось посмотреть, что находится внутри.

— Надо посветить туда, — сказал Дункан.

— Папа и дедушка не разрешают зажигать огонь в лесу, — напомнил Эрик.

— Однажды я рисовал в темноте огненные знаки, — промолвил Дункан, не обращая внимания на замечание приятеля.

— Как это?

— Надо взять прут, зажечь конец и махать. В воздухе остаются следы, похожие на маленькие молнии.

— Правда?! — заинтересовался не обладавший столь бурной фантазией Эрик.

— Это можно сделать даже сейчас.

— Сейчас светло!

— Но не в пещере.

— Я… я боюсь туда заходить, — признался мальчик.

— Потому и надо зажечь огонь. С огнем ничего не страшно.

Выбрав сухую ветку, Дункан вынул спички, без зазрения совести стянутые на кухне, без колебаний поджег ее, и мальчики завороженно смотрели на пламя, напоминавшее быстро рас-

цветающий янтарный цветок.

Они исследовали пещерку. Их охватил не страх, а какое-то странное, возбуждающее чувство. Внутри не было ничего, кроме камня, земли, веток и мха, и приятели тут же подумали, сколько новых игр сулит открытие этого места.

Но когда они вылезли наружу, их глазам предстало страшное зрелище. Вероятно, от случайно оброненной искры сухая, как трут, трава вспыхнула, и огонь метнулся по ней, выжигая зловещие черные пятна.

— Пожар! Бежим скорее! — не своим голосом закричал Эрик и бросился прочь, тогда как Дункан сорвал с себя рубашку и принялся хлопать по земле. Воды не было, но он слышал, что это тоже довольно действенный способ.

Эрик бежал что есть мочи, бежал за помощью. Он много раз слышал, что причиной опустошительных лесных пожаров чаще всего бывает не молния, а спички в руках беспечного или глупого человека.

Мальчик помнил слова отца: ель высотой пятьдесят футов растет не одну сотню лет. За это время на ранчо сменится несколько поколений людей. Однако огонь может смести с лица земли десятки таких деревьев буквально в течение часа.

Эрику повезло: на окраине луга он встретил Джозефа Иверса, да еще верхом на лошади.

— Дедушка! Лес горит! — издали закричал мальчик и только тогда сообразил, что Дункана нет рядом.

— Где?! — Иверс подхватил внука в седло.

— Я покажу. Вон там!

Не было времени созывать людей; Джозеф решил, что в случае чего отправит Эрика за помощью на лошади. Мальчишки ездили верхом с малолетства, выучившись этому искусству гораздо раньше, чем в свое время — их отцы.

Поляна была совершенно черной, и таким же черным было лицо Дункана. Однако он почти справился с огнем. От его рубашки остались одни обгорелые лохмотья, а на руках кое-где багровели ожоги.

Спрыгнув с коня, Джозеф затушил остатки пожара, а потом повернулся к мальчику.

— Ты чуть не спалил лес, щенок!

Ответом был не испуганный, а твердый взгляд темных глаз. Мальчишка сжал челюсти и даже не вздрогнул.

Внезапно Иверс окончательно понял, что выращивает на ранчо волчонка, который со временем возненавидит его пуще всех и сделает все, чтобы

загрызть. Никто толком не знал, признает ли он в Дункане своего сына, но сейчас Джозеф разглядел нечто другое: этот мальчишка никогда не видел и не увидит в нем отца. Иверс зашел в тупик в отношениях с Эвиан, но то, что ждало его с этим парнишкой, было еще хуже.

Когда и как он превратился в размазню? Отчего устыдился признать, что его жена, жена Железного Джо, родила ребенка от другого мужчины, и не вышвырнул его на улицу? Прежде он всегда жил и действовал, как хотел, пусть даже это задевало интересы других людей.

Он схватил Дункана за шиворот, а тот пинался, извивался и кусался, совсем как его мать, когда она впервые очутилась в «Райской стране». Мальчику удалось вырваться, и, будучи вне себя от злобы, Джозеф Иверс бросился за ним.

Он не знал, чего хочет. Наказать Дункана или, может быть… убить?

Он совсем забыл о присутствии Эрика, который смотрел на все это, замерев от испуга. Мальчик чувствовал, что происходит или может произойти что-то непонятное, неожиданное и ужасное, и решил, что надо позвать других взрослых.

Прибежав домой, он страшно обрадовался, увидев отца. Отец (как, впрочем, и мама) обладал

потрясающим умением решать все проблемы. Выслушав сбивчивые объяснения Эрика, Арни потемнел лицом. Обычно он был спокоен, что бы ни случилось, но сейчас его губы задергались, а в глазах отразилась тревога.

Велев сыну оставаться на месте, он бросился в лес. Арни знал это место — и лощину, и каменистый кряж. Видел он и пещеру. Он так хорошо изучил все вокруг, что многое мог найти, наверное, с закрытыми глазами.

Позднее Арни не мог вспомнить, что заставило его в последнюю секунду метнуться в дом и взять винтовку.

Он бежал так быстро, как только мог, задыхаясь от волнения и нестерпимого зноя.

— Отпустите Дункана! — закричал он, увидев, как руки Джозефа вцепились в тонкую шею мальчишки. — Вы же его задушите!

Иверс повернулся. Его лицо было искажено злобой, тогда как ребенок уже не мог сопротивляться и только хрипел.

— Что тебе здесь надо?

— Опомнитесь!

Арни бросился к нему, и Иверс выхватил револьвер.

— Иди к Надин, к ее юбкам, на пастбище, к

скотине! Не вмешивайся, иначе я всажу в тебя пулю!

Арни отшатнулся.

Когда-то Зана решила, что Джозеф Иверс достоин стать хозяином этих владений. Он был начисто лишен воображения, действовал прямолинейно и жестоко, а если ставил перед собой цель, то упорно стремился ее достичь.

«Тот, кто хочет выжить, должен учиться жестокосердию», — Арни не раз слышал эти слова, и он знал, что мир устроен именно так. Но сам он всегда стремился поступать иначе.

Теперь он увидел, что Джозеф Иверс презирал его все это время. Да, он ценил его, как ценят хорошую рабочую лошадь, ценят, тем не менее, понимая, что она никогда не станет горячим скакуном.

Арни не мог ничего забыть, он жил с пятном в душе и знал, что ему некого в этом винить, кроме себя. И все-таки вместе с желанием спасти Дункана в нем вспыхнуло нечто другое — жажда мести.

— Отпусти ребенка!

— Я сказал убирайся!

Арни вскинул некогда принадлежавшую Зане винтовку и выстрелил. По кронам пронесся ветер.

С высоких веток вспорхнули птицы. Испуганно отпрянула и заржала лошадь. Мир на мгновение застыл, а потом будто рассыпался на сотни осколков.

На выжженную траву упали два тела. Джозеф Иверс был мертв, а Дункан не мог ни дышать, ни плакать. Внезапно Арни почувствовал, что и сам задыхается, потому что забыл вздохнуть. Плечо онемело от отдачи, а палец все еще чувствовал натяжение спускового крючка.

Отшвырнув винтовку, он бросился к ребенку, и тот ухватился за него, как падающий в пропасть хватается за единственную опору.

— Идем. Идем! — прошептал Арии. — Не оглядывайся. Ни о чем не думай!

Он не помнил, как добрался до усадьбы. Он очнулся, лишь увидев стоявшую возле ограды Эвиан.

Она приложила руку ко лбу и словно чего-то ждала. Горячий ветер развевал подол ее простого ситцевого платья и теребил пряди волос, выбившиеся из гладкой прически. Арни видел высокий чистый лоб, густые, но строгие и ровные брови, удивительно четкую линию губ, темные глаза, в глубине которых, несмотря на все испытания, всегда жили надежда и упорство. Он мысленно

возблагодарил Господа за то, что это была именно она, а не Надин.

Между тем Эвиан приблизилась к сыну, который все еще не пришел в себя и испуганно жался к Арни. Женщина заглянула в распахнутые от ужаса глаза ребенка, увидела зловещие следы на его шее, ожоги на руках и перевела взгляд на Арни.

— Послушай! — ему казалось, что он кричит, но на самом деле его голос сбился на шепот. — Произошло нечто ужасное. Я… я убил его! Из винтовки Заны! Предсказание сбылось. Где… Надин?!

— Она в прачечной с Энни и Хейди. Эрика я отправила в дом.

— Надо позаботиться о Дункане, — выдавил Арни.

— Я это сделаю. Иди за мной. Постарайся ни с кем не встречаться. Подожди меня.

— Хорошо.

Эвиан была удивительно спокойна, даже холодна. Арни знал, что материнство изменило Надин, но теперь видел, что гораздо больше оно повлияло на Эвиан. В ее сдержанности таилась такая внутренняя сила, какой позавидовал бы любой мужчина.

Пока Эвиан разговаривала с сыном, поила его успокоительным отваром, а потом давала какие-то указания Эрику, Арни сидел в чулане, примыкающем к ее комнате, точно преступник, ожидающий приговора в тюремной камере.

Он застрелил человека, убил собственного тестя, отца своей жены! Убил, потому что глубоко в душе всегда желал это сделать. Он не мог простить Иверсу ни того, что тот вынудил его стать предателем, ни того, что все эти годы он, Арни Янсон, был его наемным работником, слугой. Он просто осуществил свой давний замысел, совершил акт возмездия.

Вернулась Эвиан и тронула его за плечо.

— Идем. Дункан уснул. Нам надо поговорить.

Арни, пошатываясь, прошел в комнату и опустился на стул.

— Я убил его, — повторил он бесцветным голосом, и глаза Эвиан вспыхнули, озаряя лицо.

— Хвала Господу, в чье милосердие я уже не верила! — выдохнула она, и Арни вздрогнул.

Эвиан прошлась по комнате, сжала руки, потом опустила их. В выражении ее просветлевшего лица была сосредоточенность и все та же неожиданная сила.

«Что ж, — подумал Арни, — ее обретает тот, кто

обрел свободу. А для отчаявшегося неважно, как он освободился».

— Он хотел задушить Дункана?

— Мне показалось, что да. А когда я на него закричал, он наставил на меня револьвер. И тогда я выстрелил.

— Ты спасал моего сына.

Арни тяжело покачал головой.

— Не совсем так. Были другие причины.

— Не было никаких причин, — твердо произнесла Эвиан. — Произошел несчастный случай. Винтовка выстрелила, но никто не нажимал на курок.

Арни криво усмехнулся.

— Оружие не стреляет само. Это известно всем, тем более — шерифу.

— Стреляет, если, скажем, ударится о землю. Об этом знаю даже я.

— Дункан все видел, — произнес Арни после паузы.

— Да, — подтвердила Эвиан, — и он расскажет все так, как надо. Я с ним поговорю. Он не проболтается.

— Это нечестно. Нельзя учить ребенка лгать.

— Нельзя хватать ребенка за шею и пытаться его задушить, — веско произнесла Эвиан, и Арни

не нашел, что ответить. Он только спросил:

— А Эрик?

— Эрик был дома. Он не свидетель.

Арни уставился в пустоту.

— А что я скажу Надин?

— Она не должна ничего знать.

Арни подумал о том, насколько тесно они были связаны с Надин все эти годы. А теперь ему придется обманывать ее до конца жизни?

— Нет, я не сумею. Я сдамся властям.

— Ты хочешь, чтобы тебя повесили?! Ты нужен здесь, Арни, нужен всем нам. Иверс не стоит того, чтобы разрушать свою жизнь. Нашу жизнь. Ты лишишь Надин мужа, детей — отца, а меня — человека, на которого я всегда и во всем могу положиться.

Он схватился руками за голову.

— Положиться на меня?! Чтобы жениться на Надин, я выдал вас с Кларенсом, сказав ему, что вы отправились в Денвер!

Если лицо Эвиан омрачилось, то только на миг, а после она убежденно произнесла:

— Пока Иверс был жив, я не могла быть счастлива ни с Кларенсом, ни с кем-то другим. Так или иначе мне пришлось бы жить в неуверенности, в страхе, что рано или поздно он отыщет меня

и вернет назад. Он всегда твердил, что закон на его стороне, и это было правдой. Я всегда знала, что обрету свободу лишь с его смертью. Ты не просто спас Дункана, ты освободил меня, Арни. И вообще — хватит слов. Мы должны пойти туда и привезти его на ранчо. Возьмем повозку. Думаю, мы справимся вдвоем.

Арни вскинул взор.

— Ты не боишься?

Его поразил ее спокойный ответ:

— Чего мне бояться? Я всегда желала увидеть его мертвым.

Когда все было сделано, Арни отправил верхового в Шайенн, а сам пошел в прачечную. В тот день была большая стирка, и Надин, Энни и Хейди все еще находились там.

На улице стояла невыносимая жара, а в прачечной было еще жарче, потому платье Надин насквозь промокло от пота. Она расстегнула лиф, и прозрачные ручейки сбегали в ложбинку между грудями. Пряди волос прилипли ко лбу, а лицо и руки были такими красными, словно их ошпарили кипятком. Она тяжело дышала, однако выглядела оживленной и даже веселой.

Работа доставляла ей радость. Когда она закончит стирку, чистые простыни будут трепетать на

веревке, надуваясь от ветра, как паруса. Надин никогда не мечтала о путешествиях и кораблях. Ей нравилось пребывать в своей собственной уютной и тихой гавани.

Увидев мужа, женщина удивилась. Что заставило его посетить женское царство? У Арни было серое лицо, и он выглядел непохожим на самого себя.

Ему казалось, что он никогда не сможет говорить с женой так, как говорил прежде, когда их существование было пронизано ощущением на первый взгляд незаметной и вместе с тем удивительно глубокой гармонии.

— Надин, твой отец…

Он не успел закончить фразу — послышались торопливые шаги: Арни догоняла Эвиан. Ее лицо было непроницаемым, взгляд тяжелым, а голос твердым:

— Произошел несчастный случай, в котором никто не виноват. Надин, мистер Иверс мертв.

Молодая женщина переводила растерянный взгляд с одного лица на другое. Она видела, что Арни растерян, почти убит, и знала, что смерть ее отца положила конец страданиям Эвиан. Джозеф Иверс никогда не уделял своей дочери ни малейшего внимания, но все-таки он не был для нее

чужим, потому она сперва всхлипнула, а потом, не таясь, зарыдала.

Надин потянулась к Арни, и тому ничего не оставалось, как обнять жену. Слова застревали в его горле, но прикосновения были искренними. Хотя бы так он мог попросить у нее прощения за свою слабость и свою ложь.

Из-за страшной жары похороны пришлось организовать почти немедленно, еще до приезда шерифа.

Джозеф Иверс никогда не ходил на кладбище, и оно выглядело неухоженным. Надин следила лишь за могилой матери, а остальные камни покосились, заросли травой, были изъедены ветром и дождем.

Церемония была очень скромной. Никто не знал, что сказать; ковбои переминались с ноги на ногу и поглядывали то друг на друга, то на кучку близких родственников покойного. Надин тихо плакала. Арни держался натянуто, на пределе сил. Дети выглядели испуганными. Эвиан стояла у гроба, спрятав руки в складках черного вдовьего платья и слегка наклонив голову, так, чтобы никто не заметил, что в глубине ее глаз прячется радость.

Накануне похорон она усадила сына на стул и

очень спокойно и четко объяснила, что он должен говорить шерифу и всем окружающим.

Мальчик долго смотрел на мать темными глазами. Он следил за малейшим движением Эвиан и впитывал каждое слово. Она давно научила его вести себя в соответствии с обстановкой, и хотя в нем нередко прорывались неистовство и дерзость, в целом он отличался недетской осторожностью и умом, равно как отчужденностью и независимостью. У него было свое, особое детство, не такое, как детство беззаботного и всеми любимого Эрика.

Дункан спокойно относился к тому, что мать никогда не обнимала и не целовала его. Ему с лихвой хватало ласки тети Надин.

Зато он привык доверять Эвиан, потому что она всегда отвечала на все его вопросы и с раннего детства говорила, как со взрослым.

Сейчас, выслушав ее, он промолвил:

— Почему я должен обманывать?

— Потому что в противном случае дядя Арни попадет в тюрьму. Разве ты хочешь этого?

— Конечно, нет. А Эрику я могу сказать правду?

— Не надо. Пусть знает то, что знают все. Ты расскажешь ему, когда вы станете взрослыми.

Просто мне кажется, сейчас Эрик не сумеет правильно понять то, что произошло.

— А я смогу?

— Ты — да.

— Потому что я умнее?

— Потому что ты — мой сын.

Дункан задумался, а потом осторожно и тихо спросил:

— Он был плохим человеком?

Эвиан с силой сплела пальцы.

— Его больше нет, и нам не нужно о нем говорить. Он был чужим и ушел навсегда туда, откуда, к счастью, не возвращаются.

Внезапно лицо Дункана пошло красными пятнами, и он выпалил то, что, вероятно, давно не давало ему покоя:

— Кем он был… для меня?! Я… я не понимаю!

— Он никогда не был твоим отцом, если ты имеешь в виду именно это.

Мальчик перевел дыхание и спросил уже спокойнее:

— А где мой отец?

На лице Эвиан появилось странное выражение.

— Я не знаю. Наверное, далеко.

— Мы когда-нибудь встретимся?

— Да. Если ты сохранишь нашу тайну.

Приехавший шериф только развел руками. Конечно, зимой Джозефа Иверса отвезли бы в Шайенн и, возможно, там же похоронили (хотя он не оставил на этот счет никаких распоряжений), но сейчас все решила жара. Осмотреть тело не представлялось возможным, оставалось верить или не верить свидетелям, которых было всего двое: Арни и Дункан.

Шериф побывал на месте происшествия и осмотрел оружие, ставшее причиной гибели Джозефа Иверса. Когда-то это была хорошая винтовка, но от времени ее механизм мог испортиться и стать ненадежным. В те годы было довольно много случаев гибели людей от самопроизвольного выстрела из собственного оружия.

Начав тушить пожар, Иверс отшвырнул винтовку, и она выстрелила. Это видел Дункан. Арни нашел хозяина «Райской страны» уже мертвым.

Ковбои шептались, что этот винчестер был дьявольским: ведь Зана явно промышляла колдовством. Надо было закопать оружие вместе с ней, тогда не вышло бы беды.

Без сомнения, эти разговоры дошли и до шерифа, несмотря на свою должность отдававшего определенную дань суеверию.

А главное все, даже люди из «особого отряда» хозяина, признавали, что между Джозефом Иверсом и его зятем Арни Янсоном не случалось серьезных разногласий.

Таким образом, дознание завершилось, фактически не начавшись, а спустя несколько дней в «Райскую страну» пожаловал нотариус.

Покойный не оставил завещания, и наследникам было предложено решить раздел имущества полюбовно.

Арни, Надин и Эвиан сидели в гостиной. Женщины были в черном. Взгляд Эвиан казался отстраненным и холодным. Арни нервничал. Со дня похорон он ни на минуту не сомкнул глаз, не переставая размышлять о своем преступлении и обмане.

Нотариус раскрыл книгу и при полном молчании присутствующих перечислил все, что принадлежало покойному.

— Мне не нужна земля. Ни единого акра, — сказала Эвиан, и нотариус повернулся к ней.

— Миссис Иверс, вы отдаете себе отчет в том, сколько стоит эта земля? Если она вас не интересует, вы можете ее продать.

Надин комкала в руках платок. Ее глаза были красными, а веки припухли. Вчера Эвиан обмол-

вилась, что они с Дунканом уедут из «Райской страны». Куда направятся, пока неизвестно; может быть, в Шайенн.

— А что скажете вы, мистер Янсон? В данный момент вы единственный взрослый мужчина в семье.

— Я не наследник, — тяжело промолвил Арни, — всем этим должна владеть моя жена.

Нотариус кашлянул.

— Хотя в нашем штате женщинам даны имущественные права и даже право голоса[7], зачастую дело обстоит совершенно иначе. В большинстве случаев сами женщины охотно передают свое имущество в руки супруга.

— Я и не собиралась поступать иначе, — заметила Надин и, повернувшись к Арни, веско и в то же время нежно произнесла: — Все, что принадлежит мне, принадлежит и тебе, и ты это знаешь!

Заметив, как содрогнулся Арни, Эвиан поспешно произнесла:

— Думаю, будет справедливо поделить наследство между мной, миссис Янсон и нашими

---

[7] Примечания: 7

Именно в Вайоминге, в 1869 году, впервые в США женщинам были предоставлены избирательные права, за что он получил название «Штат равенства».

детьми. А дальше каждый из нас решит, как поступить.

— Тогда жду вас в Шайенне. Давайте условимся, когда вы сможете приехать.

— Надо заказать заупокойную службу за отца, — прошептала Надин. — Все было сделано в такой спешке…

— Что поделаешь, — сказал нотариус, закрывая книгу, — в этих краях природа и погода всегда берут верх над человеком.

Надин знала, что Эвиан рада смерти ее отца, но не осуждала ее за это. Она хотела, чтобы молодая женщина наконец обрела счастье. Именно здесь, в «Райской стране», рядом с нею и Арни. Быть может, теперь, когда с сердца Эвиан снимется тяжесть, а в душе растворится тоска, она сумеет полюбить этот край?

Примерно это Надин и сказала ей, когда они вдвоем убирали посуду после ужина, и получила ответ:

— Я никогда не была создана для жизни на ранчо. Ты знаешь это лучше, чем кто-либо.

— Но Дункану здесь хорошо. А теперь… будет еще лучше. Он дружит с Эриком. Мне кажется, не надо их разлучать.

— Скоро придет пора подумать об их будущем.

О школе.

— Мы можем выписать учителей из Шайенна… Конечно, я понимаю, что ты молода и, возможно, захочешь выйти замуж…

Надин осеклась, встретив взгляд Эвиан, полный невысказанных мыслей и противоречивых чувств, и ощутила себя уязвленной. Много раз за эти годы Эвиан всем своим видом подчеркивала пропасть между собой и другими обитателями ранчо, показывая, что она ничем не связана с ними. Так чего ждать от нее теперь?

— Едва ли я когда-то выйду замуж. Скорее попробую открыть ателье.

— В Шайенне?

— Да.

Борясь с обидой, Надин предприняла последнюю попытку:

— Но женщина не может жить одна в городе и тем более — вести дела. Надо, чтоб рядом с ней был мужчина.

Эвиан усмехнулась.

— Для приличия?

— Хотя бы.

Вечером Арни сидел долго на крыльце. Надин рано ушла спать, а Эвиан вышла на улицу и смотрела в темноту.

Было душно; даже ветер, летевший с гор, был горячим, словно в пустыне. Млечный Путь огибал небеса, подобно серебряной радуге. Огромная желтая луна над горами казалась тяжелой; чудилось, будто она вот-вот упадет вниз, прорезав мрак и рассыпавшись миллионами огненных искр.

— Получается, я застрелил его еще и потому, что желал завладеть его имуществом, — сказал Арни.

— Мне прекрасно известно, что ты никогда об этом не думал.

— Но другие люди…

Эвиан положила руку ему на плечо.

— Какое нам дело до других людей, если мы знаем правду? В молодости Джозеф Иверс был бандитом. Он преследовал мою мать и, как она считала, разрушил ее счастье, убив моего отца. Фиона Тарбелл была честной женщиной, она бы не стала наводить напраслину на безвинного человека. О том, что он делал со мной, мне слишком тяжело говорить, но я все же скажу. После моего бегства с твоим другом и рождения Дункана Иверс возненавидел меня. Он мог ударить меня по лицу, и я терпела, чтобы он не выместил всю злобу на моем сыне. А еще… — Она расстегнула

платье. — Разве этого мало, чтобы желать человеку смерти?

Увидев на ее коже цепочку синих отметин, Арни быстро отвел глаза.

— Мне нечего стыдиться тебя, ведь ты принимал моего ребенка, — сказала Эвиан.

— Прости, — потерянно произнес Арни. — Конечно, я не должен жаловаться, тем более — тебе. Наверное, я не имею права об этом говорить, но, когда пройдет положенное время, ты могла бы попытаться отыскать Кларенса. Например, подать объявление в газету о том, что ты овдовела.

Эвиан ответила напряженным, почти звенящим молчанием, и это сбило Арни с толку. Что он сказал не так?

— Впрочем, я до сих пор не знаю, жив ли он и что с ним.

— Он жив. Я видела его в Шайенне после рождения Дункана. Помнишь, мы с Надин ездили крестить детей?

Эвиан коротко рассказала Арни, как было дело, умолчав лишь о том, что Кларенс грозился его убить.

— О господи! Как ты все это вынесла?! Стало быть, Кларенс до сих пор не знает о сыне?!

К удивлению Арни, Эвиан молча потянула его

за собой. Мужчине показалось, что сейчас ему придется узреть то, чего он предпочел бы никогда не видеть, узнать то, о чем он не хотел бы знать.

Эвиан привела его в комнату, где спали Дункан и Эрик, и подвела к кровати своего сына.

Глаза мальчика были закрыты. Залитые лунным сиянием, черты лица обозначились достаточно четко для того, чтобы Арни увидел то, чего не видел или не желал замечать раньше: его бывший друг Кларенс Хейвуд не имел никакого отношения к рождению этого ребенка. Отцом Дункана был Джозеф Иверс!

— Ты давно знаешь правду?

— Да.

— Почему тогда ты… Почему Иверс думал, будто это не его сын?! Если б он знал правду, ваша жизнь на ранчо или по крайней мере жизнь Дункана могла бы стать иной.

— Он с самого начала не верил в свое отцовство, и я всячески поддерживала в нем эту мысль. Не прямо, но намеками, своим поведением. И подспудно внушала это Дункану. Я не хотела, чтобы Иверс забрал себе моего сына. Я отомстила так, как сумела. Остальное доделал ты, за что я в долгу перед тобой до конца своей жизни.

Глава семнадцатая

Прошел год, который обитатели «Райской страны» провели относительно спокойно. Тайные переживания понемногу поглощались повседневными делами, к тому же каждый (кто с угрызениями совести, а кто и без) вкусил свою долю свободы.

Тех людей из «особого отряда» Джозефа Иверса, кто выслеживал воров и препятствовал угону скота, Арни оставил на ранчо, остальных рассчитал. Роль хозяина «Райской страны» он в большей степени расценивал и воспринимал как ответственность перед людьми, животными и землей, что с каждым днем постепенно избавляло его от чувства вины. Никто бы сейчас не справился с управлением ранчо лучше, чем он.

Эвиан перестала говорить об отъезде. Она словно оттаяла и стала гораздо живее. Теперь они с Надин, Арни и детьми все чаще смеялись и громко разговаривали, хотя, случалось, кто-то из них вдруг вздрагивал и затихал, словно потревоженный старой памятью или прежними чувствами.

Первую осень после гибели Джозефа Иверса

они никуда не выезжали, соблюдая положенный траур, а на вторую Надин заявила о своем желании посетить бал, который традиционно устраивала Ассоциация скотоводов Вайоминга.

— Ты, наконец, должен вступить в нее, Арни! — говорила она мужу.

— Но ранчо владею не я!

— Зато ты им управляешь, и тебе прекрасно известно, что хозяином «Райской страны» все считают именно тебя, потому что я всего лишь женщина. Если б ты не был таким упрямым и позволил мне переписать имущество на твое имя…

Такие разговоры Арни всегда пресекал.

— Я родился бедняком. Я имею только то, что лежит на моей совести. Так было и будет всегда.

Надин тихонько вздохнула.

— Но в Шайенн мы можем поехать?

— Едва ли Эвиан согласится!

К удивлению Арни, Эвиан не возразила. Более того, она сказала, что им с Надин надо отправиться в Шайенн заранее и немного пожить в городе, чтобы успеть сшить себе несколько платьев.

Надин пришла в восторг от этой идеи; мальчики тоже с воодушевлением предвкушали поездку, и Арни ничего не оставалось, как согласиться. В конце концов, и женщины, и дети слишком долго

были лишены развлечений.

Осенние краски почти отгорели; лес тонул в туманной дымке, а воздух был прохладным и сырым. Контуры гор и волны лесов расплывались, растворяясь в неведомой пустоте.

Арни запряг в повозку пару хороших коней. Надин вышла из дома в наглухо застегнутом темно-коричневом платье и такого же цвета шляпке. Она вела за руку Кортни и что-то оживленно говорила ей. Потом появилась Эвиан, и Арни подумал, что молчаливость и печальный взгляд не только придают ей таинственность, но и словно бы прибавляют годы. Даже сейчас ей далеко не всегда удавалось стряхнуть с себя мрачноватую задумчивость.

Именно поэтому Арни не верилось, что, несмотря на все уговоры, Эвиан захочет побывать на балу, но он, похоже, ошибся: очутившись в номере «Метрополя» и разобрав вещи, молодая женщина быстро набросала на бумаге несколько фасонов бальных платьев. Комната немедленно наполнилась легковесной болтовней двух женщин, полагающих, что они решают воистину мировые проблемы.

Улыбнувшись, Арни увел детей, чтобы они не мешали своим матерям, и, вернувшись через

пару часов, увидел ворох бумажных выкроек.

— Тебе надо сшить костюм, Арни, — обратилась к мужу Надин. — Хочешь ты или нет, но тебе придется нас сопровождать! К тому же на балу Ассоциации, как и в «Шайенн-клабе», нельзя появляться в ином виде!

— Я уже сказал, что не собираюсь вступать в этот клуб, так же, как и в Ассоциацию скотоводов! — немного резко ответил он.

Пожав плечами, Надин продолжила заниматься выкройками. Она вернулась к этому разговору, когда они с Арни уединились в номере.

— Почему ты упрямишься? — спросила она.

— Потому что когда я женился на тебе, мне была нужна только ты, а не ранчо, а тем более — положение в обществе.

Молодая женщина улыбнулась.

— Я это знаю.

— Зато другие — нет. Представляю, что сказал бы Кларенс, увидев меня выходящим из «Шайенн-клаба»!

— Сколько лет ты с ним не виделся?

Арни не сдержал вздоха.

— Около восьми. Он как в воду канул.

— Не думаю, что вы когда-нибудь встретитесь.

— А мне кажется, это непременно случит-

ся, — заметил Арни и спросил: — Почему ты не рассказала мне о том, что он приходил в гостиницу и разговаривал с Эвиан?

Руки Надин, расплетавшие волосы, замерли.

— Ты бы только огорчился.

— Полагаю, Кларенс говорил обо мне?

Молодая женщина замялась.

— Этого я не знаю.

— Зато я знаю Кларенса. Он наверняка сказал, что прошьет меня свинцом. Когда-нибудь так и будет. Возмездие неизбежно.

Надин всплеснула руками.

— Ради бога, Арни! Я не знаю другого человека, кто совершал бы меньше дурных поступков, чем ты! Эвиан первая подтвердит, что ты всегда был ее другом!

— Эвиан не жаждет встречи с Кларенсом.

— Почему? Впрочем, я никогда не спрашивала ее о том, любила ли она его… К тому же он мог измениться за эти годы.

— Дело не в этом. Знаешь ли ты, что Дункан вовсе не сын моего бывшего приятеля? Что он твой брат?

Надин смотрела на него, не мигая. Как и Арни, она настолько свыклась с мыслью о том, что Эвиан родила ребенка от Кларенса, что просто не

замечала очевидного.

— Неужели?!

— Приглядись к нему, и ты все поймешь.

— Ты давно догадался?

— Я бы не заметил этого еще лет десять, если б не признание Эвиан.

— Эвиан?!

— Что тут удивительного? Женщина всегда знает, чьего ребенка она воспитывает.

— Но почему она… Отец терпеть не мог этого мальчика, он никогда не считал его своим. Сколько раз мое сердце сжималось, когда я видела, как отец относится к Эрику и как… получается — к собственному сыну, которого он всегда так хотел иметь!

— Это была ее месть — она сама так сказала. Она хотела, чтобы Дункан принадлежал только ей.

Надин покачала головой.

— Мне кажется, в Эвиан скрывается много такого, о чем мы не имеем понятия. Думаю, она еще преподнесет нам сюрпризы, — сказала она, и Арни не понял, звучит ли в ее словах уважение, осуждение или предупреждение об угрозе.

Очутившись в постели, они занялись любовью. Арни чувствовал, что Надин хочет этого. После гибели ее отца он не скоро смог вернуться к преж-

ним отношениям с женой, ибо тень Джозефа Иверса преследовала его даже в супружеской спальне. Арни казалось, что он не имеет права на близкие отношения с женщиной, чьего отца он убил и которой так и не смог открыть правды.

Оттого, что Надин ничего не знала, его холодность могла показаться ей оскорбительной и странной, потому настал миг, когда Арни вернулся в ее объятия.

Он любил ее мягкое, теплое и такое уютное тело, она полностью отвечала его представлениям о том, какой должна быть женщина. Арни был счастлив и, как всякий человек, боялся потерять свое счастье. Потому он молчал об убийстве Иверса и откровенно страшился встречи с бывшим другом.

Костюм был сшит в срок, как и два красивых дамских наряда. Эвиан выбрала для себя темно-сиреневое платье с отделкой из черных, напоминавших бахрому кружев и скромным турнюром. Такой наряд вполне приличествовал вдове по истечении года траура. Наряд Надин был темно-синим, с белыми атласными оборками.

— Ума не приложу, где найти того, кто бы мог дать нам хотя бы несколько уроков танцев! — сказала Надин, когда они примеряли платья и

черные бархатные туфли на высоких трехдюймовых каблуках. — Стыдно признаться, но я ни разу не танцевала!

Лицо Эвиан озарила легкая улыбка.

— Я не собираюсь танцевать.

Надин выпустила из рук подол платья, и ее брови изумленно поползли вверх.

— Почему ты тогда согласилась пойти на бал?

— По той же причине, по какой это делает Арни: потому что этого хочешь ты.

— Я? А почему не ты? Как мне ни тяжело это говорить, но ты могла бы встретить в здешнем обществе достойного человека и выйти за него замуж.

— Зачем? У меня нет никакой нужды вступать в новый брак: отныне мне некого опасаться, у меня есть деньги, а твой муж относится к Дункану, как к собственному сыну, и вполне способен дать ему мужское воспитание.

— Люди женятся не только из практических соображений.

— Знаю. Моя мать много рассказывала о своей любви к моему отцу, о том, как они встретились и поженились. Верю, что на свете существует такая вещь, как любовь женщины к мужчине, только это не про меня. Мои возможности безвозвратно

упущены.

— Мне жаль, что это случилось по вине моего отца, — тихо сказала Надин. — Страшно сказать, но с его смертью мы только и начали по-настоящему жить.

Эвиан прошлась по комнате.

— Десять лет я будто провела в кандалах. У него были жестокие руки и железное сердце. Меня много раз пугали борделем, но мое тело, по сути, всегда и было телом шлюхи. Я использовала его то как средство усыпить бдительность своего мужа, то как барьер между ним и Дунканом.

С содроганием выслушав Эвиан, Надин подумала о том, насколько повезло ей самой. В повседневной жизни их любовь с Арни была спокойной, самозабвенной и доверчивой, но молодой женщине была известна и тайна близости двух разгоряченных тел, лихорадочное воодушевление и буйное счастье под покровом ночи.

— А как у тебя было с Кларенсом? Я никогда не спрашивала о том, любила ли ты его…

Лицо Эвиан слегка порозовело, но ее взгляд, как и прежде, скрывала тень.

— Дело не в том, что он был молодым, красивым парнем, и даже не в том, что ради меня он был готов на все. Я отдалась ему не только

из благодарности, а еще потому, что надеялась почувствовать то, что чувствовал он. Не досаду, не злость, не стремление подчинить или унизить, а… чистую, как огонь, страсть. Хотя я понимала, что для меня любовь никогда не станет мгновенной вспышкой, скорее, тяжким трудом, возможно, у нас все сложилось бы, но… приехал Иверс. А почувствовав себя беременной, я уже не могла позволить себе ни надежд, ни мечтаний. Мне и сейчас кажется, что быть их заложницей куда страшнее, чем быть заложницей горя.

— Я знаю, что Дункан — мой брат, — помолчав, сказала Надин.

Эвиан кивнула.

— Я не сомневалась в том, что Арни расскажет тебе об этом. Только мне бы не хотелось, чтобы сам Дункан знал правду.

— Я понимаю. Пусть считает меня тетей. Тебе, — голос Надин дрогнул, — было трудно его полюбить?

— Дункана? Нет. Узнав правду, я сразу решила, что он должен быть только моим.

Они прожили в Шайенне неделю. Ели в ресторанах, ходили по магазинам, развлекались по мере сил. Надин все же взяла несколько уроков танцев, после чего заявила, что это вовсе не трудно.

Уступая желанию жены, Арни наведался в Ассоциацию и получил три приглашения на осенний бал. Хотя он пытался представить дело так, будто только управляет ранчо, принадлежащим его жене, на него все равно смотрели как на нового хозяина «Райской страны».

Бал Ассоциации скотоводов Вайоминга проходил в большом, не слишком умело украшенном драпировками, а также осенними цветами и листьями зале, откуда вынесли всю мебель, а деревянные полы отполировали до блеска.

Женщин было значительно меньше, чем мужчин, как вообще в Шайенне, да и во всем Вайоминге, и каждая, даже не очень привлекательная дама была окружена повышенным вниманием.

Сперва Надин смущалась и стеснялась, но потом осмелела и лихо отплясывала с постоянно сменяющими друг друга кавалерами. Эвиан стояла в стороне, похожая на прекрасную статую, с высоко поднятой головой, ледяным взглядом и плотно сжатыми губами. Кое-кто прослышал, что она — вдова Джозефа Иверса, впервые появившаяся на людях, что только усиливало всеобщий интерес.

Сначала ее буквально осаждали приглашениями, но она всем отказывала, и постепенно вокруг

нее словно образовался некий магический круг, который никто не решался нарушить. Теперь мужчины с любопытством поглядывали на нее издалека, а женщины возбужденно перешептывались, на словах осуждая Эвиан за холодность, а на деле — завидуя ее красоте и независимости.

Вскоре подтянулись опоздавшие: один из самых важных скотоводческих «баронов» Дэниел Брайтман, а также несколько его друзей и гостей из других городов — Пуэбло, Гранд-Джанкшена и Солт-Лейк-Сити.

Один из них, Джастин Платт, молодой владелец большого состояния в виде угольных рудников в западной части соседнего Колорадо, сразу обратил внимание на таинственную неприступную красавицу.

В ней явственно ощущалась сила, и вместе с тем — трогательная усталость. А еще на ее лице в любое мгновение могли появиться отчуждение и… тень непонятного страха.

— Кто та дама? — вполголоса спросил он Брайтмана.

— Сейчас узнаю, — сказал тот и через несколько минут ответил: — Вдова Джозефа Иверса, одного из самых богатых скотоводов и землевладельцев Вайоминга. Она здесь с падчерицей и ее мужем,

правда, падчерица почти такого же возраста. Мистер Иверс погиб больше года назад при не вполне понятных обстоятельствах. Что-то вроде несчастного случая. Кажется, у нее есть ребенок. Раньше ее никто не видел.

— Молодая, красивая и ни разу не появлялась в обществе? — удивился Джастин.

Брайтман пожал плечами.

— Я слышал, супруг держал ее на ранчо, как в клетке.

Когда к ней подошел очередной кавалер, Эвиан почувствовала что-то странное. Внешне он напоминал Арни Янсона, но как если бы тот получил образование и был воспитан в других условиях.

В нем ощущалась значительность и сила, но не было и тени показного довольства.

Мужчина слегка поклонился.

— Простите, вы — миссис Иверс?

— Да.

— Разрешите представиться: Джастин Платт.

Молодая женщина кивнула.

— Позвольте пригласить вас, мэм.

Эвиан ответила привычной фразой:

— Благодарю, но я не танцую.

Он вновь наклонил голову; в его взгляде был глубокий интерес, подчеркнутая вежливость и

притягательное достоинство.

— Я слышал о вашем трауре и приношу свои соболезнования.

— Возможно, я в трауре как раз оттого, что слишком долго была замужем, — сказала Эвиан, и это прозвучало как гром среди ясного неба.

Он смотрел, ожидая продолжения, и Эвиан добавила:

— Я не собиралась танцевать. Я просто сопровождаю своих родственников. Я здесь впервые.

— Я тоже. Я приехал в Шайенн по делам, а еще — чтобы навестить друзей. Вы позволите немного постоять возле вас?

Эвиан кивнула. У нее не было никакого повода отказывать ему, хотя она удивилась, что, едва появившись в зале, он уже что-то о ней узнал. Она же не знала о нем ничего, кроме того, что он был мужчиной, каких ей еще не доводилось встречать.

— У вас очень красивый наряд. Моя матушка держит в Гранд-Джанкшене модное ателье, но я не видел там ничего подобного, — заметил Джастин, разглядывая затейливые черные кружева на воротничке ее сиреневого платья, оттенявшие белую кожу.

Он говорил с неподдельным интересом, со зна-

нием дела, потому Эвиан ответила:

— Благодарю вас. Я сама придумала фасон.

— Неужели? Ваш вкус, безусловно, достоин похвалы.

Он хотел еще что-то сказать, но подошла раскрасневшаяся, запыхавшаяся Надин под руку с Арни. Ее глаза мягко лучились; она ласково и игриво поглядывала на мужа, а он был доволен как тем, что она славно повеселилась, так и тем, что это шумное действо движется к завершению.

Поскольку Эвиан молчала, Джастин Платт сам представился Янсонам.

— Вы, вероятно, родственники миссис Иверс?

— Да, в некотором роде.

Сам не зная почему, Арни занервничал. Он еще не привык к знакомству с людьми, коих до недавнего времени считал стоящими намного выше себя.

— Мне кажется, нам пора в гостиницу, — сказала Эвиан.

— Я мог бы отвезти вас в своем экипаже, — предложил Джастин.

— Но мы живем достаточно близко и вполне можем дойти пешком.

— А я бы с удовольствием проехалась, — вмешалась Надин. — После танцев у меня болят ноги, да

и не слишком приятно идти по улице в темноте.

Арни удивился, увидев, что его жена, всегда называвшая себя простой деревенской девушкой, запросто разговаривает с таким значительным человеком, но потом он догадался, в чем дело. Мгновенно уловив пока еще хрупкий, как первый лед, интерес Эвиан к этому мужчине, она пыталась сделать так, чтобы знакомство продолжилось.

Мистер Платт быстро переговорил с кем-то, после чего он, Эвиан и Янсоны уселись в экипаж и поехали по скверно вымощенной дороге, мимо церкви с высоким шпилем и неказистых приземистых домиков.

Мистер Платт первым нарушил молчание:

— Вы пока не собираетесь покидать Шайенн?

— Нет, — ответила Надин, — наверное, останемся до конца недели.

— Не хотите посетить родео?

— Я бы сходил, — сказал Арни. — Думаю, мальчики будут в восторге.

Хотя Джастин в основном разговаривал с Янсонами, было ясно, что его внимание предназначено исключительно Эвиан. После небольшого колебания она дала согласие посетить родео, хотя ее нисколько не интересовали подобные

зрелища.

Утро выдалось сухим и солнечным. Ярко-красные кисти рябин за окном казались кровавыми брызгами, а листья кленов — лоскутьями пламени.

Эвиан чудилось, будто она провела перед зеркалом целую вечность, хотя на самом деле она собралась так же быстро, как всегда.

Каждое из ее новых платьев было скромным и вместе с тем таило в себе некую изюминку. Эвиан нравилось, что юбка мягко облегает бедра, а шлейф приятно шуршит. Жизнь на ранчо не огрубила ее кожу — лицо было гладким и белым, а потому не нуждалось в пудре. Она сделала простую прическу и слегка надушилась духами, которые они с Надин купили в одном из шайеннских магазинов.

Эвиан долго не решалась выйти из номера. Ей чудилось, будто ее хотят выставить на всеобщее обозрение. Надин хорошо: ее вид выдает счастливую, любимую мужем женщину, а что можно сказать о ней?!

В конце концов, она появилась, только когда за ними заехал Джастин. Было заметно, что, собираясь на эту встречу, он тоже волновался и тревожился.

Он пожал руку Арни, поцеловал кончики пальцев Надин, с особым значением поклонился Эвиан и задержал взгляд на детях. Разумеется, он сразу понял, какой из мальчиков — сын женщины, мгновенно сразившей его своей загадочностью и красотой. Джастин улыбнулся детям, но ничего не сказал.

При входе было не протолкнуться, но мистеру Платту удалось занять для своих спутников лучшие места. Стоял такой гул, что было невозможно расслышать собственный голос. Над рядами плыл густой дух подвешенных на железных крюках толстых колбас и резкий запах виски.

Предполагались скачки на диких быках, неоседланных лошадях и ловля бычков на лассо.

— К счастью, это не такое кровавое зрелище, как коррида, — сказал Джастин.

— Кажется, родео тоже придумали испанцы? — заметил Арни.

— Да. Самые крупные состязания проводятся в Шайенне, да еще в Денвере во время зимней животноводческой выставки.

— Вы бывали в Денвере? — спросила Эвиан.

— Бывал. Он же тоже находится в Колорадо. Маленький городок у самого подножия Скалистых гор. А вы?

— Я жила там совсем недолго, — в голосе молодой женщины был отзвук давних, неосуществившихся и полузабытых надежд. — Работала в швейной мастерской.

— Думаю, вы бы нашли общий язык с моей матушкой, — улыбнулся Джастин. — Она не хотела быть просто женой и матерью, вот и занялась своим делом. Многие осуждали ее за это, но ей было все равно. Мне казалось удивительным, когда она говорила, что глядя на кусок ткани, уже видит вещь, которая из него получится. Мой отец часто бывал занят, и я провел свое детство среди матушкиных иголок, ниток и лоскутков.

— Мне это знакомо, — призналась Эвиан.

— При этом вы живете на ранчо… — осторожно произнес он, словно боясь затронуть нечто потаенное, и молодая женщина оценила его деликатность.

— Так распорядилась судьба.

— Она может распорядиться еще раз, но уже иначе. Или вы распорядитесь ею. Каждому человеку дается шанс — хотя бы раз в жизни.

Она посмотрела ему в глаза своими, одновременно темными и сияющими, так, словно заглянула в душу.

— А вы использовали свой?

— Мне кажется, — искренне признался он, — еще нет. Во всяком случае, в том, что касается личных отношений.

Эвиан вздрогнула, пораженная его откровенностью. Ей нравилось, что этот мужчина говорит о том, что интересно именно ей, и она невольно начала о нем думать.

Она не слишком хорошо помнила, о чем они говорили, да это и не было столь важно. Точно так же Эвиан не видела ни арены, где взметалась пыль, откуда летели клочья шерсти, доносились рев бычков, ржание лошадей, победные крики или досадная ругань ковбоев. Она пребывала внутри себя, в своем собственном мире.

В перерыве между состязаниями мужчины принесли дамам ежевичного вина и горячих колбасок, а детям — сладостей.

Джастин объяснил Дункану и Эрику, как организованы состязания, каким образом некогда обычные пастушьи забавы сделались увлекательным и доходным делом, рассказал, что каждый ковбой, претендующий на звание победителя, обязан продержаться на быке не менее восьми секунд, при этом животное должно показаться неукротимым. Мальчишки слушали его, открыв рот.

Он заключал довольно скромное пари на исход поединков, что свидетельствовало не о скупости, а, скорее, о желании не выпячивать свое положение.

Эвиан заметила, что Дункан напряженно наблюдает за Джастином, так, будто пытается решить какую-то задачу, причем решить в свою пользу. Улучив момент, он спросил у матери:

— Кто этот человек?

— Наш новый знакомый.

— Он чем-то похож на дядю Арни, — заметил мальчик, и Эвиан уловила в его тоне нотки доверия, интереса и зарождавшейся симпатии.

Тем не менее, она простилась с мистером Платтом хотя и вежливо, но сдержанно, без малейшего намека на дальнейшее развитие отношений.

Перед сном Надин зашла к ней под предлогом того, чтобы они расплели и расчесали друг другу волосы.

Надин восхищалась густыми, жесткими волосами Эвиан, казалось, не способными потерять ни цвет, ни силу. Зато сама она умела улыбаться даже глазами, и люди почти всегда отвечали на ее улыбку.

Она не стала скрывать от Эвиан, о чем хочет поговорить.

— Тебе понравился мистер Платт?

— Возможно.

— Зато ты ему — совершенно точно! Я попросила Арни немного узнать о нем. Он живет в Гранд-Джанкшене, он очень богат, и у него безупречная репутация.

— Ты говоришь об этом в надежде, что меня заинтересуют такие сведения?

— Я говорю это, надеясь на то, что любовь для тебя все-таки обернется волшебством, а не тяжким трудом. Во время состязаний он смотрел не на арену, а только на тебя. Любая женщина многое отдала бы за такой взгляд!

Вопреки ее ожиданиям, Эвиан не возмутилась и не стала ничего отрицать, она лишь с горечью заметила:

— Ох, Надин! Я не из тех женщин, которые, подобно тебе, излучают тепло, покой и нежность.

— Может, ему и не нужна такая женщина, — сказала Надин. — Я не удивлюсь, если его покорила твоя красота, а остальное кажется несущественным. — Она снисходительно усмехнулась. — Таковы мужчины! — И, не дав Эвиан вставить слово, продолжила: — Если когда-то твоя внешность привлекла, — она слегка запнулась, — негодяя, почему она не может привлечь

благородного человека? Стоило опасаться, что теперь, когда ты состоятельна и свободна, тебя станут преследовать всякие корыстолюбивые типы, но тут как раз другой случай. Джастин Платт и сам очень богат. Я знаю, что ты никогда не любила ранчо, не любишь его и теперь, а он мог бы увезти тебя в совершенно другой мир, где у тебя бы появилась возможность забыть о прошлой жизни.

— К сожалению, этот отрезок слишком велик. К тому же у меня есть Дункан.

— И он нуждается в мужском воспитании. Арни уделяет твоему сыну много внимания, и все же Дункану приходится делить его с Эриком.

Эвиан знала о тайном соперничестве мальчишек. Ее сын был сообразительнее, смелее и сильнее, но неоспоримым козырем Эрика всегда было то, что у него имелся отец, о каком Дункану приходилось только мечтать.

— Любой мужчина захочет иметь своих детей. Дункан может оказаться лишним.

Отложив щетку для волос, Надин села напротив Эвиан и уверенным и в то же время ласковым жестом взяла ее руки в свои.

— Расскажи мистеру Платту все, как есть. Если он любит, то поймет.

Эвиан и Янсоны прожили в Шайенне не одну, а две недели, хотя Арни и торопился домой. Джастин Платт всячески развлекал их и беспрерывно ухаживал за Эвиан. Зная, что, вернувшись на ранчо, новые знакомые смогут приехать в город только весной, он пригласил их в Гранд-Джанкшен: было совершенно ясно, что он не собирается упускать из виду понравившуюся ему женщину.

Глава восемнадцатая

Эвиан и сама не знала, как получилось, что она поехала в Колорадо следом за Джастином Платтом. Вероятно, сыграли роль уговоры Надин, сразу увидевшей перспективы этого знакомства.

В союзе с Джастином Платтом Эвиан была бы дана свобода выбора, причем такая, о какой она не смела и помыслить. Молодая женщина могла полностью отринуть свое прошлое, затолкать его в дальние уголки души, попытаться о нем забыть. Могла рассказать Джастину всю правду или то, что считала нужным. В ее воле было жить, ничего не делая, наслаждаясь богатством и уделяя время только мужу и сыну, и она так же имела право заняться собственным делом, о чем мечтала всю жизнь.

Несмотря на противоречивые чувства, Арни тоже проникся идеей воплощения личного счастья Эвиан. В конце концов, он был перед ней в долгу гораздо больше, чем его супруга.

К тому же на свете существовал еще и Дункан. Запросто общаясь с мальчиком, Джастин завоевал его симпатию. Он не заискивал перед ним и

не пытался его подкупить: это были искренние, доверительные отношения.

Гранд-Джанкшен оказался небольшим аккуратным городком. Гости остановились в отеле. Джастин каждый день заезжал за ними, чтобы куда-то пригласить и что-нибудь показать или с кем-либо познакомить.

Эвиан на удивление быстро нашла общий язык с его матерью, привлекательной, энергичной пятидесятилетней дамой.

Миссис Платт казалось вполне естественным и то, что в свои двадцать шесть Эвиан побывала замужем и то, что у нее был ребенок, а главное — эта умная женщина не препятствовала намерениям сына.

Эвиан боялась показаться необразованной и неинтересной, но отсутствие каких-то знаний с успехом заменило понимание того, что искусно пришитый бисер, искрясь на свету, оживляет любую ткань, что шуршание шлейфа может быть похожим и на шорох осенних листьев, и на шелест крыльев большой бабочки. Что у любого платья есть свой характер и, если угодно, даже своя душа, и с каждым нарядом или парой туфель связано какое-либо воспоминание.

Миссис Платт подарила ей прелестный кожа-

ный футляр для ношения на поясе — с игольницей, набором серебряных ножниц и небольшим ножичком. Она также дала понять молодой женщине, что будет искренне рада видеть ее своей союзницей и помощницей.

Джастин много раз катал Эвиан и Янсонов в своем экипаже, но в последний раз эта прогулка (детей на нее не взяли) была самой долгой.

Они остановились на окраине, там, где начинался лес. Надин и Арни сделали вид, что устали и им не хочется выходить из экипажа, а Джастин и Эвиан решили немного прогуляться.

На западе еще виднелась узкая красная полоса, но с востока медленно опускался темный занавес ночной тьмы. Эвиан с Джастином находились на возвышении, откуда, казалось, просматривались пределы мироздания, однако кругом не было видно ни домов, ни людей. Молодой женщине невольно почудилось, будто здесь нет никого, кроме нее, ее спутника и звезд над головой.

— Я долго ждал момента, когда смогу остаться с вами наедине, мисс Эвиан, и я не стану терять время. Думаю, вы давно поняли, что мои намерения серьезны. Я хочу сказать, что люблю вас, хочу сделать вам предложение и подарить кольцо.

Она опустила голову и смотрела в землю.

— Почему вы до сих пор не женаты?

— Потому что многие женщины полагают, что жизнь со мной — бесконечный праздник. Или что это очень удобно.

— Разве я не могу думать точно так же?

— Нет. Вы знаете, что такого просто не может быть. Я слышал, что за вашими плечами нелегкое прошлое, и полагаю, что ваш жизненный опыт не даст вам обмануться.

— И все-таки я должна подумать.

Они еще немного поговорили, но до поцелуя, о котором мечтал Джастин Платт, дело так и не дошло.

Когда они вернулись в экипаж, где ждали Янсоны, Эвиан молчала. Но очутившись в отеле, она сообщила Надин, что через несколько дней в особняке состоится прием, на котором Джастин представит ее как свою невесту.

Стоявший в центре Гранд-Джанкшена особняк Платтов выглядел изысканной драгоценной шкатулкой. Надин была вынуждена признать, что по сравнению с этими покоями их сельский дом выглядит просто сараем, о чем тут же шепнула Эвиан.

Янсоны, не привыкшие вращаться в обществе, держались тише воды ниже травы, но Эвиан по-

неволе очутилась в центре внимания. Она тоже робела; к счастью, среди присутствующих не было старой аристократии: окружение Платтов состояло из людей, сделавших себе капиталы и имя, как говорится, из ничего. Здесь ценилось не происхождение, а личные качества и не считалось дурным тоном говорить о состоянии и доходах.

Так, знакомя Эвиан с гостями, мать Джастина довольно внушительно сообщила, что молодая женщина — совладелица большого ранчо, но в будущем намерена переехать в город и влиться в местное общество.

— Искренне поддерживаю, — поддакнула некая пожилая дама, по-видимому, не отличавшаяся деликатностью. — Когда-то я была на одном ранчо. Коровы, пыль, навоз…

— Не забывайте, что кроме этого, миссис Клам, в Вайоминге великолепные лесные угодья, — вставил сидевший рядом джентльмен. — На продаже леса можно заработать немалые деньги! Сейчас в этом штате процветает скупка общественных земель — а это крайне выгодное дело. Знаю людей, которые умудрялись приобретать лучшие плодородные, рудоносные или лесные участки по ценам, назначенным за самые худшие, — в

основном благодаря нашим «бескорыстным» чиновникам. Купил — и делай что хочешь: добывай руду, строй лесопилки, огораживай пастбища.

— Дело в том, — вдруг сказала Эвиан, — что лес растет не для того, чтобы мы пользовались им так, как считаем нужным. Деревья создают настроение, дух местности: во всяком случае, так говорится в индейских легендах. Быть владельцем земли не означает вырубать лес, уничтожать животных и осушать реки. Надо помнить, что изначально в этих местах хозяйничали бизоны, олени, койоты, бобры и красные белки.

На лицах большинства присутствующих было написано недоумение, словно они впервые слышали что-то подобное, будто Эвиан внезапно заговорила на неизвестном никому языке.

— Как можно верить в индейские бредни про все эти злые и добрые силы? — вздохнула одна из дам. — Ведь это темный и примитивный народ!

— Ничего, дорогая, — с улыбкой произнесла миссис Платт, обращаясь к Эвиан, — когда вы переселитесь в Гранд-Джанкшен, вы забудете о том, что вам внушали раньше.

— Мне никто ничего не внушал. Просто однажды я поняла это сама, — несколько растерянно произнесла молодая женщина. — В природе нет

злых сил, они присутствуют лишь в человеческой душе, причем в больше степени — в душе белого человека.

И она снова заметила, что на нее смотрят с любопытством и даже некоторой опаской, словно на человека, пораженного неведомым недугом.

— Не обращайте на них внимания, — промолвил Джастин по окончании приема. — Они всю жизнь прожили в городе. Если вы любите природу, в окрестностях Гранд-Джанкшена много прекрасных мест, где можно гулять или кататься в экипаже. Да и в самом городе есть великолепный парк, хотя и без бизонов и оленей.

— Вы тоже не верите в индейские легенды? — спросила Эвиан.

Он улыбнулся.

— Я отношусь к ним, как к сказкам. Мне кажется, все эти «тайные знания» — не более чем товар, рассчитанный на вкусы среднего обывателя. Что касается вырубки леса, устройства пастбищ, сооружения плотин — это неизбежно. Я бы на вашем месте превратил землю в деньги и больше не думал про этот дикий край.

Перед отъездом они немного побыли наедине, и Джастин Платт наконец получил свой поцелуй, который дался Эвиан с трудом. Но она не винила

своего жениха — дело было в ней, а не в нем.

В объятиях Джастина сквозила уверенность в себе. Этот человек всегда был богатым и успешным и никогда не сомневался в том, что он делает. Он желал, чтобы Эвиан отдала ему свою красоту, а взамен обещал покровительство и свободу, так, как он их понимал.

— Ты любишь его? Любишь? — выпытывала Надин, когда они ехали в поезде из Гранд-Джанкшена в Шайенн.

— Это имеет решающее значение? — промолвила Эвиан и, видя, что ее слова огорчили и насторожили Надин, добавила: — Ты права: каждой женщине хочется ощутить опору в лице надежного и сильного мужчины. Все складывается довольно удачно, — она улыбнулась с оттенком иронии, — особенно с ателье.

— На самом деле мы с Арни не хотим тебя отпускать, и ты это знаешь. Но мы мечтаем, чтобы ты наконец была счастлива.

— Без меня ваша жизнь станет куда светлее. Я привношу в нее долю мрачности, тень ненужных воспоминаний и след горя.

Эвиан рассказала Надин, о чем договорилась с Джастином: она решит, как быть с принадлежащей ей землей, возьмет необходимые вещи и

вернется в Гранд-Джанкшен, где они сыграют свадьбу. Миссис Платт обещала сшить подходящее платье, разослать приглашения и устроить само торжество. Она сердечно простилась с Эвиан, заверив, что будет с нетерпением ждать и ее, и гостей с ее стороны.

Когда Арни сказал Надин, что он не может бросить ранчо и разъезжать туда-сюда, она ответила, что на сей раз дело того стоит. Узнав, что им придется расстаться, Дункан и Эрик огорчились, однако взрослые заверили их, что они будут часто ездить друг к другу в гости.

— Уж лето ты точно проведешь у нас! — сказал Арни. — А Эрик может приехать к тебе зимой.

В поезде у Эвиан было много времени для размышлений. Когда за окном в очередной раз тянулись однообразные поля и перелески, она сказала Надин:

— Эти люди так странно смотрели, когда я говорила о лесе.

— Они же горожане, у них другой ум, — снисходительно заметила Надин.

— Я поняла, что никогда не смогу рассказать Джастину о Зане. Он меня попросту не поймет.

— Разве ему обязательно знать об индианке? Что это изменит?

Но Эвиан с сомнением покачала головой.

Однако больше она не возвращалась к этому разговору и, очутившись на ранчо, озабоченно разбирала вещи, решая, что взять с собой. Эвиан не хотелось тащить в новую жизнь что-то лишнее.

Когда Арни осторожно предложил Эвиан оставить Дункана в «Райской стране» хотя бы на первое время, она твердо отказалась. Что-то подсказывало Янсонам, что она решила окончательно порвать с ранчо.

И все же у нее оставались какие-то сомнения; наверняка именно они заставили ее накануне отъезда в одиночку пойти на оленью тропу.

Прежде вид угрюмых гор оставлял в душе Эвиан тягостное впечатление. Ей чудилось, что они, будто чудовища с железными гребнями, окружают и сдавливают крохотное пространство, медленно наплывают на него, словно синие киты. Но сейчас они казались ей полупрозрачными, пронизанными солнцем пирамидами.

Молодая женщина вошла в лес. То был особый мир, замкнувшийся в таинственном мягком полумраке. Слегка пригибаясь, Эвиан шла под ветками. Ей казалось, что тут давно никто не ходил — ни олени, ни люди. Землю захватила

цепкая темно-зеленая поросль с жесткими длинными иглами.

Эвиан остановилась. Дальше идти не стоило; она могла заблудиться.

Она долго стояла, словно ожидая чего-то, быть может, какого-то знака, но вокруг было пусто и тихо. Эвиан знала, что олени не уходят отсюда навсегда, они непременно возвращаются, чего нельзя сказать о людях.

Где-то там, под землей, спала Зана, а ее, более не принадлежащая никому сила вольно гуляла по лесу. Хотя Эвиан ждала совершенно новая жизнь, она чувствовала, что не сможет отринуть прошлое, как смогла бы отшвырнуть ногой попавшийся на дороге камень.

Она не любила этот край, и вместе с тем только в этом лесу могла забыть о времени, забыть о том, где находится. А еще она не слишком хорошо представляла, какое отношение эти места имеют к той куче денег, о которой говорил Джастин Платт.

Вернувшись обратно, Эвиан уложила последние вещи. Она выглядела целеустремленной, собранной, а не радостной и оживленной, как можно было ожидать. Впрочем, Янсоны знали ее достаточно хорошо, а потому не удивлялись.

Повозка оказалась сильно нагруженной, но вещами не Эвиан, а Надин, которая, как ворчал Арни, везла с собой целый гардероб, потому что не хотела ударить в грязь лицом на предстоящей свадьбе. Она рассчитывала, если повезет, сшить себе еще парочку платьев в ателье миссис Платт.

Вскоре Эвиан тоже получит это имя. И ничто больше не будет связывать ее с Иверсами.

— Сколько же зла причинил ей мой отец! — в сердцах сказала Надин мужу и получила ответ, в котором звучали странные нотки:

— Он поплатился за это.

Они добрались до станции без приключений, сдали вещи в багажный вагон и заняли свои места. Арни был все в том же костюме, женщины — в дорожных платьях, накидках, перчатках и шляпках. Дети беспокойно вертели головами; мальчишки без конца показывали на что-то, дергали и перебивали друг друга. Надин разложила на сиденье припасы: хлеб, овощи, пироги, жареных цыплят.

Эвиан не двигалась. Она сидела, неотрывно глядя в окно, словно поглощенная забвением или думами. Она по-прежнему страшилась того, что не даст к себе приблизиться ни Джастину, ни кому-то другому, не захочет расстаться

с независимостью и неприкосновенностью. Эвиан казалось, что судьба не предоставила ей возможности поразмышлять над смыслом своего существования, подольше прочувствовать жизнь на свободе. Впрочем, существует ли она, эта свобода?

Огромные деревья торжественно выстроились вдоль путей, скрывая горизонт с его затухающим светом. Утром они прибудут в Гранд-Джанкшен. Совсем скоро — хотя иногда одна ночь бывает подобна целой жизни.

А в это время некий человек перевел железнодорожную стрелку так, чтобы состав перешел на другой путь. А потом другой человек приставил к голове телеграфиста маленькой станции револьвер, и приближавшийся поезд получил сигнал остановиться.

Когда состав дернулся, никто ничего не заподозрил. Обычная остановка в пути. Пока пассажиры спокойно сидели на своих местах, неизвестные вытащили из кабины паровоза машиниста и кочегара. Потом взломали последний, почтовый вагон, обшарили сейф и содержимое мешков. А после пошли вперед по составу.

Опасаясь проявлений неожиданного героизма со стороны пассажиров, грабители не снимали

пальцев с взведенных курков. Внимательно оглядывая мужчин, женщин и детей, они молча забирали протянутые ценности и деньги.

Иногда главарь делал своим людям знак остановиться — если замечал богатого, на его взгляд, человека, и тогда несчастного бесцеремонно обыскивали и копались в его вещах. Бандиты не трогали дам, и самые сообразительные и смелые из них успевали припрятать в лифах украшения и купюры.

В вагон, где сидели Янсоны и Эвиан с сыном, вбежал перепуганный кондуктор.

— Сюда идут грабители! Это они остановили поезд!

Многие пассажиры вскочили с мест. Оружия почти ни у кого не было, зато у многих имелись дорогие часы и туго набитые кошельки.

— А если попытаться бежать в лес? — выкрикнул кто-то.

— Не вздумайте! Они предупредили, что в этом случае будут стрелять.

Надин в испуге прижала к себе детей. Арни озирался вокруг, не зная, что предпринять. У него не было оружия. Он давно не имел нужды постоянно носить с собой винтовку или кольт.

— Говорят, они не обыскивают женщин! — до-

бавил кондуктор, и, услышав это, Эвиан сунула деньги в ботинок.

Она с содроганием подумала о том, что пусть ее лучше пристрелят, но она ни за что не потерпит, чтобы к ней прикасались чужие руки.

Вокруг были искаженные страхом, растерянностью и беспомощностью лица. Кто-то из женщин запричитал и заплакал, а следом разревелся ребенок.

Однако когда бандиты вошли в вагон, все умолкли, как по команде, и тотчас раздался громкий голос:

— Все остаются на местах! Это ограбление. С теми, кто добровольно отдаст деньги, ценные вещи и оружие, ничего не случится.

Мужчины считали долгом заслонить своих спутниц, которые буквально вжались в стенки вагона. Многие джентльмены изо всех сил старались сохранить решительное выражение лица, но это удавалось далеко не всем.

Большинство пассажиров безропотно протягивали грабителям их добычу. В основном здесь собрались мирные люди, редко, а то и никогда не пользовавшиеся оружием.

Когда Арни вынимал бумажник, его руки слегка дрожали, но не от страха. Он ощущал себя попав-

шим в крайне унизительное положение. Ему не было жалко денег, но он знал, что будет со стыдом вспоминать тот день, когда женщины стали свидетелями его смирения перед преступниками, падения его духа. Конечно, он был уверен, что ни Надин, ни Эвиан не осудят его, даже наоборот, но ведь здесь находился и его сын!

Ближайший бандит ткнул его револьвером в грудь, давая понять, чтобы он поторапливался. Арни нестерпимо хотелось ударить его бумажником по лицу. Возможно, он так бы и сделал, но тут их взгляды встретились, и оба замерли, не в силах поверить своим глазам.

Рука Арии с зажатым в ней бумажником и рука Кларенса Хейвуда замерли на полпути. Прошло не меньше минуты, и все это время они были похожи на людей, ведущих молчаливый разговор о чем-то, известном лишь им двоим.

— Эй, побыстрее! — бросил главарь, обходя их и продвигаясь дальше.

— Сейчас, — сказал Кларенс.

— Возьми. — Арни протянул ему деньги.

— Боюсь, этого будет мало. Думаю, тебе не расплатиться всем золотом мира!

— Тогда выставь свой счет.

— Непременно. Только для этого тебе придется

пройти со мной.

Арни кивнул и надел шляпу.

От него не укрылось, с каким презрением бывший приятель смотрит на его черный шерстяной костюм, столь отличавшийся от былой ковбойской одежды. Арни казалось, что сам Кларенс не слишком сильно изменился. Все те же чуть раскосые темные глаза (только теперь их взгляд был много жестче и тяжелее), четкие, хотя и ставшие более резкими черты лица, стройное, но сильное тело.

И вместе с тем в нем было что-то страшно незнакомое, чужое: Арни с трудом верилось, что он провел детство и большую часть юности бок о бок с этим человеком. Сейчас чувствовалось, что Кларенс способен выстрелить без слов, а если все же вступит в разговор, это будет подобно игре кошки с мышью.

И все же, вопреки всему, Арни испытал огромное облегчение, словно то, чего он так долго ждал, наконец свершилось. Он услышал металлический щелчок взведенного курка, и в следующий миг ствол уперся ему в ребра.

— Арни! — в ужасе вскричала Падин.

— Твоя жена? — кивнул Кларенс.

— Да.

До сего момента он не обращал внимания на спутниц Арни, зато они пристально смотрели на него.

Внезапно одна из них встала и сделала шаг вперед.

— Кларенс…

Увидев ее, он весь подобрался и опустил оружие. Он смотрел на нее странным, пристыженным и одновременно вызывающим взглядом.

— Эвиан…

— Оставь в покое Арни, Кларенс. Нам надо поговорить, — сказала Эвиан и повернулась к своим спутникам: — Подождите здесь.

За минуту до этого она велела Дункану, что бы ни случилось, сидеть тихо, и теперь он не двигался, вцепившись в руку Эрика, и лишь провожал свою мать встревоженным взглядом. А еще Эвиан успела снять с пальца надетое Джастином кольцо и сунуть его в руку Надин.

Когда она пошла по проходу, Надин заломила руки. Арни стиснул зубы. Он тоже не знал, что предпринять.

— Я пойду за ними!

— Нет! Он тебя убьет! — в отчаянии произнесла Надин.

В конце вагона Эвиан еще раз оглянулась,

посылая им предупреждающий жест, и они не решились тронуться с места.

Подобрав юбки, молодая женщина спрыгнула в высокую траву. Возле состава царила суета. Бандиты волокли какие-то мешки; из соседнего вагона вывели мужчину в цилиндре и дорогом пальто — в сумерках его лицо казалось белым, как кость.

Вдали чернела стена леса, а вблизи виднелось одноэтажное деревянное здание станции.

— Мы можем войти туда? Там кто-нибудь есть? — спросила Эвиан и, не дожидаясь ответа, поднялась на крыльцо и открыла дверь.

В одной из двух комнат, привалившись к стене, сидели связанные телеграфист и смотритель станции. Второй — с раной на лбу, очевидно, нанесенной рукояткой револьвера.

Другая комната была пуста, и Эвиан прошла в нее. Кларенс двигался следом.

Мутное окно, деревянный стол, какие-то инструменты, полки с пыльными папками. С улицы доносились крики, ржание лошадей, один раз раздался гудок паровоза, но эти двое, мужчина и женщина, словно попали в другой мир.

Оба, казалось, перестали дышать. Они стояли в двух шагах друг от друга, но их разделяло нечто

намного большее, чем это крохотное пространство.

Он заметил, что на ее лбу прорезалась морщинка. Она — что на его лице, от глаза к уху, змеится белая молния шрама.

Кларенс Хейвуд молчал. Он не мог сказать Эвиан, что его жизнь на поверку не оправдала никаких ожиданий. Что его судьба давно лежит в осколках, которые он не чает собрать. И он отчаянно старался, чтобы Эвиан не прочла по его глазам, что ему стыдно перед ней за то, что ей довелось увидеть, кем он стал, чтобы она не разглядела его опустошенность и досаду.

Эвиан сняла шляпку, положила ее на стол и провела ладонью по лбу. Потом сказала:

— Иверс мертв. Я свободна.

— Давно?

— Чуть больше года.

— Он умер?

— Его убили. Это сделал человек, которого ты считаешь своим врагом.

Угольно-черные глаза Кларенса расширились.

— Как это произошло?

— Из-за моего сына.

— У тебя есть сын?

— Да.

Губы Кларенса тронула чуть заметная улыбка. Он поискал в выражении лица Эвиан некое признание, но не нашел.

— Сколько ему?

— Семь. — И прежде, чем Кларенс смог что-то произнести, добавила: — Прошу, не трогай Арни и его семью. Оставь обиды в прошлом. Я все объясню. — И, переведя дыхание, продолжила: — В тот раз, когда ты пришел в гостиницу, Иверс притаился в соседней комнате. Он угрожал моему новорожденному сыну. Потому я и сказала тебе то, что сказала.

Его лицо перекосила боль, и он невольно сжал рукоятку револьвера.

— Стало быть, тогда я ушел, оставив тебя и… ребенка в лапах Иверса?!

— Есть вещи, которые мы не в силах изменить. В тот вечер все козыри были в его руках.

Кларенс смотрел на нее, и ему чудилось, что он ощущает возродившуюся трепетную любовь, юношеское возбуждение, трогательное волнение, но все это словно покрывала твердая корка ставшей привычной жестокости и равнодушия, давней скорби и горького разочарования.

Видя, что Эвиан опасается его намерений, он произнес:

— Я не стану никого трогать.

— Разве ты можешь действовать по собственной воле? Ведь ты среди тех, кто отбирал деньги у пассажиров…

— Одно твое слово, и я не поеду с ними, а останусь с тобой!

Он произнес это с тем же решительным видом, с каким когда-то обещал увезти ее из «Райской страны».

— Да, — сказала она, — я этого хочу.

Кларенс потянулся к ней, но Эвиан отстранилась.

— Подожди. Надо оказать помощь тем, кто в соседней комнате.

— Хорошо, — согласился Кларенс, но она остановила его:

— Я сама. Эти люди и так напуганы.

Молодая женщина прошла туда, где находились смотритель и телеграфист. Достав свой носовой платок, она осторожно вытерла кровь со лба первого, после чего тихо, но решительно произнесла, обращаясь к телеграфисту:

— Прошу вас, когда я и тот человек выйдем отсюда, сообщите полиции о том, что произошло ограбление поезда. Не медлите! А потом сядьте так, как сидели.

Достав маленький ножичек из футляра, подаренного миссис Платт, она перерезала веревки, связывавшие руки мужчин.

— Один из них ранен, — вернувшись, сказала она, — но, кажется, легко.

— Скоро их освободят. Там почти закончили, — Кларенс кивнул в сторону поезда.

— Пока они не уехали, нам, наверное, надо где-то спрятаться?

— Да. Идем!

Они выскользнули из здания, прокрались вдоль стены и остановились за кустами. Эвиан видела, как бандиты садятся в седла. Если они и не досчитались одного из товарищей, то не стали его искать.

У Кларенса было странное выражение лица. Казалось, он не очень хорошо представляет, как вернуться обратно через границу, которую он переступил восемь лет назад.

— Зайдем на станцию, — сказала Эвиан, надеясь, что телеграфисту хватило времени отправить сообщение. — Я забыла там шляпу.

Кларенс кивнул: он был рад небольшой передышке.

Они вновь прошли через комнату. Телеграфист (и он, и смотритель, как и прежде, сидели, при-

слонившись к стене) незаметно кивнул Эвиан.

Кларенс прикрыл дверь. Заметив, что его спутница смотрит на оружие, положил кольт на стол, рядом с ее шляпкой, кокетливым сооружением с перьями и лентами, каких она не носила, когда жила на ранчо. Потом осторожно взял Эвиан за плечи и повернул к себе.

Она была готова к тому, что робость и нежность каждого мужчины могут в любую минуту обернуться неистовым, неумолимым и жадным напором самца. Но Кларенс ничего не делал, он просто смотрел на нее так, как смотрел бы на внезапно посетившее его видение прошлого, не веря в то, что оно способно воплотиться в реальность.

Чтобы выиграть время, Эвиан должна была заставить его поверить.

Ее грудь вздымалась от волнения. Под платьем было красивое дорогое белье, надетое ею для Джастина. Думая о своем женихе, Эвиан хорошо представляла, как они станут вместе гулять, читать, заниматься практическими делами, но только не как они будут засыпать в объятиях друг друга. И все же она купила отделанный кружевом атласный корсет, муслиновые нижние юбки, панталоны с ажурной вышивкой и несколько сорочек из тонкого, как паутина, полотна, оче-

видно, надеясь, что эти вещи помогут ей стать той женщиной, какой она должна была стать.

Эвиан первой обняла Кларенса, первой нашла его губы. Разумеется, он ответил на ее порыв; в тот миг, когда любовь и желание вдруг перестали быть злой мукой, он словно утратил и зрение, и слух, и разум.

Сейчас рядом с ней был не пылкий влюбленный юноша, а порядком огрубевший мужчина, грабитель, бандит: Эвиан казалось, что ощущает это всей своей кожей. И все же когда в дверь ворвалась полиция, она на мгновение увидела в нем того Кларенса, которого некогда настигли люди Иверса: он смотрел такими же глазами, глазами человека, чьи надежды были постыдно обмануты.

— Стоять! Отпусти женщину! Подними руки!

Взгляд Кларенса метнулся к столу, на котором лежало оружие, но он не успел схватить револьвер.

Пока на него надевали наручники, один из полицейских обратился к Эвиан:

— Вы не пострадали, мэм?

— Нет, — ответила Эвиан, поправляя одежду и волосы. — Можно я пойду? В вагоне остался мой сын.

— Конечно, мэм. Но потом вам придется дать показания. Как ваше имя?

— Эвиан. Миссис Иверс. Я вдова.

Когда, надев шляпку, она шагнула к выходу, Кларенс подал голос:

— Ты считаешь, я это заслужил?

— Прости, но мне не надо второго Джозефа Иверса, — твердо произнесла женщина и вышла за дверь.

Тучи на небе разорвались, обнажив красновато-синюю полосу, напоминающую полузажившую рану. Запах поездной гари смешивался с ароматом мокрой вечерней травы. Неожиданно пошел холодный осенний дождь — его струи сильно, резко и больно хлестали по лицу.

Со стороны состава к Эвиан бежал Дункан.

— Мама!

— Сынок!

Вопреки обыкновению, она заключила его в крепкие объятия.

Арни стоял возле вагона. Подойдя к нему вместе с Дунканом, Эвиан рассказала, как было дело.

— Я думал, полиция прибыла сама, — заметил он, и она уловила в его голосе тень сожаления.

— Это было необходимо, Арни. Я видела его лицо, когда он шел по вагону, а потом — когда

он разговаривал с тобой. Он убил бы тебя. Если не сейчас, так потом. Он грабитель, бандит, нападающий на поезда, в которых едут мирные люди. Женщины и дети. Передо мной был второй Джозеф Иверс.

Арни покачал головой.

— Не думаю, что Кларенс хотя бы немного похож на Иверса.

Переговорив с полицейскими, он выяснил, что преступника отправят в Шайенн, а состав отгонят обратно и пустят по нужной ветке. Добыча грабителей составила не менее двух тысяч долларов. За бандой снарядили погоню из полицейских и добровольцев.

Эвиан задали несколько вопросов, а потом отпустили.

Когда женщина повторила свой рассказ Надин, та принялась горячо заверять, что она поступила правильно, а видя, что муж осуждающе молчит, запальчиво произнесла:

— Неужели ты считаешь иначе? Эвиан спасла всех нас! А особенно тебя — от мести Кларенса.

— Просто я думаю о причине его ненависти, — устало ответил Арни.

— Ты вспоминаешь об этом вот уже восемь лет. Пора бы и перестать!

— Не могу, — сказал он, мысленно возвращаясь в прошлое.

Глава девятнадцатая

Когда, казалось, прошла целая вечность, Арни спросил женщин:

— Как думаете, сможете вы добраться до Гранд-Джанкшена без меня?

Надин тотчас всполошилась.

— С чего бы вдруг?!

— Мне надо вернуться в Шайенн.

— Но мы едем на свадьбу Эвиан!

— К сожалению, у меня возникли дела поважнее.

— Думаю, если возвращаться в Шайенн, то всем вместе, — вдруг сказала Эвиан.

Надин замерла.

— А как же мистер Платт?!

— Я не сообщала ему о дне приезда. Собиралась телеграфировать с одной из станций. Ничего страшного, если мы немного повременим.

— Да, но у нас полно багажа и… — Надин умолкла, пытаясь понять, о чем на самом деле думает Эвиан.

— Багаж можно выгрузить. Заплатим — и все будет сделано. Полагаю, даже в этой глуши мож-

но нанять повозку. Или подождем встречного поезда.

Надин с удрученным видом сидела на сундуках. Совсем недавно она радовалась, что в ее жизни и жизни окружающих произошло и намечается столько перемен, но сейчас мечтала о том, чтобы их существование вновь стало размеренным, как мелькание иглы в женских пальцах.

Под ногами валялись грязные коричневые листья, и каждый порыв холодного ветра срывал и швырял на землю новую охапку: поблекшие, обессиленные, они не противились судьбе. На небо наползли тучи, и стало почти совсем темно, только рельсы слабо поблескивали в тусклом свете станционного фонаря.

Дети испуганно жались друг к другу. Эвиан молчала, и Надин тоже не знала, что сказать, потому что та вдруг сделалась непонятной и далекой.

Арни пошел узнать, нельзя ли им подождать поезда в помещении станции. Когда он вернулся, Надин проговорила так, чтобы больше никто не слышал:

— Все напрасно. Ты ничем не поможешь Кларенсу.

— Я поговорю с шерифом.

— Шериф не отпустит преступника. А если ты

признаешься, что он твой друг…

— Пожалуйста, замолчи! — взмолился Арни, и Надин обиженно умолкла.

Они добрались до Шайенна только под утро. Городская окраина выглядела заброшенной, неуютной, мутные стекла окон безрадостно поблескивали в сероватом свете. Все вокруг казалось грязным, обнаженным и неприглядным.

Повозка с вещами медленно, по-черепашьи, громыхала по улице. У города был неприкаянный заспанный вид. Кое-где открывались двери салунов, на улицу выплескивались помои. Тянуло дымком. Позевывающие проститутки в шалях, накинутых на голые плечи, выпроваживали посетителей, пожелавших остаться на всю ночь.

— Надо срочно найти комнату, дети измучились, а мы устали! — нервно произнесла Надин.

— Сейчас я вас устою, а сам пойду по делам, — сказал Арни.

Открыв дверь номера и втащив вещи, он положил ключ на стол и, ни слова не говоря, ушел. Дети тут же улеглись на кровати и заснули. Надин медленно стянула с головы шляпку и провела рукой по растрепавшимся волосам.

— Почему ты поехала с нами? — это были ее первые слова, обращенные к Эвиан.

— Без вас мне нечего делать в Гранд-Джанкшене. Мы связаны гораздо крепче, чем думаем. И еще: в последнее время все развивалось слишком быстро. Пришла пора сделать небольшую передышку. Моя мать всегда говорила: «Прежде, чем начать кроить, надо до конца продумать фасон».

Надин села на кровать.

— Арни зря старается. Они не отпустят Кларенса.

— Не отпустят. Но мы не можем и не должны ему мешать.

— Возьми кольцо, — сказала Надин.

Эвиан сделала паузу.

— Пусть оно пока останется у тебя.

Арни вернулся спустя три часа, опустошенный и усталый.

— Все напрасно, — тяжело произнес он. — Никакого освобождения под залог. С его помощью они надеются захватить банду. Шериф послал людей за представителями агентства Пинкертона, представляющего интересы железной дороги и почтовой службы. Но Кларенс ни в чем не признается и никого не выдаст. И тогда его повесят.

Надин вскинула голову. После сна она выглядела посвежевшей и энергичной.

— Ты говоришь так, будто он невиновен!

В комнате повисло напряженное молчание. Эвиан что-то сосредоточенно искала в своих вещах, делая вид, что не прислушивается к разговору. Подождав некоторое время, Арни сказал:

— Мне удалось добиться свидания, так что вечером я отправлюсь в тюрьму. Шериф надеется, что я смогу убедить Кларенса заговорить. Но у меня другая цель.

— Ты признался, что вы знакомы?! — воскликнула Надин, не обратив внимания на последнюю фразу.

— Я сказал, что мы были друзьями детства, а потом наши пути разошлись. В этом нет ничего преступного.

— Прошу, будь осторожен, Арни! Подумай о нас!

Тот усмехнулся.

— У Кларенса нет оружия, и там довольно толстые решетки.

— Что ты ему расскажешь? — вдруг подала голос Эвиан.

Повернувшись, Арни посмотрел ей в глаза.

— А что я могу рассказать человеку, которого ждет виселица?!

Он удалился в отдельный номер под предлогом того, что хочет поспать, но сон не шел. Арни не

мог дождаться вечера. Он думал, что лучше: покорность судьбе или бегство от нее. Размышлял о том, что порой жизнь похожа на монотонно вертящуюся шарманку и что именно в таком существовании люди чаще всего и находят забвение. Задавал себе вопрос: как получилось, что восемь лет пролетели столь незаметно, и пытался предположить, как это было для Кларенса.

Он вспоминал мгновения детства, например, случай, когда они с приятелем набрели на целое поле мальвы. То был настоящий лес цветов. Лиловые, розовые, белые, они достигали человеческого роста. Когда Арни принялся их собирать, Кларенс засмеялся, но услышав, что приятель хочет подарить цветы матери, принялся помогать. Они собрали гигантский букет, который едва могли обхватить руками и еле дотащили его до дома…

Когда Арни вышел на улицу, почти стемнело. Он не стал слушать увещеваний Надин, как не сумел заставить себя проститься с ней и с детьми. Пусть думают, что он вернется.

Эвиан он тоже ничего не сказал. Она выглядела сосредоточенной и спокойной: Арни почудилось, будто молодая женщина знает что-то такое, что неизвестно никому из них.

Арни шел сквозь толпу, не видя людей. Все звуки казались далекими и бессмысленными. Он взял в платной конюшне двух лошадей, потом зашел в лавку и кое-что купил. Расплачиваясь, старался надвинуть шляпу на глаза, чтобы люди не запомнили его лицо.

На центральной улице Шайенна зажглись фонари. Гостиница с ярко освещенными окнами казалась пароходом, плывущим по черному полотну дороги, тогда как низкое темное здание тюрьмы будто было врыто в землю.

Когда Арни передал начальнику тюрьмы распоряжение шерифа, тот позвал одного из служащих.

— Проводи этого мистера к Хейвуду и оставь их одних.

Узкий темный затхлый коридор с шероховатыми мокрыми стенами напоминал отвратительную кишку. Когда они прошли мимо общей камеры, битком набитой в основном ночными дебоширами, Арни удивился.

— Не здесь?

— Ваш приятель содержится в одиночке, — проворчал тюремщик, и сердце Арни подпрыгнуло от радости.

Три голые темные стены и одна решетка. Запах

мочи, мышей и скверного табака. Большой замок. Арни покосился на пояс тюремщика со связкой ключей.

— Сколько у меня времени?

— А сколько вам надо? Полчаса хватит?

Арни кивнул. Он не заметил, как тюремщик ушел. Из-за решетки на него смотрел Кларенс Хейвуд, смотрел молча, не двигаясь, и эта минута, когда Арни заглядывал не столько в глаза бывшего друга, сколько в свою собственную душу, была одной из самых страшных минут в его жизни.

Он вспомнил, как в былые времена они с Кларенсом умели отвоевывать у мира свои собственные уголки, где ощущали уединение и укрытие, и это воспоминание отозвалось такой душевной болью, что он едва не задохнулся.

— Что тебе нужно? Зачем ты пришел? — спросил Кларенс.

— Поговорить.

— О чем?

— Я хочу помочь тебе выйти отсюда.

— Вот как? — Кларенс подошел к решетке. — С чего бы вдруг?

И Арни твердо ответил:

— Ты знаешь.

— Стало быть, я не ошибся? Это ты сказал Ивер-

су, что мы пошли в Денвер?

— Да, я.

— А почему? Чтобы жениться на его дочери?

Арни сделал паузу.

— Сейчас я уже не помню, как это случилось.

— Да оно и не важно. Главное, ты меня предал. И в таком случае тебе впору молиться, чтобы я никогда не покинул этих стен!

— Я в долгу перед тобой.

— Какой долг? — небрежно произнес Кларенс, хотя его взгляд говорил обратное. — Мы совершенно разные люди. Я все эти годы грабил поезда, а ты… ты работал на Иверса и делал детей его дочери. Так?

— Получается, да, — смиренно ответил Арни. — Хотя все не так просто. Я тоже должен находиться по ту сторону решетки.

— Ты имеешь в виду смерть Иверса? Она, — голос Кларенса чуть дрогнул, — говорила об этом.

— Это правда. Я застрелил его, когда он стал душить Дункана.

— Дункана?

— Так зовут сына Эвиан.

На лице Кларенса появилось едва уловимое трогательное выражение. Заметив это, Арни тяжело произнес:

— Прости, но мне не хочется тебе лгать. Дункан — сын Джозефа Иверса.

— Тогда почему он набросился на собственного сына?

— Он считал, что ребенок не от него, и Эвиан всячески поддерживала в нем эту мысль. Она сказала, что это была ее месть. Дункан все видел, но она велела ему солгать шерифу. Я был против, но она настояла, и теперь получается, что мальчик прикрывает убийцу своего собственного отца.

— Значит, он думает, что его отец кто-то другой?

— Мне кажется, Эвиан не сказала ему ничего конкретного.

— Какая запутанная у вас жизнь! Моя куда проще, — рассмеялся Кларенс, и этот смех показался Арни нервным и злобным.

— Эвиан считает, что я освободил ее, — добавил он.

— Я заметил, что она питает к тебе родственные чувства.

— К сожалению, она не признает моей вины ни в убийстве ее мужа, ни в том, что касается… тебя.

— Она считает меня вторым Джозефом Иверсом! Подумать только, в ее глазах я стал похож на человека, от которого она страдала всю свою

жизнь! — в голосе Кларенса звенело такое отчаяние, что Арни невольно зажмурился.

— Она просто испугалась за сына. За всех нас.

— Она вела себя очень решительно; подумать только, ни разу не дрогнула! Надеюсь, в конце концов женщина с таким характером найдет своей счастье.

— Кларенс, — светлые глаза Арни лихорадочно блестели в темноте коридора, — сказать по правде, мы ехали в Гранд-Джанкшен на свадьбу Эвиан.

Бывший друг сделал резкий, угрожающий шаг вперед, будто желая заставить его замолчать, но идти было некуда, и Кларенс буквально вдавился телом в решетку.

— Он, конечно, богат, красив и умен?

— Кларенс…

— Ладно. Она его любит?

Арни набрал в грудь побольше воздуха.

— Не знаю. Полагаю, Эвиан надеется, что этот брак поможет ей окончательно порвать с прошлым. А еще этот человек очень нравится Дункану.

Кларенс поморщился.

— Зачем было давать ребенку имя Дункан?

— Об этом надо спросить Эвиан. Кстати, за эти

годы я несколько раз навещал мистера Хейвуда. К сожалению, он считает тебя погибшим, хотя седло все еще висит на стене.

— Седло?

— Я вернул его твоему отцу.

Кларенс долго молчал, словно о чем-то вспоминая.

— Отец… Что ж, пусть он лучше думает, будто меня давно нет на свете, чем знает правду.

Арни решил, что настала пора хотя бы немного расспросить бывшего друга о его судьбе.

— Что было в твоей жизни?

— Ничего стоящего. Грабежи, виски, карты, шлюхи.

— И все — по моей вине.

Кларенс кривил губы.

— Не бери на себя так много! Я мог распорядиться своей жизнью иначе. Знаешь, Арни Янсон, — внезапно его тон изменился, — что поразило меня больше всего, когда я увидел тебя спустя восемь лет? Твои глаза. Глаза мирного человека, счастливого человека.

— Все это оплачено фальшивой монетой. И теперь я хочу, чтобы восторжествовала истина.

Кларенс пожал плечами.

— Каким образом?

— Я сдал оружие. Но не все. Я дам тебе нож. Бери меня в заложники, и мы выйдем из тюрьмы. Неподалеку привязаны лошади. В одной из седельных сумок есть револьвер, деньги, немного еды.

Кларенс усмехнулся. Странная усталая ирония шла ему куда меньше, чем былая безрассудная горячность. Несмотря на видимую простоту и грубость своей жизни, он казался Арни непонятным и заблудшим человеком.

— Я не вижу ни одной причины, по которой мне бы стоило выходить отсюда.

— Я знаю самое малое две. Первая — чтобы не быть повешенным, а вторая — чтобы поквитаться со мной.

— Ты уверен, что я этого хочу?

— Да, уверен, что хочешь.

— Что ж, — Кларенс сделал паузу, — ты прав. Только тебе-то это зачем? Продолжай жить, как жил, только и всего.

И Арни повторил:

— Ты знаешь.

Он протянул бывшему приятелю нож, и тот взял его. Арни повернулся спиной к решетке, и, просунув руку сквозь прутья, Кларенс обхватил его шею. На миг Арни почудилось, что тот

задушит или зарежет его прямо сейчас: он всей кожей ощущал напряженную силу Кларенса, его холодную злобу.

Арни не покидало ощущение, будто это вовсе не спектакль и все происходит всерьез, что он самый настоящий заложник в руках преступника. Он закрыл глаза, мысленно проделывая их дальнейший путь. Он не думал ни о Надин, ни о детях. У него было чувство, будто он свершает самое последнее и главное дело в своей жизни.

Все сошло, как надо. Очутившись вне стен тюрьмы, они опрометью бросились в соседний переулок, где были привязаны кони, и прыгнули в седла. Лошадь Кларенса поднялась на дыбы; Арни видел, как тот распластался у нее на загривке, и ему почудилось, что бывший друг вот-вот унесется во тьму, оставив его наедине с отяжелевшей совестью. Когда Кларенс стегнул коня, Арни погнался следом — за необратимым и неискупимым прошлым.

Они остановились на окраине городка. Дальше начинался густой непроглядный лес. Бывшие приятели слезли с коней и встали друг против друга.

— В той стороне, — Арни показал рукой, — железная дорога. Это недалеко. Надеюсь, тебе

повезет, и ты сядешь в поезд. Но перед этим…

Он посмотрел на друга детства и так быстро пролетевшей юности. Кларенс сжал рукоятку револьвера. Его черные глаза казались бездонными, как топь.

— Значит, ты хочешь, чтобы я тебя покарал?

— Да.

— А как же твоя семья?

— Они не останутся без куска хлеба. Поторопись, Кларенс, погоня не будет ждать!

— Хорошо. Ты закроешь глаза?

— Я достаточно долго держал их закрытыми.

Несколько мгновений Кларенс разглядывал револьвер, словно не зная, как с ним обращаться, а потом нацелил смертоносное темное дуло в грудь бывшего друга.

Арни ждал, затаив дыхание. Одна секунда, вторая, третья… В следующий миг он издал дикий крик и выбросил вперед руку. Если б он не успел, пуля вошла бы прямо в сердце Кларенса.

Арни видел, точно во сне, как Кларенс тяжело повалился за землю. Он склонился над ним. Веки раненого были полуопущены, лицо казалось серым, а по одежде расплывалось кровавое пятно.

Арни опустился на колени и приподнял голову друга. Глаза Кларенса медленно открылись, но,

казалось, он ничего не видит. Арни оглянулся: кругом стояла тишина и не было ни души. Чуть дальше темнела улица и тянулись ряды домов. Он решил, что если они сумеют добраться до какой-нибудь неприметной дешевой гостиницы, какие строились на окраинах городов и где никто не спрашивал настоящих имен постояльцев, у него появится шанс спасти Кларенса.

— Нам надо как-то дойти до жилья. Если б ты с моей помощью забрался в седло…

Кларенс разомкнул губы.

— А что потом? Позовешь Зану? — в его сдавленном шепоте сквозила насмешка.

— Зана умерла. Но она успела кое-чему научить мою жену Надин.

— Олени никогда не покидают свою тропу. Это делают только люди, — пробормотал Кларенс, и Арни подумал, что он бредит.

Этот путь дался им нелегко, и если б они наткнулись на представителей закона, он вполне мог закончиться смертью. Освещенная луной дорога была похожа на сверкающий сталью клинок. Кларенс был безжизненно-тяжелым; Арни едва удалось втащить его в седло, и теперь он бессильно висел на шее коня.

Волоча Кларенса по деревянной лестнице, Ар-

ни пытался ругаться и неуклюже шутить, будто они были двумя приятелями, перепившими в салуне.

Тесная комнатка была обставлена грубо сколоченной деревянной мебелью и освещалась лампой с разбитым стеклом. На стенах красовались выцветшие картинки из старых календарей и театральные афиши.

Повалив Кларенса на кровать, Арни расправил плечи, перевел дыхание и вытер пот со лба. О том, чтобы найти и позвать врача, нечего было и думать. К утру весь Шайенн будет поставлен на ноги: за поимку сбежавшего преступника наверняка назначат немалую награду. Арни понимал, что искать будут не только Кларенса, но и его самого, но о себе он думал меньше всего.

Кое-как перетянув рану друга, он запер дверь на ключ и, стараясь быть незаметным, вышел на улицу. Чтобы не привлекать внимания, он не стал брать лошадь, а пошел пешком, вернее, почти побежал. Он ничего не сказал Кларенсу: на разговоры не оставалось времени.

Глинистое полотно дороги было влажным: башмаки скользили, и однажды Арни едва не упал. Только сейчас он заметил, что на нем неудобная городская одежда, которую, будь его воля,

он никогда бы больше не надел. Ему казалось странным, что он возвращается к Надин, ведь он думал, что больше никогда ее не увидит. В эти минуты он был должен лежать, спеленатый мраком смерти, а вместо него умирает Кларенс!

Когда Арни вошел в номер, то показался самому себе призраком, вернувшимся в прошлое. Однако Надин, которая тут же бросилась к нему и крепко обняла, вернула его в реальность. По красным глазам и припухшим векам он понял, что она проплакала несколько часов. Темные блестящие глаза Эвиан были сухими, и Арни с неудовольствием подумал, что ее мысли скрыты за семью печатями. Впрочем, имел ли он право ее осуждать?

— Господи! Арни! Ты жив! Здесь была полиция, они сказали, что преступник взял тебя в заложники и сбежал!

— Так было задумано. Но остальное пошло не по плану. Надин, мне нужна твоя помощь. Надеюсь, ты взяла с собой все, что нужно для лечения ран. Надо вытащить пулю и сделать все остальное.

— О ком ты говоришь?

— О Кларенсе. Я оставил его в гостинице на окраине города. Нужно спешить, иначе будет поздно.

Надин отступила на шаг, и в ее глазах появилось что-то новое, незнакомое и не слишком хорошее.

— Я никуда не пойду.

— Почему?

— Я знаю, он хотел убить тебя!

— Если б хотел, то не выстрелил бы в себя. Я просил его покарать меня, вот он и сделал это. Окончательное решение всегда принимал он, так произошло и на этот раз.

— Что ты сказал ему, Арни? — спросила Эвиан.

Она подошла ближе. Она словно сверлила его взглядом, и у Арни появилось неприятное ощущение, будто он находится в невидимых тисках.

— Все.

— О Джастине?

— Да. И о том, что Дункан — сын Джозефа Иверса.

— Он мой сын, — поправила Эвиан.

— Неважно. Главное — он не сын Кларенса Хейвуда, — сказал Арни и повернулся к жене: — Так ты идешь, Надин?

— Нет!

— Ладно, я справлюсь один.

— Я пойду, — вдруг промолвила Эвиан. — Я ведь тоже кое-что умею.

Арни и Надин замерли от неожиданности, а она подошла к столу и, взяв перо и бумагу, написала несколько строк.

— Надин, прошу тебя утром отправить эту телеграмму в Гранд-Джанкшен.

Пробежав глазами текст, та воскликнула:

— Я ни за что не стану этого делать!

И разорвала бумажку на мелкие клочки.

— Тогда я сама, — сказала Эвиан и кивнула Арни: — Идем.

Когда они спускались по лестнице, он заметил:

— Я всегда уважал твои поступки, даже если не до конца их понимал. Но сейчас ты совершаешь ошибку.

— Олени никогда не покидают своей тропы, — негромко промолвила женщина.

Арни на мгновение остановился, потрясенный.

— Такие же слова произнес Кларенс!

Нисколько не удивившись, она кивнула.

— Нам надо спешить.

Очутившись в жалкой комнатушке, Эвиан вспомнила обтянутые тисненой кожей стулья, зеркальные шкафы, хрустальные люстры и дубовые столы в доме Джастина Платта. Сейчас тот мир казался далеким, непонятным и нереальным.

Кларенс был жив и даже сумел выплыть из временного беспамятства. У Эвиан не оставалось времени, чтобы приготовить обезболивающие отвары из собранных индианкой трав; впрочем, и ковбои, и те, кто промышлял на большой дороге, чаще всего обходились без этого.

Перво-наперво Арни дал раненому воды, а потом они с Эвиан взялись за дело. Пуля застряла неглубоко, и ее удалось вытащить пальцами. Это сделала Эвиан. Арни держал лампу. Потом молодая женщина приложила к ране какую-то траву и туго забинтовала.

Кларенс не мешал им. Он ни разу не застонал и не промолвил ни слова. Арни казалось, что в его глазах застыло странное смущение. Он был уверен в том, что Кларенс не хочет видеть Эвиан. Хотя, возможно, боль и страдания сделали его безразличным и бесчувственным к чему бы то ни было.

Когда они закончили и Арни укрыл Кларенса одеялом, Эвиан сказала:

— Полиция станет тебя допрашивать. Ты должен придумать, как все было, чтобы на тебя не упало подозрение в пособничестве.

— С этим повременим. Скажете им, что я еще не приходил.

— Я хочу, чтобы ты вернулся в гостиницу. Надин очень волнуется. Ей нельзя быть одной. К тому же она может сболтнуть полиции что-то лишнее.

— А кто тогда остается с Кларенсом?

— Я. Скажите шерифу, что я уехала в Гранд-Джанкшен, потому что меня там ждут. А вещи прибудут потом.

Арни почувствовал, что его покидают силы. В эту ночь он слишком расточительно их расходовал. Возможно, поэтому его голос прозвучал не так уверенно, как хотелось бы:

— Будет лучше, если ты в самом деле отправишься туда.

Эвиан сделала еле заметную паузу.

— Нет.

Арни повел рукой по лицу.

— Я не понимаю, почему ты это делаешь!

— Я сама далеко не все понимаю, Арни. Однако я знаю, что должна делать, — сказала Эвиан и добавила: — Я не умею того, что умела Зана, зато у меня есть то, чего у нее не было.

По каким-то признакам Арни понял, что ему не удастся ее уговорить. Однако он все же заметил:

— Если ты считаешь, что у тебя долг перед Кларенсом, то это не так.

— Дело не в долге.

Когда Арни ушел, Эвиан почудилось, будто она осталась одна. Она сидела на старом скрипучем стуле, и на ее лицо падали отблески желтого света. Кларенс смотрел на нее. Он не мог ничего понять, да и не стремился к этому: у него просто не было сил. Он лишь чувствовал, что сейчас Эвиан думает не о своем женихе.

Возможно, она, как и Арни Янсон, хотела вернуть ему какой-то долг, дать то, чего он, без сомнения, не заслуживал. Там, на железной дороге, она повела себя так, как повела бы себя любая женщина, защищавшая своего ребенка. Он же не знал, что у нее есть сын! А узнав, питал глупые надежды. Но теперь, хотя она каким-то чудом оказалась здесь и сидела буквально в двух шагах, от этих надежд ничего не осталось.

Кларенс закрыл глаза и, казалось, уснул. Эвиан почудилось, что она тоже спала, потому что, очнувшись, увидела, что он тяжело дышит и дрожит крупной дрожью. Приподняв одеяло, она осмотрела рану. Особых изменений не было, однако тело Кларенса сотрясал озноб. В его лице не осталось ни кровинки, а руки похолодели.

В комнате не было ни камина, ни печки, а одеяло, под которым лежал Кларенс, казалось

слишком тонким. Обитатели этого номера привыкли согреваться не огнем, не одеялами, а виски, а еще — любовными объятиями.

Эвиан сперва расстегнула, а затем решительно сняла с себя платье. От корсета она избавилась еще в гостинице, и теперь на ней были только нижняя юбка, сорочка, чулки и панталоны. Она легла в постель и обняла раненого, согревая живым теплом. О таком Зана ей не рассказывала. Этот способ лечения Эвиан подсказало женское сердце.

Она обнимала Кларенса до тех пор, пока дрожь в его теле не утихла.

Наверное, прошло много времени, потому что за окном забрезжил рассвет. Кларенс дышал спокойно и ровно, и его лоб был прохладным.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он Эвиан, будто впервые ее увидел.

— Ты хочешь меня прогнать?

Его губы тронула слабая улыбка, но глаза не улыбались.

— Думаю, еще не родился мужчина, готовый прогнать из своей постели красивую женщину.

— Я еще приду в твою постель.

— Будем считать, что я в самом деле это слышал, — сказал Кларенс и смежил веки.

Эвиан встала. Одеваясь, она смотрела на свое нарядное платье богатой горожанки, как на кожу, которую давно следовало сменить. Когда молодая женщина застегнула последнюю пуговицу, в дверь тихонько постучали.

Немного подождав, она тихо спросила:

— Кто?

— Это я, мама!

Эвиан поспешно отворила.

— Дункан! Ты один? Как ты меня нашел?!

Запыхавшийся и испуганный, он был полон гордости от сознания миссии, которую ему поручили, и с ходу выпалил:

— Мне объяснил дядя Арни. Велел передать, что за ним следят, и он не знает, как быть.

Эвиан присела перед ним. Ее взгляд был внимательным и серьезным.

— Послушай, Дункан: беги обратно и скажи дяде Арни, что у нас все в порядке. Пусть ни в коем случае не приходит сюда, а едет на ранчо вместе с Надин, Эриком и Кортни.

— А я?

— Ты вернешься. Мне нужна твоя помощь.

Мальчик кивнул, а потом вдруг заметил человека на кровати и отшатнулся, невольно вцепившись в юбки Эвиан. Его глаза расшири-

лись, и он сдавленно прошептал:

— Это же тот человек, который напал на нас в поезде!

— Да, это он. Только он ни на кого не нападал. Он оказался другом дяди Арни, просто они не сразу узнали друг друга.

— Но он грабитель?

— Не все люди совершают в жизни только плохое или только хорошее, — уклончиво ответила женщина. — Многим свойственно ошибаться. Главное вовремя признавать и исправлять свои ошибки.

Дункан привык принимать на веру все, что говорила Эвиан. Даже если он в чем-то сомневался, то не считал возможным говорить об этом вслух. Вот и сейчас он ничего не сказал и, повернувшись, скрылся за дверью.

В это время Арни рассказывал Надин об утреннем разговоре с шерифом.

— Услышав, что Эвиан уехала, он рвал и метал. Шериф сказал, что ее должен был допросить агент Пинкертона.

— Что ты им наговорил?

— Сказал, что она свободный человек, и я не мог ее удерживать.

— А о… Кларенсе? Разве они не взяли тебя под

подозрение?

— Думаю, да, но они не предъявили мне обвинений и не стали задерживать. Я все отрицал. Соврал, что не передавал ему никакого ножа. Может, они сами плохо его обыскали? Сказал, что он не стал меня убивать, потому что мы в самом деле дружили в детстве, и что он пошел к железной дороге.

Вскоре прибежал Дункан. Выслушав его, Арни повернулся к Надин.

— Полагаю, нам придется вернуться на ранчо.

— Я давно это поняла, — сухо произнесла молодая женщина, складывая наряды, в которых ей так и не удалось пощеголять.

— Надин, — подойдя к жене, Арни взял ее за плечи, — что было в телеграмме, которую Эвиан просила тебя отправить в Гранд-Джаккшен, и почему ты отказалась это сделать?

— Ты в самом деле хочешь это знать?

— Конечно.

— Я отказалась, потому что Эвиан сошла с ума. Там было написано, что все отменяется и свадьбы не будет.

Глава двадцатая

Горный ветер был по-вечернему прохладным. Лучи заходящего солнца лениво скользили по снежным шапкам скал, окружавших долину плотным полукольцом. Через некоторое время они вспыхнут огненными факелами, а потом будут гаснуть одна за другой, уступая место надвигавшейся ночи.

Узнав, что они не поедут в Гранд-Джанкшен, Дункан надулся, но это продолжалось недолго. Сейчас он радовался, увидев привычные места. В «Райской стране» его ждал Эрик. Эвиан сказала, что Янсоны вернулись домой немного раньше, чем они.

Путешествие Дункана, его матери и странного незнакомца было исполнено таинственности. Сперва Эвиан переоделась в простое шерстяное платье и уродливый чепец, какого мальчик никогда на ней не видел, а потом они толкались среди каких-то грубых людей, отыскивая повозку. Она предназначалась для раненого, который не мог ни идти пешком, ни ехать верхом на лошади.

Дункан не видел никаких признаков того, что

этот мужчина что-либо значит для матери, и не понимал, зачем они взяли его с собой, однако не решался спросить. Время от времени Эвиан доверяла сыну править повозкой, чем он был несказанно горд.

Он увидел издалека заросли бурьяна, покосившиеся жерди ограды и строения, сколоченные из того, что попалось под руку. Усадьба ранчо «Синяя гора»! Дункан с Эриком сходили с ума от радости, если дядя Арни брал их сюда.

Здесь была уйма укромных мест и тайников, и можно было играть в любые игры, хотя сейчас Дункану не улыбалось остаться в этом месте, да еще в компании подозрительного мужчины. Мальчик не знал, как сказать матери, что пока незнакомец беспомощен из-за ранения — это одно, а потом он может стать опасным.

Улучив минуту, Дункан спросил мать:

— Мы останемся здесь?

И облегченно вздохнул, когда она ответила:

— Нет. Мы вернемся в «Райскую страну».

Эвиан принесла воды и поставила на ящик, заменявший стол, кувшин и чашку. Рядом положила револьвер, тот самый, из которого Кларенс пытался застрелиться. Ему почудилось, что она предоставляет ему право выбора.

— Мне надо ехать, — сухо произнесла Эвиан. — Потом я кого-нибудь пришлю.

Кларенс не нашел, что ответить.

Когда он, шатаясь, вошел в дом и медленно опустился на кровать, ему почудилось, будто он вернулся в прошлое.

Здесь все было по-прежнему — круглая железная печка, гвозди и деревянные колышки на стенах, где в беспорядке висело тряпье, мотки полусгнивших веревок, старый фонарь. Даже календари с изображением лошадей, старые афиши и вырезки из газет о собраниях Ассоциации скотоводов Вайоминга были те же самые, что и восемь лет назад. Только теперь на них уже мало что можно было разглядеть и прочитать.

Кларенс закрыл глаза. Он всегда старался как можно меньше думать о себе, но сейчас, очутившись в этом доме, он задался вопросом: неужели можно жить так, чтобы в конце концов перестать быть самим собой и стать кем-то еще?

Он устал за время пути и все-таки спал плохо. Он вспоминал, как наблюдал за Эвиан, пока они ехали из Шайенна к ранчо. На его взгляд, внешне она осталась такой же красивой, какой только и может быть женщина в глазах мужчины, но внутренне сильно изменилась. В нем самом мно-

гое было разрушено, тогда как Эвиан, напротив, сумела что-то построить.

Под утро он задремал и проспал большую часть дня, а проснувшись, подумал о том, что едва ли кто-то его навестит. Впрочем, воды было достаточно, а есть ему не хотелось. Кларенс был готов погрузиться в свои невеселые мысли, когда снаружи раздались шаги, а потом дверь приоткрылась.

Он привычно схватился за револьвер, однако это был Арни с охапкой дров и мешком с провизией.

— Ты? — промолвил Кларенс, опуская оружие.

— Да, — кивнул Арни и взялся за дело.

Растопил печку, чтобы разогреть бобы. Влил воду в другую кастрюльку и тоже водрузил ее на огонь. Кларенс молча наблюдал за ним. Выпрямившись, Арни сказал:

— Я буду приходить каждый день. Больше никто не знает, что ты здесь. Кроме Эвиан. И Дункана.

— Где она? Уехала в Гранд-Джанкшен?

— Не уехала. Я не знаю, как сказать тебе, Кларенс, потому что мне самому трудно в это поверить, но, кажется, Эвиан решила разорвать помолвку.

— Я тоже не вижу причин, зачем ей это делать. Разве что она сошла с ума, — отрывисто и жестко произнес тот.

— Если б мы могли понять женщин! Может, ты… нужен ей?

— Я этого не заметил. Кроме, пожалуй, одного случая. Но тогда я, кажется, лежал в бреду.

— Но ты все-таки поехал с Эвиан?

— Да. Не знаю — почему. — Кларенс усмехнулся. — Наверное, вместе с кровью вытекла и моя гордость? Или просто некуда было деваться: у меня оставалось не больше сил, чем у новорожденного котенка.

— Или ты на что-то надеялся.

— Или я на что-то надеялся, — повторил Кларенс, глядя в пол, а потом вскинул взор и добавил: — На что я могу надеяться в моем положении?

Они помолчали.

— Ты видел Дункана, — сказал Арни, — он хороший парнишка. У Эвиан были трудные роды. Надин ей помогла, и с тех пор они подружились.

— Даже не верится, что это — сын Иверса, — подтвердил Кларенс и заметил: — Жаль, что не мой.

Повисла неловкая пауза. К счастью, в котелке закипели бобы, и Арни добавил туда сало. По-

мешивая варево одной рукой, второй он всыпал в другую кастрюльку несколько щепоток чая. Потом выложил на стол сахар и достал из мешка бутылку виски. На его лице отразилось сомнение, и все-таки он произнес:

— Выпьешь?

— Пожалуй. Возможно, это восстановит мои силы лучше, чем какие-то там отвары.

Он сделал большой глоток. Горячая волна обожгла горло, на глазах выступили слезы, но сквозь эти слезы стало немного проще смотреть на мир.

— Передай жене, что я не задержусь здесь, — сказал Кларенс, отдавая бутылку Арни.

— Куда ты пойдешь? Вернешься к Бешеному Айку?

Взор Кларенса затуманился: он что-то вспомнил. А после медленно произнес:

— Вряд ли.

Арни радостно встрепенулся.

— Скоро зима. Оставайся! Будешь работать на ранчо — как и другие.

— Едва ли Надин согласится меня видеть, а уж тем более — взять на работу!

— Она не будет тебя видеть. Этот дом давно пустует — можешь жить в нем. И кого брать на работу, решает не она, а я. Не хочешь пасти

скот, есть другие дела. Например, патрулировать границы ранчо, чтобы не было воровства. Здесь тебя не станут искать. Да если и станут, то вряд ли найдут.

— Хорошо, я подумаю. Мне практически нечего терять.

— Уверен, у тебя есть что-то такое, чего ты не хотел бы потерять ни за что на свете.

Они сделали еще по глотку, потом принялись за бобы и какое-то время ели молча. Арни сидел на ящике, а Кларенс приподнялся в постели. Тарелок не было, и они черпали еду прямо из котелка. Она была обжигающе горячей, простой, жирной и вкусной.

Арни нравилась эта пауза. Она воскрешала в памяти дни, когда им было так хорошо и понятно вдвоем, как если бы в окна ломилась буря, а здесь был единственный уголок на земле, где возможен покой.

Потом он спросил:

— Иверс хотел тебя убить?

— Да. Он приказал отвести меня в лес и повесить. Его людям помешали ребята Айка. Так я к нему и попал.

Арни сжал кулаки.

— Значит, он солгал мне!

— Тем меньше ты должен терзаться угрызениями совести. Кстати, Иверса похоронили в «Райской стране»?

— Да. Надин ухаживает за могилой. Эвиан туда не ходит, — сказал Арни и задал не дававший ему покоя вопрос: — А ты… убивал?

— Пассажиров? Нет. Даже Айк предпочитал обходиться без крови. А так, конечно, бывало всякое. Мне проще: я много лет находился среди людей, которые при любой насмешке, пренебрежении или тени обиды хватались за оружие.

— Ты выстрелил в себя, чтобы мне стало еще хуже?

У Кларенса были усталые глаза.

— Нет, не поэтому. Кто я такой, чтобы тебя судить?

— Когда-то мы были друзьями, — тихо произнес Арни.

— Тогда я могу сказать, что у меня больше никогда не было такого друга, как ты.

Сердце Арни подпрыгнуло.

— Тебе не кажется странным, что мы можем говорить так, будто не было этих лет и двух разных отрезков пути? Ведь мы оба достаточно сильно изменились.

Во взгляде Кларенса промелькнуло удивление.

Теперь он понял, как ответить на вопрос, который задавал самому себе.

— Все потому, что я знаю тебя, а ты — меня гораздо глубже, чем кто-либо. Мы до сих пор видим друг друга прежними.

В комнате воцарилась благодатная тишина. Не такая, какая бывает на кладбище или на поле боя после жестокой резни. Не безмолвие падающего камня, а та теплая тишина, когда двоим не нужны слова.

Потом Арни спросил:

— А женщины? Неужели за восемь лет не нашлось ни одной, которая бы…

— Нет. Я намеренно общался только со шлюхами. К сердцу никого не подпускал. — Кларенс неотрывно смотрел в огонь. — Тот мужчина, за которого Эвиан собиралась или собирается замуж, в самом деле достойный человек?

— Мне кажется, он был способен снять с ее плеч тот непомерный груз, какой ей приходилось нести все эти годы. Дело не в деньгах; теперь и сама Эвиан — не бедная женщина. Просто он из другого мира.

— Снять груз? Это хорошо. Тогда как я смог бы только добавить нового.

— Ничего, что я говорю тебе то, что думаю?

— Когда речь идет об отношениях, самое худшее — заблуждаться. Тут как раз нужна правда.

— Но я не ведаю правды, — заметил Арни. — Ее может знать только Эвиан.

— На свете очень мало вещей, о которых мы действительно что-то знаем! — засмеялся Кларенс, но это был невеселый смех. — Она оставила мне револьвер. Может, она хотела, чтобы я завершил начатое?

— Не думаю. Иначе Эвиан не привезла бы тебя сюда.

— Она никогда не любила ранчо, — заметил Кларенс, — и не хотела здесь жить. Наверняка ее планы были связаны с чем-то другим.

— Эвиан мечтала открыть швейную мастерскую или магазин. Она заговорила об этом сразу, как не стало Иверса. А мы все время напоминали ей, что порядочная женщина не может жить одна.

Когда Арни вышел из домика, закат охватил почти все небо; горы светились фиолетовым и красноватым светом. Он знал, что когда доберется до «Райской страны», вершины погаснут и звезды сплетутся немыслимыми узорами в бесконечном пространстве неба. Арни не часто ощущал себя так, будто заново родился. Но сейчас, несмотря на

тяжелый разговор, был именно такой случай.

Он навещал Кларенса каждый день. Тот понемногу набирался сил. Арни подробно рассказал ему о Зане, и Кларенс сказал, что непременно навестит ее могилу и пройдет по оленьей тропе.

Никто не знал, что собирается делать Эвиан. Она как будто не собиралась никуда уезжать и вела себя как обычно. Однажды Арни обмолвился, что Кларенс почти выздоровел и что он собирается уехать, а пока каждый день бродит вдоль ручья по оленьей тропе.

— Что бы я только ни сделал, дабы наладить его жизнь, даже отправился бы с ним, — заметил Арни, — но, боюсь, не смогу.

Эвиан взяла его за руку и слегка сжала.

— Подумать только, — добавил Арни, — казалось бы, теперь все в наших руках, однако мы все равно не можем осуществить давние мечты. Во всяком случае — я. Не говоря о Кларенсе.

— Полагаешь, он вернется к прежнему?

— Не знаю. Надеюсь, что нет. Он вроде намекал на то, что обещал кому-то не делать этого. — Арни покосился на Эвиан. — Однако в его жизни все равно нет ничего из того, чего он хотел получить. И, к сожалению, едва и появится.

Женщина ничего не сказала. Пройдя в свою

комнату, она распустила волосы. Рука, державшая гребень, двигалась размеренно, лицо Эвиан казалось спокойным, тогда как проносившиеся в голове желания были подобны молниям.

Закончив расчесывать волосы (они легли поверх платья подобно блестящему черному плащу и покрыли фигуру до пояса), женщина положила гребень и оглянулась.

Вокруг никого не было. Никаких теней прошлого. Никто не мог ее потревожить. Никто и ничто. Перед ней маячила призрачная дверь, в которую она давно хотела войти, но все не решалась.

Эвиан расстегнула платье. Положила руки себе на грудь, осторожно погладила и прислушалась к ощущениям. Потом ее пальцы пробежали ниже. Выпуклости и округлости, ложбинки и впадины. Тело, запертое в одежде и еще в чем-то, куда более прочном.

Внутри росло странное, неизведанное чувство, и Эвиан боялась его спугнуть. Сняв нижнюю юбку, чулки и панталоны, она осторожно положила их на кровать и некоторое время смотрела на них так, будто они были музейными экспонатами, давно утратившими свое прямое назначение. Поколебавшись, надела ботинки на босу ногу, а потом свернула и заколола волосы одной боль-

шой шпилькой.

Никто не видел, как Эвиан вышла со двора тем самым окольным путем, каким Надин некогда бегала на свидания с Арни.

Остановившись на холме, она смотрела вниз, на бледно-зеленые пастбища и необъятные пространства лесов. В сравнении с их насыщенно-изумрудным и ярко-осенним покровами небо казалось вылинявшим. Над острыми пиками гор стелились тонкие белые облака.

По пастбищам разбрелись овцы, напоминавшие бесчисленные белые пятнышки, иногда разрозненные, а порой сливавшиеся в нечто, похожее на клубы дыма или морскую пену.

Здесь почти всегда гулял ветер. Когда он был особенно сильным, по макушкам деревьев словно шел морской вал. Сочетание незыблемости и вечного движения казалось чудом. В этом краю человек мог легко ощутить свою малость, незначительность, ничтожность и вместе с тем был способен обрести невиданные силы.

Эвиан впервые подумала о свободе и вольности этих мест, открывающих такие возможности, о каких не способен догадаться тот, чья душа заперта в невидимой тюрьме.

Спустившись с холма, она побежала к оленьей

тропе. Ветер поднимал ее подол и овевал обнаженную плоть — это было подобно запретной ласке.

Тропа… жила и ждала. Здесь виднелось много свежих следов — на земле и деревьях. Эвиан остановилась. Она не ожидала, что ей повезет, и все же не удивилась, увидев оленя. Это был молодой самец, и он не стоял, гордо глядя на нее, а лежал, прижав морду и шею к земле.

Эвиан знала, что он не ранен и не болен, а просто притаился, ожидая, когда человек пройдет мимо. Когда она намеренно махнула рукой, как бы отпуская его на свободу, он встрепенулся, вскочил и унесся прочь, словно подгоняемый ветром.

Тени, падавшие от сосен, были густыми и темными, тогда как тени лиственниц напоминали изящное кружево. Здесь не было игры солнечных бликов, и лес казался мрачным, даже зловещим. В нем не чувствовалось никакого движения. Ветки цеплялись за платье Эвиан, царапали голые ноги, оставляя на них тонкие красноватые отметины.

Она верила, что найдет его здесь; так и случилось. Эвиан остановилась и смотрела на него. От сильного, свежего запаха земли, воды и сосновой смолы кружилась голова.

Эвиан вновь увидела то, что поразило ее, когда

она встретила его среди бандитов: разрушительное воздействие жизни, опустошенную душу и ожесточившееся сердце. Пропасть, отделявшую этого Кларенса от того, каким он был прежде. Но сейчас ей казалось, что через эту пропасть можно перешагнуть.

Эвиан знала, что ей надо рассказать и объяснить ему бесконечно много, и точно так же чувствовала, что в этот миг можно обойтись без слов. Она ощущала нечто странное. Вчерашний день был бесконечно далек, а завтрашний мог никогда не наступить. Она должна была принять решение уже сегодня.

Она зажмурилась, а потом вновь распахнула глаза.

— Ты? — произнес Кларенс. — Что ты тут делаешь?!

— Я надеялась встретить тебя на оленьей тропе. Арни сказал, что ты ходишь сюда.

Кларенс кивнул, а потом спросил:

— Зачем ты хотела меня видеть?

Эвиан молчала, и тогда он добавил:

— Я все знаю. Я уйду, и я отпускаю тебя туда, где ты можешь быть счастлива.

— Зана сказала, что впервые я встречу свою судьбу на тропе, которую протоптали олени, а

окончательно — на железной дороге.

— Заны больше нет, и ее слов тоже. Они были произнесены давным-давно и канули в никуда.

Эвиан подошла ближе.

— Ты действительно хочешь уехать?

— Я не могу перекладывать свой груз на тебя. Это жестоко.

— Когда-то мне казалось, что ты — единственный человек, способный понять, что несу я. Потому и ушла с тобой.

Он покачал головой.

— Я не думал ни о каком грузе. Мне нужна была только ты.

— Разве сейчас не может быть наоборот?

Он вздохнул.

— Теперь ты богата, а у меня по-прежнему ничего нет.

— Я никогда не поверю, что тебе будет нужно что-то, кроме моей любви.

Услышав желанное слово, Кларенс едва не задохнулся. Это казалось чудом, а он давно не верил в чудеса.

Проглотив комок в горле, он произнес:

— Все это слишком сложно.

Эвиан знала способ, как сделать сложное простым. Нагнувшись и расшнуровав ботинки, она

сняла их и ступила в прохладную воду. Местами поток крутился вокруг камней, и ее обдало мелкой водяной пылью.

Кларенс, не двигаясь, смотрел, как она переходит ручей и выбирается на берег. Стоять босиком на усыпанной иголками земле было больно, и Эвиан поморщилась. Когда она пошатнулась, Кларенс невольно обнял ее и привлек к себе. Она была живая и теплая, и в ней нервно стучала кровь — то ли от волнения, то ли от тех ощущений, которые было так легко спугнуть.

Он боялся потерять голову, потому старался думать о другом. Он видел поверх головы Эвиан, как горят красные ягоды между глянцевыми листьями кустарника, горят, как смола в огне, и думал о своих чувствах, которые так и не умерли.

— Тогда, на станции, я обманула тебя с поцелуем.

— А сейчас не обманешь?

— Нет.

Когда его руки, обнимавшие ее плечи и талию, осторожно скользнули вниз, он понял, что под ее платьем нет ничего, кроме горячей и гладкой кожи. По-прежнему не веря в происходящее, он все-таки произнес:

— Идем!

Они углубились в лес. Увлекая за собой Эвиан, Кларенс лихорадочно раздвигал ветви. Потом он взял ее на руки и понес.

Небольшая ложбинка была выстелена рыжеватыми лиственничными иглами, в отличие от хвои шелковистыми и приятными на ощупь.

— Я прошу тебя не спешить, прошептала Эвиан, закрывая глаза, — ты ведь помнишь, что я…

— Я ничего не забыл.

Эвиан не мешала Кларенсу. Все происходило так, как и должно было происходить. Это было какое-то безумное забытье, странный сон, в котором она была и охотницей, и одновременно добычей. Наглухо запертым домом, в котором неожиданно налетевший ветер вдруг распахнул окна и двери и сорвал крышу. Почвой, покрытой снегом, под которым бегут весенние ручьи.

Он ласкал ее пальцами и губами, и она вздрагивала, но не от боязни или стыдливости, и это тоже казалось чудом.

Повернувшись на спину и потянув Эвиан на себя, Кларенс прошептал:

— Ты не должна лежать на земле, от нее тянет холодом. И вообще: ты обещала прийти ко мне, в мою постель. Ты придешь? Вечером, чтобы остаться на ночь и быть со мной?

— Нет, ночью я не смогу. Я приду днем. Завтра.

Он дрожал от предвкушения, и его темные глаза горели жарким огнем. Эвиан невольно подумала, что Кларенсу удалось сберечь самое ценное: свое трепетное отношение к ней. В этом смысле он сохранил в себе прошлое, быть может, даже лучше, чем она.

— Я буду ждать! — прошептал он, и Эвиан повторила:

— Я приду.

— Тогда, при нашей встрече в гостинице, я не знал, что ты защищала своего сына. Если б я это понял, то не ушел бы.

— Я чувствовала, что тебя тоже что-то удерживает.

— Так и было. Но я оставил бы это. Я оставил бы все ради тебя одной. Я жалею, что не сделал ничего из того, что должен был сделать.

— У тебя еще будет время.

Поднявшись, Кларенс бережно застегнул и оправил ее платье. Казалось, он до сих пор не верит, что может беспрепятственно прикасаться к ней.

— Почему это происходит? — прошептал он, но Эвиан не ответила.

Она не знала, как объяснить ему или кому бы

то ни было, что в ее душе не осталось места для прошлого и вместе с тем именно это прошлое и заставляет ее поступать так, как она поступала сейчас.

Надин долго не решалась заговорить с Эвиан о том, что она делает со своей жизнью, пока та не вернулась из леса с порозовевшим лицом, лихорадочно блестящими глазами, исцарапанными руками и сосновыми иголками в волосах.

Когда, причесавшись и умывшись, она вошла в кухню, Надин посмотрела на нее долгим и выразительным взглядом и только потом сказала:

— Ты совершаешь ошибку.

— Я уже ее совершила.

— Зачем? Почему?

— Потому что прошлое непреодолимо.

— Оно было и прошло. Почему ты бежишь от новой жизни? Отказываешься от хорошего в пользу худшего?!

Выражение лица и тон Эвиан были полны упорства.

— Я хочу прожить жизнь заново.

— Не получится. Потому что такого просто не бывает.

— Посмотрим.

— Ты всегда хотела уехать с ранчо, ты говорила,

что ненавидишь эти места!

— Я прожила здесь слишком долго, и духи этого леса успели мной завладеть. На самом деле мне уже никогда не стать иной, чем я стала.

— Но в прошлом Кларенса есть кое-что, способное помешать твоим замыслам.

— Он не вернется к этому.

— Да, но на свете существует закон.

— Здесь его никто не найдет.

— Хорошо, — казалось, Надин готова сложить оружие. — Но что ты думаешь насчет Дункана?

— Ты права, — сказала Эвиан и вышла за дверь.

Мальчишки висели на ограде и о чем-то громко переговаривались, глядя на переливавшуюся шелком траву. Подойдя ближе, Эвиан с удивлением поняла, что ее сын и Эрик играют… в мореходов. Луг был морем, ограда — кораблем, а они сами — бесстрашными моряками. Как они ни были увлечены, заслышав позади шаги, а после — оглянувшись и увидев мать, Дункан слез с ограды и подбежал к Эвиан, ибо она никогда не приходила за ним просто так.

— Мне надо кое-что сказать тебе, — промолвила она и увела его в дом.

Там Эвиан усадила Дункана на стул и сама

села напротив. Она делала так, только когда им предстоял жизненно важный разговор. Но сейчас она не просто смотрела на сына, а еще и взяла его лицо в свои прохладные и нежные ладони.

— Я хочу поговорить с тобой о поездке в Гранд-Джанкшен.

Мальчик встрепенулся.

— Когда мы едем?

— Никогда.

У Дункана был разочарованный вид.

— Вот как? А я думал…

— Разве ты не хотел остаться в «Райской стране», рядом с Эриком?

— Хотел, но ведь ты говорила, что мы будем жить в городе, в большом доме вместе с мистером Платтом.

— Все изменилось.

— Почему?

— Помнишь, ты спрашивал, встретим ли мы когда-нибудь твоего отца?

Мальчик затаил дыхание.

— Да.

— Это произошло.

В комнате стало так тихо, как, наверное, бывает на самой окраине мира. Прошло не меньше минуты, прежде чем Дункан осторожно спросил:

— Как это? Где он?

— Сейчас этот человек находится на ранчо «Синяя гора».

Лицо Дункана сделалось похожим на разбитое зеркало.

— Нет! Не может быть!

— Почему?

— Разве он хороший человек?!

— Он твой отец. Надеюсь, он сделает все, чтобы быть хорошим; во всяком случае — для меня и тебя. Мы переедем на ранчо «Синяя гора» и…

— Там не так хорошо, как в «Райской стране»! — упрямо произнес Дункан и сжал кулаки.

— С «Райской страной» у меня связаны не слишком приятные воспоминания, а в другом месте мы сможем все начать заново. «Синяя гора» — тоже хорошее ранчо. Мы починим дом, сделаем кое-какие пристройки. Нам хватит места. И ты сможешь в любое время приезжать в «Райскую страну».

— Я не знаю, о чем с ним говорить, — пробурчал Дункан.

— С кем?

— С этим… человеком.

— Думаю, со временем вы найдете общий язык, — спокойно произнесла Эвиан.

Дункан тихонько вздохнул. Он очень любил и уважал свою мать и лучше чем кто-либо знал, что ей свойственно то, чего не было ни в ком из окружавших его людей: непоколебимость.

— Я должен встретиться с ним? — обреченно произнес он.

— Ты ничего не должен. Какое-то время ты можешь пожить здесь.

Глаза Дункана были мрачными, а губы подергивались. Он понимал, что принадлежит Эвиан, но надеялся, что она так же принадлежит ему. Мальчик думал о незнакомце, которого мать ни с того ни с сего назвала его отцом, вспоминал, как тот вошел в вагон, напугав всех (кажется, даже дядю Арни!), спутал их планы, а теперь посягнул на самого близкого ему человека.

— Значит, ты решила жить с ним? — в его голосе явственно звучали ревность и боль.

— Да. Тебе это не нравится?

Дункан решительно кивнул. Обычно Эвиан не задавала таких вопросов, но раз уж спросила — ей же хуже! Женщина вздрогнула. На долю секунды мальчик сделался поразительно похожим на своего настоящего отца.

— Но ты не возражал против мистера Платта? — спокойно произнесла она, стараясь взять

себя в руки.

— Потому что он был похож на дядю Арни. А этот — нет!

— На самом деле все люди разные.

Мальчик был огорчен, а Эвиан не могла скрыть, что рассчитывала на другую реакцию. Дункану был нужен не просто отец, а отец, которым можно гордиться. Таким, каким в его представлении был Арни, а то и лучше.

Эвиан отыскала Надин на заднем дворе, где Арни приладил качели: держась за одну из веревок, женщина раскачивала доску, на которой сидела Кортни. То была редкая минута досуга: обычно, завершая одну работу, Надин уже думала о другой.

— Нам надо поговорить, — сказала Эвиан.

Надин остановила качели, сняла с них Кортни и велела девочке идти в дом.

— Я скоро приду, и мы закончим шить твою новую куклу.

Эвиан и Надин стояли против друг друга. Доска покачивалась с еле слышным скрипом, и в этом звуке было что-то зловещее.

— Я сказала Дункану, что Кларенс Хейвуд — его отец, — без всякой подготовки заявила Эвиан. — К сожалению, он не слишком обрадовался.

Услышав такое, Надин вдруг вспомнила их самый первый разговор. Тогда она сразу обратила внимание на изящество Эвиан, ее точеную фигуру, тонкие запястья. И вместе с тем в ней таилось что-то тяжелое и мрачное.

Неожиданно лицо Надин исказилось, и она топнула ногой.

— Потому что это неправда! Как ты могла?!

— Что тебя возмущает?

— Ты спрашиваешь, что?! Я согласилась с тем, чтобы Дункан не знал, кто был его настоящим отцом даже после того, как тот умер! Но я не могу смириться с тем, что ты навязываешь мальчику Кларенса Хейвуда. Да, я вынуждена терпеть его присутствие ради Арни, к тому же он обещал, что Кларенс не появится в «Райской стране», но ты! Ты твердила, что у Джозефа Иверса было дурное прошлое, так почему ты отвергла благородного и достойного человека и выбрала бандита! Я помню выражение его лица, когда он шел по вагону, а потом приставил револьвер к телу Арни! Дункан тоже никогда этого не забудет!

Эвиан молчала, и тогда Надин добавила:

— Ты полагаешь, Кларенс Хейвуд готов принять твоего сына?!

— Он пока ничего не знает.

Женщина остолбенела.

— Мне чудится, — прошептала она, — будто мы вернулись в далекое прошлое, когда между нами не было ни понимания, ни симпатии.

— Ты хочешь, чтобы я ушла?

— Я не могу тебя прогнать; половина ранчо принадлежит тебе.

— Со временем я уйду, — невозмутимо произнесла Эвиан. — А Дункан пусть пока остается тут.

Повернувшись, она пошла со двора. А у Надин возникло чувство, что будь у нее в руках оружие, она бы выстрелила Эвиан в спину.

Дункан бежал, путаясь в высокой траве и размазывая по лицу слезы. Однако когда мальчик подбежал к ограде, на которой по-прежнему сидел его друг, он усилием воли загнал слезы глубоко внутрь.

— Ты долго! — издалека закричал Эрик, но в его голосе слышалась радость.

Однако Дункан больше не хотел играть в моряков и вообще ни во что. Подпрыгнув и усевшись рядом с приятелем, он мрачно посмотрел на него.

— Что бы ты сделал, если б твой отец поступил плохо?

У Эрика были ясные голубые глаза, светлые вихры и простодушное лицо. Когда он с гордостью восклицал: «Мой папа самый лучший!», Дункан знал, что это правда. Он поневоле завидовал другу: ему тоже хотелось иметь такого отца.

— Он не может совершить ничего дурного, — убежденно произнес Эрик.

— А если бы? — с нажимом проговорил Дункан.

— Что, например?

— Убил человека. Застрелил из ружья.

— Он никогда бы этого не сделал, — повторил Эрик.

Дункан наморщил лоб, и на его лице появилась недетская усмешка.

— Ты уверен?

— Может, если бы только это был плохой человек. Бандит. Если бы папе пришлось нас защищать.

— Люди, которые грабят поезда, — бандиты?

Когда Эрик кивнул, Дункан угрожающе произнес:

— Тогда скажи, твой отец мог бы дружить с бандитом?

— Конечно, нет!

— Ты много чего не знаешь! — бросил Дункан

и, соскочив с ограды, зашагал к дому.

Глава двадцать первая

«Что способно привести человека к лучшей жизни? — думала Эвиан. — Только вера в то, что это достижимо».

Вид плотных серых облаков и голубой линии хребтов успокаивал. Иногда однообразие способно вызвать тоску, а порой оно действует исцеляюще, благотворно. Эвиан любила позднюю осень, когда уже нет буйства красок, но еще сухо и тепло.

Под ногами ломались пожелтевшие метелки, что-то постоянно цеплялось за подол, когда она шла к дому. Он в самом деле выглядел заброшенным. Краска, если она где-то и была, совершенно облупилась, а оконные рамы покосились. Стены покрывал серый лишайник. Кругом стояла такая тишина, что у Эвиан заломило виски. Казалось, здесь многие годы не ступала нога человека.

«Но ведь мы не настолько старые?» — подумала Эвиан. Хотя сейчас она была готова поверить в то, что душа может быть намного старше тела.

Отворив дверь, она сделала такой решительный шаг, что юбка взметнулась вокруг ее ног.

Сидевший на ящике Кларенс обернулся, и его глаза ожили. По выражению его лица Эвиан догадалась, что он не верил в то, что она придет, и думал, будто сейчас увидит не ее, а Арни.

Тем не менее она сразу заметила, что он постирал свою одежду и как мог привел в порядок себя и то, что его окружало. Выкинул хлам, от которого не было пользы, вычистил посуду песком и подмел пол, усыпанный сосновыми иглами, сухими листьями, мертвыми жучками и еще каким-то сором.

В комнате было тепло, даже душно, пахло едой и кофе. Кларенс подкинул дров в черное чрево печки.

— Хочешь? — спросил он, кивая на котелок.

Эвиан покачала головой. Она видела, что он не знает, как себя вести.

— Я рад, что ты пришла.

— Ты знаешь, зачем я пришла.

Кларенс встал и привлек Эвиан к себе. Оба знали, что в эти минуты для них еще есть путь назад. Кларенс напряженно ждал, но Эвиан не двигалась и ничего не говорила, и тогда он промолвил:

— В комнате жарко. Можно снять с себя все.

По ее взгляду Кларенс понял: Эвиан хочет, что-

бы он отвернулся, и он выполнил ее молчаливую просьбу.

На сей раз Эвиан надела белье, но не то, что было на ней, когда она ехала в Гранд-Джанкшен, а другое, из простой ткани, незатейливое и скромное, больше напоминавшее девичье.

Раздевшись, она легла и накрылась одеялом. Простыни были ветхими, но чистыми. Когда он скользнул к ней, она закрыла глаза, и тогда Кларенс сказал:

— Не обязательно видеть друг друга. Главное — чувствовать. Тебе понравилось то, что было вчера?

Эвиан кивнула.

— Если хочешь, — добавил Кларенс, — можно поговорить о том времени, когда мы были в разлуке. Я готов выслушать тебя и расскажу тебе все, что ты желаешь узнать, хотя едва ли сумею что-то объяснить.

— Тебе это нужно?

— Нет.

— Тогда не стоит.

— Ты боишься? — прошептал он, осторожно обнимая ее.

Что она могла сказать? Что много лет внутри нее жили чувства, похожие на злобные существа

с острыми зубами и когтями? Что отдавая себя мужчине, она делала все для того, чтобы хотя бы на несколько минут покинуть собственное тело?

Кларенс ничего не забыл. Она догадалась об этом по его прикосновениям, как угадала бы мелодию по первым нотам. Он целовал и ласкал ее бережно, почти целомудренно, давая ей возможность прислушаться к себе; так, как все эти годы делал это в своих мечтах. И проник в нее только тогда, когда она дала понять, что на все согласна и ничего не боится.

Обнимая его, отвечая на его движения, ощущая внутри все нараставшее приятное чувство, Эвиан радовалась тому, что она осмелилась, преодолела, перешла границу, смогла прогнать стыд и страх и наконец впустить в себя готовность наслаждаться тем, что столь долгое время приносило ей только муки.

Одеяло было откинуто, а простыни смялись. Дыхание было мятущимся и тяжелым. Ощутив внутри горячую влагу, Эвиан подумала, что не будет мешать той проделать свой путь, подобный дороге, какую находят весенние ручьи к спящей земле, дабы пробудить в ней новую жизнь.

Они долго не могли ни о чем говорить, но потом Кларенс сказал:

— Подумать только, были минуты, когда я думал, что обречен на одиночество!

— Такое было и со мной.

— Почему ты решилась на это? Почему выбрала меня?

— Наверное, потому что поняла: я люблю тебя, — Эвиан произнесла это так просто, как будто знала об этом всегда.

Кларенс не успел ответить. Скрипнула дверь, и он вскочил. В комнату заглянул человек. Это был Арни, который привез продукты и увидел то, чего не ожидал и не должен был видеть: Кларенса в постели с Эвиан.

Он тотчас вышел, вернее, выскочил за дверь. Арни знал, что должен немедленно уехать, и все же он подождал ровно столько, сколько понадобилось Кларенсу, чтобы набросить одежду и выйти наружу.

— Прости, — произнес Арни с краской в лице. — Я не знал. Я уже ухожу.

— По-моему, ты хотел что-то сказать?

— Да. Это твоя жизнь, и я не желаю вмешиваться, но… Одно дело, если в доме станешь жить только ты, и другое — если к тебе будет приходить Эвиан. Ваши отношения не удастся утаить. Пойдут слухи.

— Понимаю. Вот почему я хочу попросить Эвиан выйти за меня замуж.

Арни пошатнулся от неожиданности.

— Но как вы поженитесь?! Тебе ни в коем случае нельзя появляться в Шайенне: тебя тут же схватят!

— Мы можем поехать не в Шайенн, а в Денвер. Он находится в Колорадо. Не такая я крупная птица, чтобы меня искали по всем штатам!

— Ты ошибаешься. К тому же, мне кажется, шериф не поверил, что твое бегство обошлось без моей помощи. Поэтому я не уверен, что агенты Пинкертона не явятся сюда. Пока почти никто не знает, что ты скрываешься на этом ранчо, но если вы с Эвиан…

На лице Кларенса появилось то самое выражение непримиримого воинствующего упрямства, какое Арни помнил с детства.

— Если Эвиан примет мое предложение, я женюсь на ней вопреки чему бы то ни было.

— Кларенс…

— Послушай, — сказал тот, глядя вдаль, — ты получил признание от любимой женщины много лет назад, а я услышал его только сейчас.

Арни понял, что спорить бесполезно.

— Будет хорошо, если Эвиан вернется домой

хотя бы к ночи.

— Она сама это знает.

Войдя в комнату, Кларенс сказал:

— Это Арни. Он уже уехал.

Эвиан глубоко вздохнула. Она лежала укрытая одеялом так, что были видны только матово поблескивающие плечи.

— Он удивился?

— Да.

Когда Кларенс лег рядом с ней, она положила голову на его плечо и, немного помолчав, сказала:

— Мне пора. Я вернусь завтра. А потом окончательно переселюсь сюда. Мне все равно, что и кто подумает.

— Тебя устроит такая простая жизнь?

— Разве я когда-то жила иначе? Конечно, я никогда не работала так много, как Надин, но ведь мы всегда можем нанять подмогу.

— Да, хотя я предпочел бы остаться только с тобой, — сказал Кларенс, целуя ее.

— Есть еще Дункан, — напомнила Эвиан.

— Думаешь, он меня примет?

— Если два человека пойдут навстречу друг другу, то рано или поздно встретятся. Я сказала Дункану, что ты его отец. До сей поры это место оставалось незанятым.

Кларенс постарался скрыть свое замешательство. Что-то помогло ему понять, что он должен относиться к поступку Эвиан как к бесценному и бескорыстному дару.

— Ты берегла его для меня?

— Нет, я не думала об этом. Но теперь, когда я хочу, чтобы у нас все сложилось…

— Я постараюсь стать его отцом, хотя, возможно, это будет нелегко. Ведь у меня еще не было детей.

— Будут. Я рожу тебе ребенка.

— Я слышал, это было тяжело для тебя?

— Второй раз обычно бывает проще. А тогда роды приняли Надин и Арни. Без них бы я умерла.

— Арни?!

— В те минуты я была для него не женщиной, а просто существом, которое нуждается в помощи.

— Ты правда любишь меня? — прошептал Кларенс.

— Да.

— И отныне нам ничего не помешает?

— Да.

— И это время никогда не закончится?

— Нет.

— Выходи за меня замуж.

Эвиан приподнялась. В ее глазах появился

испуг.

— Ты не можешь покинуть ранчо! Это опасно.

— Мне кажется, теперь я могу все. Поедем в Денвер, всего на один день. Поженимся и вернемся.

— Я согласна жить с тобой просто так.

— Нет. Пусть я должен прятаться от всех, но только не от самого себя.

Вернувшись в «Райскую страну», Арни не мог найти себе места. Кларенс и Эвиан уже были вместе, а теперь, когда им вроде бы ничего не мешало, вновь соединились. И все же Арни не покидало чувство, будто что-то происходит не так.

Он нашел Надин в хлеву. Она любила доить коров. Ей нравился веселый звон тугих молочных струй, нравилось смотреть, как с краев подойника падает белая пена. Корова была неповоротливая, грузная, с большими спокойными глазами. Увидев Арни, она шумно вздохнула и переступила с ноги на ногу, а Надин повернула голову.

— Вернулся?

— Да. Я был…

— Я знаю, где, — резко перебила она.

— Когда-то Кларенс был против наших с тобой встреч, и я защищал тебя. Теперь все наоборот.

— В отличие от него, я не делала ничего дур-

ного.

— Полно, Надин! Я пришел сказать, что все зашло слишком далеко. Сегодня я застал Кларенса и Эвиан в одной постели. А еще они собираются пожениться.

Молодая женщина вскочила, едва не опрокинув подойник.

— Прежде нашей жизнью распоряжался мой отец, а теперь — Эвиан! До конца дней я буду вынуждена прятать в своих владениях Кларенса, притворяться перед работниками, учить детей лгать. А Эвиан станет жить так, как ей хочется.

— Никто из нас не жил и не живет так, как хочется, и ты это знаешь.

Надин повысила голос:

— Мы с тобой жили бы, если б не она! Она с самого начала была здесь лишней, чужой! Я предлагаю вновь разделить ранчо! Пусть остаются там. Я готова выплачивать им любую сумму, лишь бы они не появлялись в «Райской стране»!

— Мне казалось, ты дружишь с Эвиан.

— Так и было бы, если б она считалась с моим мнением. Она украла у моего отца сына, а у меня — брата и отдала его Кларенсу Хейвуду!

— О чем ты говоришь?

— Эвиан сказала Дункану, что твой приятель

— его отец.

Арни сокрушенно покачал головой.

— Вижу, она все продумала.

— А мне кажется, что напротив — сошла с ума! Выбрать этого, этого…

Подойдя ближе, Арни взял жену за руки. Они не были такими изящными, как руки Эвиан, но он любил их, как и все в ней.

— К сожалению, все мы не без греха. Если б ты больше знала обо мне…

У него было странное, далекое, потерянное выражение лица. Казалось, он готов в чем-то признаться. Однако этого не случилось. Подумав о том, что он ни за что на свете не хочет лишиться возможности держать в своих руках руки Надин, Арни нагнулся и сделал то, чего никогда прежде не делал: нежно поцеловал пальцы жены.

Когда на следующий день Эвиан собралась выйти со двора, Дункан преградил ей дорогу.

— Не ходи.

У него были крепко сжатые губы, похожие на черные пуговицы глаза и взрослый взгляд. Он вцепился в материнский подол и не отпускал.

— Я обещала прийти.

— Ты обещала это не мне!

— Да. Тебе я пока что ничего не обещала.

— Мне ты только приказываешь! — в сердцах бросил он ей в лицо.

Если Эвиан и огорчилась, то не подала виду. Чтобы не смотреть на Дункана сверху вниз, она присела на корточки.

— Разве? Я никому не приказывала и никогда не учила тебя слушаться приказов других людей.

— Значит, я могу делать то, что хочу?

— То, что считаешь нужным.

Мальчик нахмурился.

— Тогда я так и буду поступать!

— Мы поговорим об этом, когда я вернусь.

— Когда ты вернешься, меня здесь не будет! — произнес он со злобной торжественностью.

Эвиан улыбнулась.

— Это место заколдовано. Отсюда никто не может уйти.

— Значит, я буду первым!

Эвиан погладила его по голове.

— Пожалуйста, дождись меня! Обещаю, мы все обсудим и вместе примем решение. Хорошо?

Мальчик кивнул, но выражение его глаз не изменилось.

Когда мать вышла за ворота, Дункан долго махал руками, словно нанося удары кому-то невидимому. А потом перелез через ограду и

побежал в лес.

В печи горел огонь, а на постели изгибались два распаленных тела. Казалось, влюбленные хотят наверстать упущенное за много лет.

Словно боясь расплескать желание, Эвиан отдалась Кларенсу без промедления и разговоров. Но потом они все же поговорили. Сам того не ожидая, Кларенс рассказал о себе очень много.

Как он разочаровался в человеческой справедливости и уверовал в силу оружия. Как одно время он презирал жалость. Как горечь от предполагаемого предательства Арни подпитывала его ненависть к людям и к самой жизни. И как в конце концов он стал ощущать внутри только горечь и пустоту.

— Но тебя я всегда любил, и мое отношение к тебе осталось прежним.

— Я знаю. Потому сейчас я с тобой.

Они были до того увлечены собой, что ничего не слышали. А потом Эвиан почудилось, будто в дверь кто-то тихо постучал. Она испуганно вздрогнула, и Кларенс мигом встрепенулся, заслонив ее собой.

Через секунду он расслабился, но его голос прозвучал жестко:

— Арни, ты не знал, что мы здесь?

— Знал, — ответил тот, — потому и приехал. Дункан пропал. Надин не дозвалась его к ужину, а после выяснилось, что его давно никто не видел, даже Эрик.

— Скоро стемнеет! Надо его найти! — воскликнула Эвиан.

— Я уже организовал поиски. Вам нет нужды присоединяться. Я просто хотел, чтоб вы знали.

— Я должен пойти! — сказал Кларенс, и Эвиан добавила:

— Я тоже.

— Думаю, женщинам не стоит идти в лес, — ответил Арни.

Эвиан покачала головой. У нее был отстраненный взгляд, и она дрожала всем телом.

— Это моя вина. Дункан не хотел, чтобы я уходила. Он угрожал, что сбежит, но я не поверила.

— Никто не виноват, — сказал Кларенс, бросив на нее быстрый взгляд. — Возвращайся в «Райскую страну»! Мы справимся. Я обещаю его найти.

Мужчины разделились на группы. Ковбои очень серьезно отнеслись к пропаже ребенка. На поиски вышли все, и все сказали, что будут искать до победы. Вскоре лес был населен смутными, постоянно перекликавшимися фигурами,

движущимися навстречу темноте.

Арни с тревогой поглядывал на небо. Скоро оно сделается похожим на костер, прогоревший до углей, а потом нальется черной тяжестью, и тогда они мало что сумеют разглядеть. А Дункан мог провалиться в глубокий овраг или быть съеден дикими зверями. Если б была жива Зана, быть может, она указала бы правильный путь, а так им не помогало никакое наитие.

Сперва Дункана одолевала некая мстительная веселость. Он предвкушал испуг и раскаяние матери, которая, вернувшись с таинственной встречи с «отцом» (при воспоминании о котором мальчик презрительно кривил губы), не обнаружит его дома. Дункана забавляли белки, шнырявшие и стрекотавшие в ветвях. Казалось, они играют с ним. Однажды сверху упала шишка, а потом посыпалась шелуха.

Однако вскоре его настроение упало. Лес неуловимо, но неуклонно менялся, в нем появилось что-то незнакомое. Он окружал маленького незваного пришельца и, казалось, давил на него.

Неожиданно очутившись на обрыве, Дункан увидел горы, которые, постепенно уменьшаясь, тонули в бледной дымке, и у него захватило дух. Было ясно, что они бесконечны, и тогда он понял,

что имела в виду мать, говоря, что этот край невозможно покинуть. Ни у кого не достанет сил преодолеть эти леса и перешагнуть эти горы. Дороги окружавших его пространств, неведомые непосвященным, вели в бесконечность и вместе с тем в никуда.

В их семье редко упоминали Бога. Здесь никто не совершал великих дел, а уповать на помощь Всевышнего в повседневном было как-то не принято. Зато тетя Надин часто говорила об обилии, щедрости и богатстве природы, о том, что в каждой былинке, в каждой капле росы заключен целый мир. Потому дети полагали, что природа и Бог — отчасти одно и то же.

И теперь Дункану чудилось, что он стоит на пороге постижения и того и другого.

Пока мальчик размышлял, позади послышались голоса. Его преследовали, и он тут же почувствовал досаду. Почему его так быстро нашли? На самом деле это произошло не так скоро; просто в лесу напрочь утрачивалось чувство времени.

Внизу текла бурная, белая от пены река. Кругом витал запах воды, сырой земли и прелых листьев. Крики за спиной гнали Дункана вперед, но идти было некуда.

Вопреки всему, он решил спуститься вниз. Упорство и злость придавали ему смелости и сил. Он не желал видеть взрослых, которые станут его отчитывать, он хотел остаться один. В крайнем случае, Дункан был согласен очутиться лицом к лицу с матерью, но только с ней и больше ни с кем.

Голоса постепенно затихли: наверное, люди ушли в сторону. Только деревья и камни были безмолвными свидетелями его безумства.

Он был упорным, бесстрашным и вместе с тем осторожным. Он долго искал, куда поставить ногу, а движения его рук были ловкими и точными. Дункан решил, что, спустившись, пойдет вдоль реки. Вода всегда куда-то выводит, так его учили с раннего детства, так говорил дядя Арни.

Случайно подняв голову, мальчик увидел на краю обрыва какого-то человека. Он был один: вероятно, шел не в компании других, а сам по себе. Приглядевшись, Дункан узнал его, и его обуяла злость. Вся его выдержка куда-то испарилась, уступив место неразумной спешке.

Когда нога соскользнула с камня, он раздраженно схватился за кустик сухой травы. А после вдруг понял, что между ним и рекой не осталось ничего, кроме пустоты.

Дункану казалось, будто он повис на самом краешке земли. Это было жутко и вместе с тем захватывающе. Он не думал о том, что вот-вот полетит вниз и его короткая жизнь закончится на каменистом дне бурной, но мелкой горной реки.

Встряска была небольшой, однако ему почудилось, будто какой-то крупный зверь прыгнул на него с обрыва и вцепился в тело.

Мужчина держал его за шиворот, другой рукой ухватившись за ветку кустарника, растущего на одном из выступов. Дункан затрепыхался, а после услышал голос:

— Не дергайся, иначе я тебя не удержу!

Он подтянул мальчика чуть выше, и тот сумел поставить ногу на камень.

— Руку, давай руку!

Дункан смерил расстояние от себя до Кларенса, и тот понял, что ребенок измеряет пространство в чем-то ином, чем футы и дюймы. Это был сын ненавистного ему Иверса, но сейчас Кларенс не думал об этом.

— Ну же!

Инстинкт взял верх. Очутившись на твердой земле, мальчик не упал, не впал в оцепенение, не заплакал, он замахнулся на Кларенса, словно хотел ударить, а потом отскочил в сторону.

— Ты сделал это из-за меня? — переведя дыхание, сказал тот. — Если так, твоя взяла. Я оставлю в покое твою мать и уйду отсюда. Хотя мне бы хотелось иметь такого храброго сына.

Во взгляде Дункана появились неуверенность и сомнение.

— А вы в самом деле…

— Да. Я могу это доказать. Твоего деда тоже зовут Дункан. На стене его дома висит старое седло, которое по праву должно достаться тебе.

— Седло? — мальчик скривил губы. — Да у дяди Арни их сколько угодно!

— Но у того седла своя непростая история, история твоих предков. Ты знаешь о том, что твоя прапрабабка была индианкой сиу?

В глазах Дункана появился интерес.

— Нет. Мама об этом не говорила.

— Ей известно не все. Кое о чем тебе могу рассказать только я.

Дункан задумался. Его волновали и притягивали рассказы о Зане, которая считалась хозяйкой этих мест. А ведь она тоже была сиу! Мальчик прикидывал, как превратить уязвимое в нечто, имеющее вес, и в конце концов произнес:

— Может, и хорошо иметь отца, которого все боятся?

— Ты боишься меня?

— Я? Нет.

— Ты имеешь в виду то, что произошло в поезде? Да, я занимался этим, но больше не буду. Некогда я утратил веру в правильный порядок вещей, и это привело меня к досадной ошибке. Я готов понести любое наказание. Но все-таки главное, чтобы меня простил ты. Ну что, пойдем? Мама очень волнуется.

Мальчик кивнул. Кларенс не рискнул взять его за руку, но они пошли рядом.

Несмотря на свой проступок, Дункан стал героем дня. Эвиан плакала от облегчения. Надин уложила мальчика в постель и пыталась поить целебными отварами.

Дункан раз за разом рассказывал Эрику о своих приключениях. На следующий день он вскочил как ни в чем ни бывало и побежал играть. Но в его голове засели упорные мысли.

Дункан понимал, что всегда был для Иверса противоположностью Эрика. Он помнил, как постоянно натыкался на его осуждающий взгляд. Эрика Иверс любил, а Дункан ему мешал, вызывал раздражение и досаду.

Несмотря на то, что в отношениях с Эриком лидером всегда был Дункан, былой хозяин «Райской

страны» всегда отодвигал его на второй план. К тому же, в отличие от Эрика, у него не было отца. Эрик всегда мог заявить свои права на Арни, и Дункан ничего не мог поделать с этим.

Когда Иверса не стало, с первым было покончено. Но осталось второе.

Мальчишки по очереди летали на качелях, пока им это не надоело. И тогда Дункан как бы между прочим признался:

— В нашем роду были индейцы сиу, такие же, как Зана.

У Эрика округлились глаза.

— Откуда ты знаешь?

— Мне сказал мой отец.

— Отец?! А где он?

Дункан принял важный вид, будто не собирался выкладывать все сразу, однако тут же сказал:

— Вчера он спас меня. Сейчас он живет на ранчо «Синяя гора».

Выслушав рассказ приятеля, Эрик произнес совсем не то, чего ожидал Дункан:

— Этот человек плохой и опасный. Так говорила мама.

— Много ты понимаешь! Зато он умеет стрелять и ездить верхом куда лучше твоего отца. И еще у него есть индейское седло, которое он

подарит мне!

Но приятель стоял на своем:

— Нельзя останавливать поезд, угрожать людям оружием и грабить их!

Дункану захотелось его ударить. Эрик всегда был таким, потому что Надин очень четко объясняла и ему, и Кортни, что хорошо, а что плохо. Эвиан никогда не занималась подобными вещами.

— А ты знаешь о том, что твой отец дружил с моим?

— Знаю, — смиренно произнес Эрик, — мама сказала. Но это было давно.

— Ладно, — Дункан засунул руки в карманы штанов и подбоченился. — Твой отец тоже совершал плохие поступки.

— Какие?

— Например, убил человека. И не кого-нибудь, а твоего дедушку.

Эрик сделал шаг назад, поскользнулся в траве и упал на спину. Когда он поднялся, в его голубых глазах блестели слезы, а губы дрожали.

— Нет!

— Да. Я сам это видел. Он застрелил его из винтовки. Только никто об этом не знает.

Повернувшись, Эрик бросился бежать, а Дункан

остался возле качелей. Он уже пожалел о том, что сделал. Не потому, что боялся наказания, а оттого, что не ощущал себя победителем.

Он долго стоял бы так, если б не прибежала тетя Надин. Она всегда представлялась Дункану воплощением разума и спокойствия, неотъемлемой частью окружавшего мира.

Но сейчас от нее исходило ощущение такой силы, какой он никогда не замечал даже в матери. И она отвесила Дункану пощечину прежде доброй и ласковой рукой. Как ни странно, он не обиделся, потому что знал: она имела на это право.

— Что ты наговорил Эрику?! С чего ты взял, что Арни убил моего отца?

— Я ничего не помню, — пролепетал мальчик, — но мама сказала…

— Вот оно что! — повернувшись, Надин так быстро зашагала к дому, что юбки развевались и, казалось, даже щелкали на ветру.

Ворвавшись в комнату Эвиан, она высказала ей все и даже больше, чем хотела. Та стояла и слушала, думая о том, что слишком рано познакомилась с темной, отвратительной стороной жизни, чтобы прожить ее без дальнейшего разрушения и губительных теней.

— Да, во всем виновата я, — медленно и тяжко

произнесла Эвиан, когда Надин умолкла. — Разумеется, это неправда. Прошу, не говори Арни. Он огорчится.

— Конечно, не скажу!

— Мы уходим отсюда, — сказала Эвиан. — А завтра поедем в Денвер.

— Убирайся! — в сердцах проговорила Надин, хотя, казалось, в этом не было особой нужды.

И Эвиан только кивнула в ответ.

Глава двадцать вторая

Утром пошел дождь, оставлявший на стеклах полосы, напоминавшие давние шрамы. Он был унылым, как вдовьи слезы, и оставлял в душе ощущение обреченности.

Арни не верил в предчувствия. Или делал вид, что не верит. Он вышел из дома, не говоря, куда и зачем едет, и Надин ни о чем не спросила. Отвернувшись к стене, она притворилась спящей. Вчера она долго разговаривала с плачущим сыном и наотрез отказалась объяснять мужу, что случилось.

От обычно открытого простодушного Эрика тоже нельзя было добиться ни слова, однако Арни понял, что в его отсутствие дома разыгралась целая драма. Собрав кое-какие пожитки, Эвиан покинула «Райскую страну», причем вместе с Дунканом, и Надин не только не возражала против этого, а, казалось, была даже рада.

Облака висели низко над землей, и продолжал накрапывать дождь. Когда Эвиан вышла из дома, на ней были накидка и шляпа. В Гранд-Джанкшене и в ненастную, и в солнечную погоду Арни

видел картинно прогуливающихся, как в театре, дам с зонтиками в руках, но на ранчо никто не пользовался такими вещами. Они принимали и солнце, и дождь как нечто естественное и благодатное.

Эвиан была одета скромно, а Кларенс — и вовсе бедно; они совсем не походили на жениха и невесту. Дункан держался настороженно. Он еще не отошел от вчерашних происшествий, но, по крайней мере, понял, что сейчас лучше позволить взрослым поступать так, как они считают нужным.

Мужчины были вооружены; Кларенс давно привык не расставаться с револьвером, а Арни чувствовал, что в этом может возникнуть необходимость. Он придумал причину, по которой они с Эвиан и Дунканом якобы поехали в Денвер, а Кларенс мог сойти за сопровождавшего их ковбоя. Хотя Арни надеялся, что все пройдет более-менее гладко, все же его не покидала тревога.

Они ехали молча и не спеша. Изредка Арни поглядывал на Кларенса. Он надеялся, что любовь вернет его друга на тот путь, с которого он волей судьбы сошел много лет назад. Что касается Эвиан, Арни впервые поверил, что она сможет прочувствовать то, что ей не довелось испытать

в юности: романтические порывы, безудержные желания, девичьи грезы. Кроме того, кажется, она наконец познала, сколько наслаждения одно человеческое тело способно подарить другому.

Что касается самого Арни, хотя его жизнь и омрачали два пятна на совести, в целом она шла по накатанной колее. К тому же у него было слишком много дел и забот, чтобы постоянно копаться в себе.

Арни давно проникся бесконечным покоем этих мест, и если б он умел произносить такие слова, то сказал бы, что его душа давно слилась с душой Вайоминга. Этот край далеко не всегда мог спасти человека от самого себя, и все-таки ему была свойственна особая глубокая мудрость, не позволявшая населявшим его людям долго скорбеть и без конца падать духом.

Они ехали вдоль леса. Арни знал, что лес может быть всяким, как и различные периоды человеческой судьбы. Полным воздуха, светлым, раскинувшимся, будто шатер, и безысходно-угрюмым, ощетинившимся иглами сосен.

Он заметил, как изменились лица Кларенса и Эвиан, когда они въехали в Денвер. Внезапно далекое показалось близким, а давно пережитое — болезненным. Арни увидел, как друг протянул

руку и на мгновение сжал пальцы женщины.

Руководствуясь мудрым советом, Кларенс и Эвиан остались в гостинице (они записались под чужими именами), а Арни с Дунканом, которому не терпелось посмотреть город, отправились узнать, где можно заключить брак. Арни страшился последствий: если у судьи есть соответствующее предписание, Кларенса могут арестовать.

Как и прежде, город был наводнен охотниками, приехавшими сюда в надежде продать добычу, и перегонщиками скота, изможденными полными опасностей путешествиями. То и дело из толпы вылетало крепкое словцо, а запахи были возбуждающе-резкими.

Дункан шел по улице, держась за большую теплую руку своего спутника. Мальчик испытывал чувство вины за вчерашнее, но, похоже, дядя Арни ничего не знал. В эти минуты он принадлежал ему, а не Эрику, и Дункан решился спросить:

— Правда, что этот человек — мой отец?

Немного помедлив, Арни твердо ответил:

— Да.

Он не переставал удивляться тому, что Кларенс нашел понятные мальчишке слова, каким-то образом обаял его.

— Он был твоим другом?

— Почему был? Он и сейчас мой друг.

— Но тогда, в поезде, он наставил на тебя револьвер. И ты испугался, я видел!

— Мой испуг был вызван неожиданностью. Я же никогда не думал, что встречу Кларенса при таких обстоятельствах. Однако дальнейшее подтвердило, что мы остались друзьями. Он простил меня, а я — понял его. Настоящие друзья всегда лучше всего понимают друг друга. Затем они и нужны.

— А зачем люди женятся?

Арни мог бы сказать «из любви», но это не всегда было так. В конце концов он произнес:

— Чтобы все было по закону.

И тут же вздрогнул от двоякого значения своих слов.

Отыскав пожилого судью, Арни договорился, что жених с невестой прибудут к нему через два часа. Он намеренно выбрал время, когда на улице уже стемнеет.

Вернувшись в гостиницу и изложив план действий, Арни сказал:

— Мне кажется, нужны кольца.

На смуглом лице Кларенса появилась краска.

— Я помню об этом, но у меня нет ни цента, все

отобрали при обыске. Да я и не хотел бы расплачиваться теми деньгами.

— Я одолжу тебе, сколько нужно. Потом вернешь, — сказал Арни, понимая, что Кларенс не примет другого варианта.

Глаза Кларенса жестко блестели.

— Хорошо.

— Давай мы с Эвиан сходим в ювелирную лавку и…

— Давай это сделаем мы с тобой! Эвиан — невеста, ей надо немного подготовиться.

— Ладно, — согласился Арни.

Он ценил заботливое отношение Кларенса к своей будущей супруге, потому что слишком хорошо понимал, как много это значит для них двоих.

— Я до боли хочу спать в своей постели со своей женой, сидеть за своим столом и объезжать пусть не свои владения, но, по крайней мере, места, где я знаю каждый камень и каждый куст. А больше мне ничего и не надо, — сказал Кларенс, когда они спускались по лестнице.

— Мне кажется, это самое малое, чего достоин каждый из нас.

— Думаешь, мы будем счастливы? Я готов все искупить, но…

— Ты должен быть осторожным.

В ювелирной лавке Арни не обнаружил ничего подозрительного, и они с Кларенсом беспрепятственно купили кольца. Вернувшись в гостиницу, он также не заметил, чтобы Эвиан как-то особо готовилась к тому, что должно произойти, если только это не касалось ее внутреннего состояния.

Было решено не брать Дункана на церемонию, и он смиренно принял это. Заметив, что мальчик прислушивается к словам Кларенса и что это несказанно радует Эвиан, Арни решил: да будет так! Он искренне надеялся, что нынешние события не потревожат душу Джозефа Иверса.

Похоже, судье не было известно имя Кларенса Хейвуда, потому что он вел себя совершенно спокойно. Кларенс и Эвиан расписались в книге и обменялись кольцами.

Глядя на молодую женщину, Арни догадывался, что она чувствует. Прежде в ее душе царили пустота и темнота, а теперь рождалось нечто необычное и непознанное. Все, что составляло ее прежнюю жизнь, куда-то исчезло: ее увлекло за собой некое спасительное забвение. Они с Кларенсом стояли, прислушиваясь друг к другу сердцами и телами, ощущая, что их вот-вот

перенесет в область чего-то возвышенного и неведомого.

Арни увидел, что взгляд Эвиан способен с одинаковой силой выражать как ненависть, так и любовь. Он был счастлив за них. И все же чего-то боялся.

Когда они вышли на улицу, он сразу спросил:

— Пойдем в гостиницу?

Эвиан замялась. На противоположной стороне улицы было много ярко освещенных лавок.

— Мне надо кое-что купить. Раз уж мы приехали в город…

— А мы с тобой, — подхватил Кларенс, обращаясь к Арни, — пока могли бы зайти в салун.

— Не опасно ли это?

Кларенс рассмеялся.

— Брось! Тебе всюду мерещатся законники! Мы всего лишь пропустим по стаканчику.

— Я скоро, — сказала Эвиан.

Очутившись на другой стороне дороги, она улыбнулась и помахала мужчинам.

— У тебя были моменты, когда тебе казалось, будто ты спишь наяву? — негромко произнес Кларенс.

— Не помню. Ты хочешь сказать, что счастлив?

— Я хочу сказать, что я в это не верю.

Они вошли в салун. Вечером здесь было полно народа; приятели с трудом протиснулись к стойке, чтобы взять напитки. Но потом им повезло найти место за столом, на котором лежали засаленные карты и несколько газет. Арни был готов произнести слова поздравления, но внимание Кларенса привлек какой-то заголовок. Схватив газету, он прочитал:

«Детективное агентство Аллана Пинкертона сообщает о захвате банды Айка Макгроу (Бешеного Айка), совершившей множество дерзких ограблений поездов в штатах Колорадо, Вайоминг и Юта. Ожидается, что главаря банды и нескольких активных ее членов суд приговорит к повешению, а остальные получат длительные сроки тюремного заключения. Предположительно, преступная группа была арестована в том числе благодаря показаниям одного из ее участников, Кларенса Хейвуда, коему впоследствии удалось сбежать и за поимку которого объявлена награда».

— Что?! — вскричал Кларенс, безжалостно сминая бумагу. — Да я не сказал им ни слова! Я ни за что не сдам человека, который спас мне жизнь, будь то самый последний бандит! Какого дьявола они пишут такое!

— Прошу тебя, тише!

Арни заметил, как несколько человек перевели взгляд на Кларенса и прислушивались к его словам. Быстро осушив стакан, он едва ли не силой заставил приятеля покинуть салун.

Найдя Эвиан в одной из лавок, они направились в гостиницу. Арни то и дело оглядывался. Вроде бы слежки не было. И все же он считал, что им надо спешить. Впрочем, было поздно, и никто бы не счел разумным пускаться в дорогу на ночь глядя.

За ужином Арни видел, что Кларенсу и Эвиан хочется остаться наедине. Он сказал, что возьмет Дункана в свою комнату. Удаляясь в номер, Кларенс держал Эвиан за руку.

— Теперь мы сможем повидать моих родителей, — сказал он.

Арни кивнул. Из головы не выходило сообщение о том, что за поимку Кларенса объявлена награда, но он ничего не сказал.

Как ни жаль было поднимать Дункана и новобрачных до рассвета, ему пришлось это сделать. Пока они собирались, Арни забрал из конюшни лошадей.

Спускаясь по лестнице, Эвиан вспомнила, что забыла в номере какой-то сверток, и повернула назад. Дункан первым выскочил из гостиницы и

побежал к лошадям.

Когда к ним с Кларенсом приблизился какой-то человек, Арни не сразу понял, что происходит.

— Кларенс Хейвуд? — негромко произнес незнакомец.

Приятель обернулся, и Арни заметил, как изменилось выражение его лица. А еще он мог сказать, что теперь знает, как бывает, когда кажется, будто видишь сон наяву. Им руководил не разум, а некое шестое чувство. Он ощущал друга, как самого себя; чувствовал, как под его кожей напряглись мышцы, как участилось его дыхание, а мозг пронзила быстрая, как молния, мысль.

Когда Кларенс выхватил револьвер, Арни бросился на него и успел ударить по руке. Пуля вошла в землю. Мигом подоспевшие полицейские, которые, по-видимому, поджидали где-то рядом, скрутили Кларенса, который только и смог прошептать:

— Какого дьявола, Янсон?!

— За убийство агента Пинкертона ты получил бы виселицу. К тому же не стоит отправлять на тот свет человека на глазах собственного сына.

Возле коней застыл Дункан. Из гостиницы вышла Эвиан. Она тоже замерла, и Арни почудилось, будто она не может вздохнуть. Ее дыхание

казалось запертым в груди вместе с теми надеждами и чаяниями, каким было не суждено осуществиться.

Когда на запястьях Кларенса защелкнулись наручники, детектив сказал Арни:

— Мы не станем задерживать вас, мистер Янсон. Надеюсь, вы сами явитесь к нам, чтобы дать показания?

— Хорошо.

Пока Кларенса уводили, он все время оглядывался. Эвиан не бросилась вслед, не заплакала, не заломила руки, она лишь стояла и смотрела ему вслед, и в ее глазах была такая мука, что сердце Арни сжалось от боли.

— Я сочувствую тебе, но полагаю, что это должно было случиться. То, чем он занимался все эти годы, так или иначе стояло между тем, что он хотел получить. Думаю, нам не надо отчаиваться. Я знаю, что нужно делать.

Выслушав Арни, Эвиан твердо произнесла:

— Я никуда не поеду. Я буду там, где Кларенс.

— Он в тюрьме. Тебя туда не пустят. И ты не можешь оставаться в городе одна. Мне надо съездить на ранчо за деньгами; есть и другие дела. Не падай духом: мы наймем хорошего адвоката и постараемся, чтобы дело рассматривал справед-

ливый судья.

Они никогда не думали, что возвращение в «Райскую страну» будет столь печальным. Арни дал показания детективам, и его отпустили. Едва ли ему грозило наказание за укрывательство преступника, потому что, по сути, он помог его задержать.

Было пасмурно, листья с деревьев почти облетели; пейзаж порождал уныние и мысли об одиночестве. Над дорогой повисла тишина. По обочинам росли ели с темно-зеленой бахромой ветвей, и всадники двигались, будто в туннеле. У Эвиан было застывшее пустое лицо, и Арни не мог понять, думает ли она о чем-то или просто тонет в горе. Дункан тоже притих. Никто не нашел подходящих слов, чтобы объяснить ему, что произошло, и хоть как-то утешить.

— Я думаю, вам лучше вернуться к нам, — сказал Арни, и Эвиан покачала головой.

— Мы поедем на наше ранчо.

— Из-за Надин?

— Не только. Я хочу побыть одна.

— Я поеду с тобой, — вставил Дункан, и Эвиан протянула к нему руку.

— Я не имею в виду тебя. Ты — часть меня, потому ты можешь быть рядом.

— Я привезу вам продукты и все, что нужно, — сказал Арни.

Дома Надин молча выслушала его. Арни было бы трудно пережить ее торжество или даже удовлетворение, но лицо женщины не выражало ни того, ни другого.

— Ты хотела переписать имущество на мое имя? Я готов к этому. Я вступлю в Ассоциацию скотоводов Вайоминга и в «Шайенн-клаб». Я слышал, представители закона ценят состоятельных, имеющих связи людей. Вот пусть и ценят.

— Ты хочешь помочь Кларенсу?

— И Эвиан. Надеюсь, ты не станешь возражать?

— Конечно, нет. Ты мой супруг и можешь поступать так, как считаешь нужным. А сейчас тебе надо отдохнуть.

— Я должен отвезти Эвиан и Дункану продукты.

— Я сама это сделаю.

Надин шагала быстро, словно подхваченная ветром. Она думала о стене, отделявшей ее от Эвиан. Ей казалось, будто эта стена подобна камню, но на деле она оказалась тонкой, как бумага. Сейчас Надин говорила себе, что сама она была счастлива много лет, тогда как Эвиан ступила

на порог своего счастья только теперь, да и то больше не успела сделать ни шага.

Эвиан не удивилась ее приходу.

— Ты была права, — только и сказала она.

Надин облизнула губы.

— Я прошу прощения, если сказала что-то не то. Я просто имела в виду, что мы не можем вернуться назад и стереть то, что нас не устраивает. И все-таки это не означает, что мы не должны двигаться вперед.

— Я не знаю, как мне теперь жить, — призналась Эвиан.

— Арни сделает все, чтобы помочь Кларенсу.

— И все же его осудят.

— Наверное.

Войдя в дом, она развязала мешок. В нем был кусок ветчины, хлеб, картофельный салат, пирожки с мясом и бутылка сидра. Из комнаты вышел Дункан и нерешительно посмотрел на Надин. Не тратя слов, она привлекла его к себе.

— Возвращайся. Эрик скучает по тебе.

— Он на меня не сердится?

— Разве Эрик способен долго сердиться?

Мальчик набросился на еду, а Надин разлила по чашкам сидр.

— В этом году получился слишком крепким,

ну да это и к лучшему, — сказала она, а потом сообщила без всякого перехода: — Эвиан, тебе пришло письмо.

— От кого?

Протянув квадратный конверт, Надин следила, как Эвиан пробегает глазами строки и как она бросает письмо в огонь.

— Им все равно никогда не понять индейских легенд и не постичь, для чего растет лес, — промолвила Эвиан и залпом выпила сидр.

— Он просит тебя приехать?

— Я напишу ему письмо и все расскажу. Попрошу прощения за обман. Объясню, что это случилось потому, что я сама обманулась. Соглашаясь выйти за него замуж, я, как и другие женщины, думала то ли об удобстве, то ли о вечном празднике. Я способна перебороть себя, но только не ради этого.

Когда Дункана сморил сон, женщины некоторое время сидели молча, не двигаясь, как две статуи. Эвиан ожидала, что Надин заведет речь об убийстве Джозефа Иверса, та почему-то ничего не сказала.

— Я бы хотела построить здесь новый дом, — наконец произнесла Эвиан.

Надин кивнула.

— Думаю, это будет несложно. А пока вам с Дунканом лучше вернуться обратно.

В то время как Арни нанимал адвоката и узнавал, когда состоится суд, Эвиан решила навестить семью Кларенса. Шел снег, и желтые поля были полны белых вкраплений. Но главным цветом поселка углекопов, мимо которого им довелось ехать, был черный. Такой же налет похожей на сажу горечи лежал на душе Эвиан. Перед отъездом она услышала, как Дункан мужественно обратился к Эрику:

— Ты прав: твой папа — самый лучший. А мой сейчас в тюрьме.

— Из-за поезда? — тихо спросил Эрик.

— Да.

И вот Эвиан сидела перед Дунканом Хейвудом и говорила о Кларенсе, а тем временем Дункан-младший жадно разглядывал его кожаные штаны, широкий пояс с медной пряжкой и словно вырубленное из гранита лицо. Рано постаревшая, седая, ничем не примечательная женщина — бабушка — произвела на него гораздо меньше впечатления. К тому же она только тихо плакала и сокрушенно кивала головой.

— Стало быть, вы и есть та самая женщина, из-за которой жизнь Кларенса пошла наперекосяк.

косяк? — сказал Дункан-старший, когда Эвиан умолкла.

— Да. Теперь я его жена.

— Что ж, по крайней мере он жив. И, надеюсь, когда-нибудь будет свободен. А пока вы можете остаться у нас.

— Нам есть где жить. Я бы только хотела забрать седло, которое вы некогда подарили своему сыну.

— Боюсь, оно тяжеловато для женщины.

— Я никогда не принимала большей тяжести, чем могла вынести, — сказала Эвиан.

— Вы хотите взять седло для него? — Дункан-старший кивнул на мальчика.

— И для его отца. Ведь он когда-то вернется.

— Так это мой внук? — лицо отца Кларенса оживила улыбка.

— Да, — выдержав паузу, ответила Эвиан.

— И все это время вы в одиночку воспитывали его?

— Мне помогали друзья.

— Что ж, теперь у вас есть мы, — сказал Дункан Хейвуд. — Приезжайте в любое время. Хотя я вижу, что вы не сельская жительница.

— Вы правы, — сказала Эвиан, — и все же я намерена остаться на ранчо до конца своей жизни.

Эпилог

У Янсонов вошло в привычку во время праздника в честь весеннего клеймения скота устраивать свой собственный пикник. Они делали это вот уже четвертый раз, пропустив всего один год, когда с запада неожиданно пришел ураган, принесший ливень, а затем и град. Та весна была суровой и поздней; на многих ранчо не хватало сена, и Арни уговорил родителей Кларенса принять помощь деньгами и кормом для скота.

На пятый год день, в который Янсоны собирались на пикник, тоже начался с ненастья. Но к полудню в серых громадах туч появились прорехи, а вскоре их вовсе разметало по сторонам, и на землю хлынуло солнце.

Дети шумно высыпали из дома, неся кто что: корзинку с кресс-салатом, миску с вареными бобами, завернутые в промасленную бумагу пироги, жестянку с молотыми кофейными зернами, жареные кукурузные початки, окорок, хлеб.

В просторной и крепкой повозке было довольно места, но девчонки и мальчишки все равно спорили и толкали друг друга. Дункан поглядывал на

мелюзгу свысока. Он козырял перед Эриком: у того были сестры, тогда как у Дункана — младший брат. Лиланд родился чуть раньше, чем третий ребенок Янсонов.

По дороге Надин и Эвиан говорили о том, удастся ли им отыскать горные лилии: эти красивые нежные цветы росли у самого подножия далеких гор. Дети тоже болтали, и только Арни — единственный мужчина в повозке, если не считать мальчишек, — молча правил лошадьми и следил за дорогой, думая о своем.

Пять лет назад Арни уговорил Эвиан не присутствовать на суде. Он сказал, что так будет лучше и для Кларенса, и для нее самой, поскольку женщина уже знала, что находится в положении.

Арни скрыл от Эвиан, что речь идет о том, чтобы помочь Кларенсу не просто получить меньший срок, а избежать виселицы. Он приложил все усилия к этому, и все же решение могло быть самым неожиданным. Арни старался не думать о том, что Бешеного Айка и большинство членов его банды, процесс над которыми состоялся немногим раньше, приговорили к смерти.

Вернувшись, Арни нашел в себе силы сразу сказать Эвиан правду — семь лет, а у нее хватило мужества выдержать это. Чтобы хоть как-то смяг-

чить удар, Арни обмолвился о том, что Верховный суд США принял постановление, разрешающее осужденным преступникам подавать апелляцию, но не упомянул, что дело могло быть пересмотрено как в ту, так и в другую сторону. Как заявил адвокат, семь лет были минимальным сроком, Кларенсу сильно повезло.

Эвиан с мальчиками продолжала жить в «Райской стране», хотя новый дом на ранчо «Синяя гора» был построен еще два года назад. Из Шайенна для детей были выписаны учителя, а женщины постоянно заказывали в городе книги и вскоре собрали довольно большую библиотеку.

Эвиан также интересовалась модными журналами и выкройками, а еще у нее появилась швейная машинка со столиком орехового дерева и чугунным литьем. Все это немного скрашивало долгое ожидание.

Отыскав подходящее место, выгрузили провизию, развели костер. Земля была еще сырой, потому сидели на привезенных с собой досках.

В этот день Арни всегда преподносил женщинам и детям небольшие подарки. Он раздал их всем, кроме Эвиан. Она не удивилась, хотя Арни был не тем человеком, который способен что-то забыть. Она немного насторожилась, лишь когда

он плеснул в стаканы женщин не сидр, а виски, а после того, как они выпили, поздравив друг друга с праздником, вынул конверт.

— Думаю то, что ты сейчас услышишь, будет лучшим подарком для тебя, — сказал он, обращаясь к Эвиан.

Та невольно оглянулась. Наевшись, дети сперва разбрелись по поляне, а потом организовали какую-то шумную игру. Когда Эвиан вновь повернулась к Арни, ее глаза ярко блестели.

— Я тебя слушаю, — просто сказала она.

— Письмо прислал адвокат. Кларенса освобождают досрочно. Его выпустят через три дня, и он просит, чтобы я приехал.

Когда Арни взглянул на Эвиан, ее лицо напомнило ему те самые тучи, сквозь которые неожиданно просочился свет. А еще, казалось, она не знает, что сказать, или не имеет сил это сделать.

— А я? — наконец прошептала она.

— Думаю, он хочет, чтобы ты подождала его на ранчо.

— «Синяя гора»?

— Да.

Неожиданно Эвиан встала и пошла к горам. Задрав голову, она смотрела на ослепительные

вершины, на облака, напоминавшие обломки греческих колонн. Ветер развевал подол ее платья и сдувал со щек слезы.

— Ей надо побыть одной, — сказал Арни.

— Нам тоже, — заметила Надин.

Поднявшись с места, она смотрела в землю, чертя по ней носком ботинка. Потом резко подняла голову и посмотрела мужу в глаза.

— Раз все идет к тому, чтобы мы все соединились и зажили так, как и мечтали жить, я должна сказать, что мне известна правда. Винтовка Заны не могла выстрелить сама. Я знаю и то, что ты этого не хотел.

У Арни пересохло в горле, и он с трудом выдавил:

— Ты догадалась?!

— Я помню, что после гибели моего отца ты был сам не свой. Помню, как Дункан вскрикивал по ночам, а Эвиан поила его успокоительными отварами. И когда он сказал Эрику то, что сказал, я поняла, что это правда.

Арни отшатнулся.

— И ты говоришь мне об этом только сейчас, спустя пять лет, родив мне третьего ребенка?!

— Если ты, твой друг и Эвиан все это время были вынуждены нести свой крест, почему я не

могла нести свой? И я надеюсь, что теперь все мы наконец получим свободу.

— Ох, Надин!

Арни не смел обнять жену, но она сама прислонилась к его плечу, и они стояли так, слушая, как бьются два близких друг другу сердца.

Вернулась Эвиан. Она принесла букетик прохладных и чистых лилий.

— Если мне удастся довезти эти цветы до ранчо, я отнесу их на могилу Заны.

Арни выехал загодя и ждал Кларенса в том месте, какое было указано в письме. На его лице была написана нерешительность. Казалось, он боялся увидеть вместо своего давнего приятеля другого человека. Однако когда Кларенс подошел ближе, расслабился и просто сказал:

— Привет!

— Привет.

— Я рад нашей встрече. Думал, это случится только через два года!

— Я старался вести себя смирно и тихо.

— Понимаю, — кивнул Арни. Он заметил, что Кларенс не хочет говорить о тюрьме, потому спросил: — Куда направимся?

— Не стоит задерживаться в городе. Будет лучше, если мы сразу пойдем на ранчо по индейской

тропе.

— Хорошо, — ответил Арни, радуясь, что надел в дорогу стоптанные сапоги, кожаные штаны, старую шляпу и холщовую куртку.

Они довольно долго шли молча, но это не вызывало неловкости. В округе ничего не изменилось. Воздух по-прежнему был пропитан запахом смолы хвойных деревьев, терпкого можжевельника и влажного мха. Кое-где тропа была скользкой из-за переплетенных корней или глинистой почвы, а местами ее заслоняли сосновые ветки с острыми, как жала, иглами.

Набредя на ручей, приятели решили сделать привал. Набрали сушняка и развели костер, а после смотрели, как, рассыпаясь, вспыхивают и затухают огненные искры.

Шумел ручей. Хотя вода имела цвет крепкого чая, Арни знал, что на самом деле она чиста, как хрусталь. Он первым принялся говорить. Рассказал о жизни на ранчо, о новом доме с большими окнами и высокой верандой, обо всем том, вроде бы незначительном и вместе с тем важном, что произошло за эти пять лет.

— Получается, теперь ты один из богатейших скотоводов Вайоминга? — усмехнулся Кларенс, и Арни спокойно ответил:

— Я никогда не думал о богатстве. Чем больше земли, работников и животных, тем тяжелее ответственность.

— Вам все еще требуются люди для охраны границ ранчо?

— После того, как в Иллинойсе наладили производство колючей проволоки, уже меньше. Да и Национальная противоконокрадная ассоциация набирает силу. Но работа на ранчо всегда найдется.

— Как Эвиан? — наконец произнес Кларенс и тут же сокрушенно добавил: — Должно быть, я ужасно выгляжу!

Арни пожал плечами.

— Не сказал бы, что ты сильно изменился. А Эвиан все так же красива.

— Как дети? — тихо спросил Кларенс.

— Ты их увидишь. Младший, Лиланд, очень похож на тебя. А Дункану почти тринадцать. По крайней мере, раз в год Эвиан отправляла их погостить к дедушке и бабушке. Твой отец ждет тебя.

Оглянувшись на ручей, Кларенс спросил:

— Ты принес то, о чем я просил?

— Да, — сказал Арни и достал из мешка чистую одежду, мыло и бритву.

Кларенс взял мыло, разделся, вошел в ручей и принялся мыться. Вода была холодной, но он, казалось, этого не замечал. Арни мог только догадываться, почему приятель решил искупаться здесь, а не в городе, где можно было заказать горячую ванну.

Когда Кларенс встряхнул мокрыми волосами, вытерся полотенцем и надел чистую рубаху и узкие штаны, Арни на миг почудилось, будто они вернулись на четырнадцать лет назад и направляются на ранчо, принадлежащее неведомому мистеру Уиллису. Все было так же, только тогда стояла не весна, а осень.

Вскипятив кофе, Арни вынул фасолевый пирог, испеченный Надин по его просьбе. Пирог успел зачерстветь, но это было неважно. Разломив его пополам, Кларенс и Арни с аппетитом ели, а потом пили обжигающий кофе.

— Ты получил то, о чем мечтал в юности? — спросил Кларенс.

— Наверное. Хотя я мало задумывался об этом, — сказал Арни.

Когда они вышли на открытое пространство, Кларенс, казалось, наслаждался воздухом и ветром. Он спешил на ранчо, и вместе с тем было видно, что он чего-то боится.

Арни не мог сказать, что таится в душе Эвиан. Это знала только она. Когда она вышла из дома, Арни захотелось убежать прочь: ему было неловко присутствовать при этой встрече. Но Кларенсу с Эвиан все равно не удалось бы остаться наедине: здесь были и Дункан, и Лиланд.

— А мы ждали вас завтра, — просто сказала женщина.

Увидев, каким прелестным и юным вдруг стало ее лицо, Арни неловко заметил:

— Хорошо, когда что-то радостное случается раньше, чем этого ждешь.

Дункан сделал шаг вперед. Он изо всех сил старался держаться по-взрослому.

— Здравствуй, отец, — сказал он, протягивая руку, и Кларенс ответил на пожатие.

Четырехлетний Лиланд застенчиво смотрел на отца, а когда тот наклонился к нему, тихо поздоровался. Арни видел, что Кларенс понимает: ему придется труднее, чем он думал. Слишком многое здесь случилось и прошло без него. Когда он обнял Эвиан за плечи, его рука слегка дрогнула, словно от нерешительности.

Кларенс не переставал удивляться изменениям, произошедшим в усадьбе. Большой дом, новая мебель, никаких пожелтевших календарей

на стенах и железной печи в углу. Когда Арни привел приятеля на конюшню, тот долго разглядывал поводья и уздечки, попоны и подставки для седел. Узнав отцовское седло, он положил на него руку и долго не отнимал.

В конце концов Арни забрал мальчишек, сказав, что сегодня они переночуют в «Райской стране».

— Утром я приеду за тобой, — бросил он Кларенсу. — А завтрашним вечером Надин ждет нас на праздничный ужин.

— Вот как? — медленно произнес Кларенс.

Когда Арни ушел, он долго стоял, не двигаясь, словно его ноги вросли в пол.

— Я ждала тебя, — сказала Эвиан.

Кларенс оглянулся вокруг.

— Мне кажется, я ничего этого не заслуживаю. Все слишком сильно изменилось.

— Но ведь я осталась прежней.

— Зато я — нет.

— Я тебе помогу.

В ее взоре были надежда, смелость и что-то еще. Кларенс привлек ее к себе и, все еще не веря, ощутил знакомый запах кожи и волос. Затем осыпал поцелуями, прикасаясь губами ко всему, к чему можно было прикоснуться. А потом Эвиан

почувствовала то, что он — она это видела — хотел утаить: его слезы.

Они лежали в постели, и хотя вокруг простирался мрак, грядущее казалось им неожиданно бесконечным, сияющим и светлым. Будто негласно договорившись не вспоминать тяжелые времена, они говорили только о будущем: о детях, о том, что с завтрашнего дня наступит совсем другая часть их жизни, хотя бы потому, что эта жизнь будет совместной, а еще оттого, что они построят ее так, как захотят.

Они не заметили, как пронеслась ночь. Когда на рассвете за окном раздался стук копыт, Кларенс улыбнулся.

— Это Арни. Он не даст мне поблажки!

— Я сварю кофе, — приподнявшись, сказала Эвиан. — Выпьете на дорогу.

Он бережно укрыл ее одеялом.

— Лежи. Арни наверняка что-то припас. Встанешь потом, когда мы уедем. Я люблю тебя! Жди. — А потом вдруг спросил: — Как думаешь, дети меня примут?

— Они уже тебя приняли, — ответила Эвиан, и Кларенс понял, что она сделала все для того, чтобы это случилось.

На улице властвовал влажный весенний ветер.

Упиравшаяся в небо горная гряда выглядела такой светлой, что, казалось, будто между нею и воздухом не существует границ. Во дворе стояли две лошади — одна из них под седлом Кларенса. Увидев, что приятель спускается с крыльца, Арни остановился.

— Я рано.

— Все верно. Пора приниматься за дела. Распоряжайся, ты же хозяин!

— Предпочту, чтоб мы были на равных.

— Кстати, я забыл поблагодарить тебя за то, что ты для меня сделал. Я в долгу перед тобой, — неловко произнес Кларенс.

Арни положил руку на его плечо.

— Мы ничем не обязаны друг другу, это же просто дружба.

Они одновременно вставили ногу в стремя, перекинули другую через седло — со стороны их движения выглядели удивительно слаженными, — разобрали поводья и тронули коней. Они ехали навстречу горам, пастбищам, лесу, новым надеждам и зарождавшемуся дню.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.